

**Екатерина
БОБРОВА**

**Мама
для СОВЁНКА 2**

Вторая часть приключений Юлии. Впереди доведение Второго и Третьего до нервного тика, осада от Четвертого — хорошие девочки быстро не сдаются, эксклюзивная учеба от калкалоса, дружба с Седьмой, Зимний праздник, академия — будем верить, что она выстоит, и многое, многое другое.

Словарь

Асмас — название эсхарата

Ассар — ассара: наставник — наставница

Бездна — подземное озеро под дворцом. Используется для купания в зимний сезон.

Вальшгас — тоже ящерица, но бегаящая и ползающая. Используется как средство передвижения по горам.

Девятиликий — местное божество, обладающее девятью ликами (боль-болезнь, гнев, радость, любовь, кара-возмездие, смерть, рождение, наслаждение, страх)

Ерьки — местная мелкая рыба, живет в пресноводных озерах.

Жигра — остро пахнущая трава, любимая горными козлами, часто употребляется для добавления в мыло, шампуни.

Калкалос — дракон, условно-разумное существо, которое местные относят к летающим ящерицам

Котел — аналог хаммама (турецкой парной)

Мыслевик — артефакт, позволяющий общаться на незнакомом языке. Обладает побочным эффектом в виде головной боли

Ракханы — раса «сероволосых»

Световик — осветительный шар. Реагирует на движение и загорается, если рядом находится живой организм.

Свириллум — драгоценный металл, что-то вроде белого золота.

Столп — правитель тэората

Таркас — столица Асмаса

Тапуны — местное население

Тэорат — часть страны (королевства), отданная под управление принцу

Шайрат — название мира

Чарксы — огромные птицы, напоминают наших орлов. Поддаются дрессировки. Могут нести на себе всадника. Тяжело разводятся в неволе, потому редки. Используются для патрулирования и разведки.

Эсхарат — страна, с монархическим типом правления, аналог королевства или княжества

ГЛАВА 1

Проснувшись, Юля лежала какое-то время, прислушиваясь к тишине спальни. Но тишина стойко хранила секреты, и пришлось открывать глаза. Под боком обнаружился сладко сопящий Совенок, в кресле около кровати — Третий. Мужчина спал, вытянув ноги, сложив руки на животе. Во сне его лицо смягчилось, государственная морщинка разгладилась, и сейчас, разглядывая его высочество, Юля искренне недоумевала — чего она испугалась? Мужчина как мужчина. Симпатичный. Умный. Правда, мысли вызывал, как виртуальная Алиса — списком всех вариаций прегрешений от валяния птичника по полу до

побега из дворца. Просто пробудитель совести какой-то. Хотя хорош. Н-да.

Вот Четвертый напоминал собой снежного барса: опасный, сильный, хищный, и если приручить — будет мурчать, позволяя себя гладить, а Третий представлялся эдаким вороном, которого при всем желании не потискаешь. Мудрый, сильный, с готовыми махинациями-ходами на каждое слово собеседника. Не человек, а мозг, причем обличенный властью. Ядреное сочетание. Такой всегда будет лидером, из принципа не позволив женщине одержать верх. И вряд ли Третий потерпит рядом с собой кого-то более яркого, чем послушную жену-тень, обожающую мужа и целиком ему подчиняющуюся. А у Юли с подчинением проблемы...

Встала, укрыла Третьего одеялом. Заботливо подоткнула. Направилась было в ванную и замерла, услышав:

— Не стоило.

Обернулась — Третий лежал, не открывая глаз. Улыбнулась — в кресле, укрытый одеялом, мужчина смотрелся по-домашнему уютно.

— Почему? — поинтересовалась. Харт, ощутив улыбку в голосе, открыл глаза, потянулся, разминая затекшую шею.

— Уже встаю, — проворчал, подтягивая одеяло повыше. Прошелся заинтересованным взглядом по девичьей фигуре, и Юля разом вспомнила, что она в пижаме с пандами, растрепанная со сна... Но смущение не пришло, видать, вчера в пламени пострадала не только гостиная. А вообще совместная ночевка здорово сближает, причем без всяких задних мыслей.

— Вижу, чувствуете себя хорошо, — оценил ее состояние Харт. Юля действительно ощущала себя отлично. С этой магией она зареклась прогнозировать, но сейчас настроение было как у Пятачка — сплошной оптимизм и желание сворачивать горы.

— Спасибо вам, — поблагодарила искренне за ночное дежурство в кресле. Третий только отмахнулся:

— Начинаю привыкать, что с вами всегда пожар. Идите уже, — и сладко зевнул.

Когда Юля вышла из ванной, его высочество сладко спал, подложив одеяло под голову и посапывая. На цыпочках, чтобы не разбудить, спустилась вниз. Прошла в столовую, где слуги накрывали к завтраку. Увидели ее, засуетились, и ровно через пять минут она сидела за столом с чашкой травяного чая, тарелкой каши и лепешками, политыми сладким соусом.

Через две чашки чая и пустую тарелку каши появился Четвертый. Первым делом сканировал лицо, остался довольным, уселся за стол и поздоровался:

— Свежего утра, Юля. Как спала?

Похоже, они перешли на новый уровень общения, по крайней мере наедине.

— Спасибо, хорошо.

— Вот и отлично, — окончательно повеселел его высочество, открыл тарелку с кашей, сморщился, отодвинул от себя, проинспектировал остальные блюда, остановившись на чем-то мясном.

— Как Пятая? — спросила осторожно.

— Все в порядке, Юля. Тебе не нужно о ней беспокоиться, как и обо всем остальном. Все будет хорошо, обещаю.

Юле словно под дых ударили, и настроение резко испортилось.

— Неужели? — протянула, ощущая во рту горечь. Внутри заворочался вчерашний страх за Совенка. — Зачем тогда охрана? Ограничение на встречи и запрет на самоволки из

дворца? Просто так, да?

Фильярг отложил вилку, стиснул зубы, но молчал, и это молчание только больше заводило.

— Не считай меня за дуру! Тебе не кажется, что я тоже имею право знать, чего стоит опасаться.

Его высочество ответил тяжелым взглядом, в котором явно читалось неодобрительное: «В самоволку захотела?».

— Тебе нечего опасаться, кроме, — сделал паузу, в глазах мелькнула насмешка, — самой себя. Что касается охраны и, как ты выразилась, самоволок, это лишь мера предосторожности. Ты не знаешь наш мир, поэтому извини, но одну тебя никто никуда не отпустит. Как и не оставит без присмотра. Что касается встреч... — поморщился, точно речь шла о чем-то неприятном, — поверь, ты не много потеряла. Думаю, Пятой было достаточно. И не держи на нее зла. Она всего лишь избалованная, истеричная женщина. Ее угрозы — пустые слова.

«Пустые слова». Юля выдохнула, отпуская напряжение. Никакой угрозы. Или ее намерено успокаивают, чтобы не волновать? Комнат-то жалко.

— Есть шанс когда-нибудь снять ограничения? — спросила, не глядя на Четвертого. Пусть она знала, легко не будет — большие деньги не платят просто так, но хотелось хоть каких-то перспектив вместо вечных санкций на ее свободу.

— Юля.

Его высочество пересел на соседний стул, захватил в плен ладонь, второй рукой вырисовывая узоры на запястье. Сердце предательски дрогнуло, втягиваясь в танец горячих прикосновений.

— Я понимаю, это не просто, но и нас пойми. Куда я тебя отпущу? В город? Чтобы ты сожгла полквартала? И потом всю жизнь корила себя за убийство?

Юля вздрогнула, явственно представив эти самые «полквартала». В ушах снова зазвучал крик Пятой. И она поморщилась, кляня себя за дурость. Понятно, что плотный колпак раздражает до зубовного скрежета, но альтернатива... ещё хуже.

— Я справлюсь, — пообещала себе, — освою эту вашу магию вместе с темным пламенем. Не так уж это и сложно. Только держите ваш птичник подальше от меня, а то кого-нибудь прибью ненароком. И почему они так не любят Шестого?

Фильярг ухмыльнулся на «птичник», но возмущаться не стал.

— Мы не любим слабость, Юля, — пояснил, — потому как слабость для нас — смерть. А Шестой... Так уж получилось намеренно и не очень, что его посчитали слабым с рождения. Но ты можешь это изменить.

— Изменю, — кивнула девушка, отбирая руку. Вытанцовывавшие на коже пальцы сильно сбивали с мысли. Что там говорить, они даже с дыхания сбивали на радость Четвертому.

— А что с контролем моего дара? — вернулась в реальность, прибывая оживившихся в животе бабочек. Фильярг моргнул, отвел взгляд от ее груди, внезапно смутился, нервно пробарабанил пальцами по столу.

— Все под контролем.

Ага, контроль под контролем. И чуется лапша на ушах, — усмехнулась Юля. Она уже начала ловить тот момент, когда его высочество уходил в несознанку, прикрываясь ширмой полуправды.

— И как вы его осуществляете?

Копать — так до дна. Раз уж угораздило стать не просто ассарой, а ещё и магом.

Высочество тяжело вздохнул, точно она у него гостайну выпытывала, но все же ответил.

— Прикосновения, Юля. Вы в вашем мире довольно ловко научились передавать энергию. У магии тоже есть законы. Для передачи энергии от живого объекта к живому требуется телесный контакт. Количество забранной энергии регулируется продолжительностью и плотностью контакта.

Юля сглотнула, ощущая, как в голове образуется вакуум и остается единственная мысль «контакт». Им требовалось прикосновение, чтобы избавить ее от опасных излишков магии. Она сейчас что-то вроде «Горшочек вари» — вырабатывает и вырабатывает энергию, а сливать ее не умеет. Вот у нее и забирают излишки.

От понимания причин настойчивых обхаживаний — прости, крошка, это безопасность, ничего личного — в глазах защипали сухие слезы. Вот же дура! — стиснула зубы. Сама придумала сказочную любовь, сама в нее поверила. Знала ведь, что принцы не женятся на Золушках, только глупое сердце никак не желало угомониться.

Поцелуй, прикосновения — и вот уже пульс подскакивает, а в мыслях розовые единороги в обнимку с сердечками. Тьфу! А ей всего-то перепали принятые в местном обществе обнимашки, как самый быстрый и простой способ сбрасывания излишек энергии. Впрочем, был еще один способ — горизонтальный, на который намекал его величество, а она, дура, сразу и не поняла. Похоже, в местном обществе царят вольные нравы с такими-то установками на близость.

Невольно отодвинулась от Четвертого. Тот сразу уловил перемену настроения, нахмурился.

— Юля, — проговорил вопросительно, пытаясь заглянуть в глаза, но девушка не позволила. Встала из-за стола.

— Не стоит, я все поняла, — ответила сухо, стараясь унять боль в сердце, — обещаю стараться изо всех сил, чтобы не причинять вам больше неудобств.

Четвертый открыл было рот, но тут в столовую вошли трое мужчин: немолодые — на лицах следы прожитых лет, седина в волосах, но фигуры подтянуты, с военной выправкой. Правый чуть прихрамывал, опираясь на трость.

— Ваше высочество, — поклонились синхронно. Повернулись к ней.

— Госпожа ассара? — уточнил средний. Цепкие взгляды сошлись на Юле. Она поежилась, уловив в глазах троицы налет презрения. И вроде птичник не вызывала, а он приперся...

— Да, это я, — вздернула повыше подбородок, расправила плечи. Если что — рядом Четвертый, в загатнике — огнемёт из темного пламени. Отобьемся.

— Господа наставники? — искренне удивился Фильярг, и Юля поняла, что ошиблась. Упс, так это учителя пожаловали... Нет, со скидкой на местный снобизм, ничего так. Боевые дедушки.

— Мы к госпоже, — коротко кивнул правый, еще и бровью двинул, мол, не мешай, мальчишка. Юля прикусила губу, сдерживая улыбку. То есть пиетета перед высочеством господа наставники не испытывали, и это радовало.

— Присаживайтесь, — пригласила учтиво, — разговор будет долгим.

— Ошибаетесь, госпожа ассара, — мотнул головой левый, — разговора не будет. Нам передали ваше приглашение, мы отказываемся.

— Почему? — нахмурилась, а внутри недовольно заворочалась горячая тьма.

— Нет смысла, госпожа, — вздохнул средний, — если бы мы занимались Шестым с самого начала, был бы толк, а сейчас время упущено. За шесть недель до начала занятий мы его не вытянем.

И он скорбно поджал губы.

— Понимаете, госпожа, у нас репутация, — хмуро добавил правый.

Все ясно. Это как с элитными гимназиями — берем только гениальных, чтоб на выходе были лучшие результаты в городе.

Кулаки сжались сами собой, а тьма уже не ворочалась — билась, стремясь наружу. На плечо успокаивающе легла рука Фильярга. Он пока не вмешивался, и Юля была ему за это благодарна.

— И что, даже не посмотрите на Альгара?

— Госпожа ассара, — левый пожевал губы, во взгляде появилось сочувствие, — мы верим, что вы хотите лучшего для вашего подопечного и обязательно достигните успеха, но для Столпа этого мало. А вы — женщина. Что сможете ему передать? Силу? У вас ее нет. Смелость? Вы же темноты небось боитесь. Отвагу? Откуда она у вас, когда вы привыкли прятаться за мужскими спинами? Нет, госпожа ассара, при всем нашем уважении — подготовить Шестого не удастся.

— Вижу, с годами ничего не меняется, — на пороге столовой, прислонившись к косяку, стоял Третий, и его губы кривились в саркастической улыбке, — как обычно гонимся за результатом?

— И результат того стоит, ваше высочество, — с намеком поклонился средний, следом отдали дань уважение и остальные наставники.

— Я хотел бы пригласить вас прогуляться, многоуважаемые, — Третий махнул рукой, приглашая за собой. И все четверо удалились.

Юля расстроено смотрела им вслед. Что за день! Она только настроилась на конструктивный диалог. Попросить величество приказать? Нет, толку не будет. А объяснять, что она из другого мира, не боится темноты, не прячется за спинами мужчин... Бесполезно. Не поверят.

— Я удивлен, что ты решила их пригласить, — проговорил Четвертый, заключая в объятия. Юля дернулась было, потом махнула рукой — пора привыкать к обнимашкам. Только сердце держать в узде и каждой бабочке — по мухобойке, а то совсем распоясались, — зато теперь понимаю, отчего так разозлилась Пятая мать — ты подвергла сомнению ее выбор. Наставники они, конечно, лучшие, но дерут три шкуры. Не переживай, согласятся. С некоторыми вещами даже таким упрямам не поспорить.

— Это с чем же? — с подозрением спросила Юля.

— Увидишь, — и легкий поцелуй коснулся виска.

Нет, так дальше нельзя. Она не железная. И бабочки, сволочи, не прибиваются — сил нет. Еще немного и сдастся. Позволит победить тому, что так долго отвергала. Станет послушной, податливой, а ещё зависимой, как все местные женщины. Да-да, теперь она поняла страшную тайну местных — зависимость. От мужчин, их желаний, настроения.

Еще пару дней, максимум неделя плотной осады, и она вольется в строй наркош в платьях. Им-то проще — с рождения привыкли подчиняться и считать секс необходимостью не только зачать ребенка, но и держать магию под контролем.

А хорошо товарищи мужчины устроились. Равенство партнеров? Ха. Взаимное

уважение? Зачем, если сама прибежит. Любовь, чувства и прочая ненавистная сильным полом романтическая чепуха — все становится ненужным. И напрягаться не требуется — прискачет, как только прижмет и потребуется «спустить пар». Зашибись перспектива. Хочется схватить что-нибудь со стола и расколошматить о стену.

Дернула плечом, освобождаясь. Отшатнулась — Фильярг не стал настаивать — отпустил, только нахмурился сильнее. Выдохнула, чувствуя свободу. Надо держаться подальше и самой разбираться с магией. Не может быть, чтобы не было выхода. Пусть местные курицы цепляются за мужиков, спят с ними по нужде, она не собирается.

— Юля, нам надо поговорить.

Не сейчас. Ей остыть, избавиться от наваждения, сосредоточиться на работе. Она здесь по контракту, так что нечего на начальство виды иметь. Неуставные отношения — от них одни проблемы. И напомнила себе: шесть недель, а потом она окажется в академии подальше от высочеств.

— Госпожа ассара.

Подарком судьбы вернулись господа наставники с Третьим. Юля поймала горящие нездоровым энтузиазмом взгляды, попятилась.

— Приносим извинение за недоверие, — поклонился средний мужчина, — ассары в последнее время редкость. Мы успели забыть, как быстро вы можете менять ситуацию. Если вы не передумали, мы готовы взять Шестого в ученики. Меня зовут наставник Ирлан, это наставник Ульгард, — указал на правого, — и наставник Шаккар, — на левого.

Юля выдохнула, улыбнулась — вот и ладненько. Трех твердолобых уломали, надо думать, после экскурсии в выжженную гостиную. Пусть наставники явно привыкли выматывать учеников до кровавого пота, но у нее Совенок, которому все пророчат гибель на первых же испытаниях. Так что пусть гоняют, был бы толк. Как говорится — тяжело в учении, легко в бою.

— Я согласна, — и добавила: — Добро пожаловать в команду.

Мужчины благожелательно переглянулись, идея с командой им пришлась по душе. Юля и сама чувствовала себя словно в команде по выборам президента. Только у них не президент, а Столп. Да и расплатой за неудачу станет смерть Альгара...

— И мы могли бы... — начал было левый, но Харт жестко перебил:

— Нет, я уже отказал. Узнаю — отстраню.

Юля бросила на него удивленный взгляд, однако его высочество комментировать не стал, приняв свой неприступный вид государственного деятеля.

— Юля! — вихрем в столовую влетел Аль. Застыл на пороге, нашел глазами девушку, успокоенно выдохнул и только тогда заметил, что в столовой есть кто-то еще.

— Наставник Ирлан, — потрясенно округлил глаза. И Юля поняла, что в ее сети попала местная легенда.

Мужчина покрутил в руках трость, прошелся оценивающим взглядом по мальчишке, тяжело вздохнул, но высказывать не стал.

— Альгард, знакомься — твои новые наставники.

Юля поочередно представила мужчин, Аль захлопнул рот, вытянулся, расправил плечи, стараясь выглядеть взрослее.

— Пусть его высочество позавтракает, — распорядился наставник Ульгард, — а мы подождем в классной комнате, я видел, она не пострадала.

— Ты знаешь, кто это?! — восторженно зашипел Аль, стоило за наставниками

закрыться двери. — Это же сам Ирлан, герой пятилетней войны, победитель...

— Он — твой учитель, — насмешливо перебила его Юля, — и поверь, гонять тебя будет так, что ты думать забудешь о его победах. Потому живо завтракать. Иначе с тебя спросят за каждую минуту промедления.

После завтрака Юля проводила Совенка. В гостиной всюду шел ремонт. Пол, потолок уже восстановили, лестницу тоже, и приход Юли оказался весьма кстати. Мастер-оформитель вцепился в нее мертвой хваткой, решив заставить хозяйку покоев самой ломать голову над интерьером. Следующие два часа прошли плодотворно с погружением в мир световых композиций. Итог получился впечатляющий — гостиную разбили на три зоны. И кое-что стало привычным — торшер, кресла, имитация камина на стене. И никаких вальшгасов.

После Юля поднялась к себе — переодеться, потом закопалась в вещах, откладывая в сторону провокационные — мало ли что придет в голову Четвертому, и он решит продолжить традицию совместных ночевков. Минут через десять дверь без стука отворилась, и в комнату шагнул здоровяк. На две головы выше Юли, косая сажень в плечах, с заросшим щетиной подбородком, волосы заплетены в мелкие косички, рожа совершенно бандитская, как и ухмылка. Эдакая помесь Скалы и Джека Воробья.

Остановился напротив, разглядывая нагло.

— Так значит, это ты к нам в матери набиваешься? — ухмыльнулся шире, в глазах застыл холод убийцы. — Надеешься, отец допустит тебя в постель? Так поторопись — одно только место осталось, восьмое.

Дежавю, — мелькнуло в голове. Вчера Пятая с претензиями. Сегодня кто? Второй? Первый? Удружил его величество с оглаской приговора, тьфу, приказа. Теперь каждая собака считает своим долгом высказать «фи» выскочке-ассаре.

— Я не жадная, — пожалала плечами, — бери, если хочешь.

— Что? — не догнал здоровяк, делая шаг и нависая, давя мышечным авторитетом.

Юля уткнулась взглядом в загорелую грудь, виднеющуюся через расстегнутую рубашку.

— Восьмое место. Ты же на него претендуешь?

О. В желтых глазах шок и неверие. А нечего себя вести как тупой варвар.

— Ах ты! — выдохнул, широкая ладонь легла на горло девушки, сдавливая. Глаза полыхнули ненавистью.

— Юль, а можно я этот набор возьму наставникам показать? Ой! — раздался грохот.

Верзила поморщился, горло отпустил, а потом — Юля не поверила глазам — превратился в доброго Санту с потрясающе открытой улыбкой.

— Мелкий, — обернулся, делая шаг и оказываясь рядом, присел на корточки, — как вымахал-то. Я тебе вот таким, — едва развел руки, — запомнил. Только орать и гадить мог.

Совенок смотрел с сомнением, но страха не испытывал, попав под очарование верзилы. А тот развел руки шире и пригласил:

— Обними уже брата, малой.

И Совенок доверился, обвил ручками «бычью» шею, заставив Юлю испытать острый приступ ревности, которого она, впрочем, тут же устыдилась. И вообще, братьев у Аля пять, а ассара — одна.

— Что это тут у тебя? — нагнулся мужчина к раскрывшейся коробке.

— Ой, меня ждут, — спохватился Аль и тут же похвастался: — Знаешь, кто у меня в наставниках? Сам Ирлан, вот!

— Ну и попал ты, малой, как рыба в сети. С тебя живьем кожу снимать будут, — протянул мужчина, добавляя: — Но Ирлан свое дело знает. Так что держись, малой, и учись лучше. Ты же один из нас!

— Я — Столп, — гордо выпятил грудь Шестой, и Юля покачала головой — недели не прошло, а самоуверенность зашкаливает.

— А это что? — вдруг напрягся незванный гость, поднимая с пола пластиковую пробирку, выпавшую из раскрывшейся коробки. Совенок замаялся, забыв чужое слово.

— Пробирка, — подсказала Юля и напомнила: — Альгард, тебя ждут.

— Вот оно как, — тихо заметил верзила, и у девушки мурашки побежали по коже, неожиданно стало страшно. Мужчина медленно поднялся, закрывая собой проход, поднял с пола коробку.

— Идем, малой, провожу, — и ушел, оставляя Юлю в злой растерянности.

— Ты знал. И потому не дал свернуть девчонке шею!

Третий вздохнул, оторвался от весьма интересного отчета и поднял взгляд на старшего брата.

— Конкретнее, Ларс, — ответил раздраженно. Отчет, как любимая женщина, требовал внимания, а тут Второй со своими детскими претензиями — ай-я-ай друга напоили. По тому другу сохли с десятков тюрем на побережье, мечтая увидеть у себя в камере. И если бы не близкое соседство с такийцами, вынуждающее поддерживать худой мир, Харт с удовольствием возглавил бы список жаждущих арестовать Фаррая.

— Ах, конкретнее, — оскалился Второй, отбросил стул от стола, сел, вытянув ноги, всем видом демонстрируя, что младший нарывается, — ты с самого начала знал — девчонка рвется стать Шестой матерью и залезть в постель нашего отца. Знал, что она споила моего друга, но решил спрятать ее от меня.

Харт поморщился. Ларс всегда отличался несдержанностью — не зря говорили, что у воздушников в голове ветер. Вот и сейчас с пылом повторял чьи-то слова, вместо того чтобы включить мозги. Похоже, кто-то из семейки успел подсутиться, знатно перевернул правду. Разделил два приказа, предав огласки лишь один — самый скандальный. Кому интересна ассара? А вот мать Столпа — другое дело. Какой простор для слухов и зависти. И начали с тех, кто не был на ужине в честь Шестого и не в курсе появления ассары. Придется отложить все дела и заниматься вплотную длинными языками. Опять ассара и снова проблемы.

— Допустим, — согласился Харт, с тоской откладывая отчет, — только не Шестой. Шестая мать у нас одна. Была. И никто не займет ее место. Юля — просто мать Альгара.

— Юля? — вскинул брови Ларс, среагировав на непривычное имя. — Просто мать? — добавил недоверчиво.

В глазах гасла злость, сменяясь непониманием.

— Не веришь? Вот приказ, — и Харт бросил брату свернутый лист, — а это второй — на ассару.

Брови Ларса поползли вверх, но он послушно вчитался в текст.

— И никому ты шею сворачивать не станешь, — решил внести ясность Харт, а то у брата хватит упрямства пугать девочку и устраивать разборки. Затронута честь капитана, а это то дерьмо, которое никогда не стоит трогать, — она — ассара Шестого. Матерью ее решил сделать отец, чтобы развязать руки и убрать Пятую.

— Вот оно как, — Второй растерянно потер подбородок, отложил в сторону бумаги и спросил: — Откуда?

— Иномирянка с Земли.

Лицо брата вытянулось.

— С Земли? — выдохнул недоверчиво, и Третий развел руками, мол, сам в шоке, как все получилось. Ларс потряс головой, пытаясь осознать.

— Какая из нее ассара? — ухватился за очевидное. — Она — женщина, еще из другого мира.

— Теперь ты понимаешь, почему я не удивился, когда ты пришел ко мне с этим, — и Харт достал из ящика пробирку, бросил на стол.

Ларс прищурился, начиная осознавать, что попойка — не единственная проблема.

— К твоему сведению, это парни Фаррая подбросили ей нутилуса. Не веришь? Сходи в зверинец, он там.

Но Ларса уже не волновал нутилис. Перед глазами стояло рассерженное лицо девушки, прямой взгляд и красивые губы, бесстрашно говорящие гадости. Какая женщина, а! Не был бы женат... И в душе шевельнулось азартное желание — приручить нахалку.

— Тяжело пришлось? — спросил со злорадством. После ночной беготни за впавшим в буйство другом было приятно осознавать, что кому-то сейчас ещё хуже. Харт помрачнел, отвел взгляд, скрывая эмоции. Он не собирался жаловаться. Можно сказать — почти привык жить в ожидании возгласа охраны «Ваше высочество, ассара», и дальше — как фантазия подскажет.

— Не просто, — процедил, ловя издевку во взгляде старшего брата, — но оно того стоит.

— Не сомневаюсь, — подтвердил, уже догадываясь, что ремонт в гостиной затеяли не просто так, — только ты не с того начал. Я же тебя знаю. Охраной окружил, доступ дворцовым перекрыл, дабы не болтали, правду скрыл, чтобы раньше времени не пугать, подход ищешь, а она — молодая, кровь так и искрит. Мужика ей надо. Сильного, умелого, чтобы думать о глупостях забыла. Если сами не справитесь, — предложил со смешком, — я всегда готов помочь.

— Мужика, — протянул Третий, искренне желая поменяться со Вторым местами. Пусть сам с девчонкой разбирается и мужика ей подсовывает. Как там называлось земное движение за независимость, о котором рассказывал кузен? Феминизм? Вот и получил бы Второй этим самым феминизмом по всей роже. А следом догнало темное пламя. Тут не умелый нужен, а тот, кто защиту выстроит. И Четвертый пока идеальный кандидат, да и девчонка больше всех ему доверяет.

Ожил браслет. Харт извинился взглядом, включил связь. И после первого же предложения вскочил со стула:

— С ума сошли?! Какой, к жырghвовой заднице, полет на калкалосе? Я не давал добро. Что значит, под твою ответственность? Уволю к жырghвовой бабушке. Только вернись и можешь выметаться.

И точно беспокойная мамаша заметался у окна в бессильной ярости наблюдая, как от дворца удаляется крылатый силуэт, неся на спине двух всадников.

Брат подошел, положил успокаивающе руку на плечо и проговорил задумчиво:

— Вижу, не справляетесь. С какой-то там девчонкой. Не узнаю тебя, брат. Придется задержаться на пару дней и помочь.

ГЛАВА 2

Юля в бессильной ярости смотрела на закрывшуюся дверь. Хотелось взять что-нибудь

тяжелое и запустить в спину верзиле. Стиснула кулаки. Сколько у нее теперь детей, точнее пасынков? Шесть? И пятеро старше ее. Зашибись. Впору почувствовать себя молодой женой престарелого папика, которую родственники готовы с пылью смешать.

А матери? Отдельный разговор. Интересно, есть ли среди них адекватные, как Седьмая? И непонятно, как та теперь воспримет ее новый статус, не начнет ли видеть конкурентку? Дурдом королевского масштаба. Конкуренция — не всегда плохо, но женская... Без правил и без жалости. Вдобавок за такие вещи, которые, если подумать, особо и не нужны. Чего стоит борьба за мужика, которому даром не сдались две идиотки. Или за власть для сына — «Ватерлоо» Пятой. А нужна ли сыну корона мамаша спросила? И выбирать там, если Юля правильно помнила, все равно будет огонь.

Потерла грудь. Внутри пекло. Хотелось послать всех к чертям.

Давай, — «подбодрил» внутренний голос, — первым пошли самоконтроль и сождем тут все до каменных стен. А там, дорогуша, уже без выбора шагом марш к его высочеству, чтобы стресс снять. Впрочем, выбор есть. Между Четвертым и Третьим. Или сразу к двум пойдем для гарантии?

Тряхнула головой, прогоняя пошлые мысли. Какая из нее ассара после такого? Она так и не разобралась с системой местных ценностей. Все источники информации из-за опеки Харта сторонились ее как огня. А те, кто заглядывал, спешили вылить ведро помоев.

Не дождетесь, — скрипнула зубами. В комнате было душно, и она спустилась вниз. По пути зависла, смотря на ювелирную работу мастера-осветителя. Под его пальцами по стене пробегали всполохи — все чаще и чаще, сливаясь в световую линию-диод, а потом уже из линий создавалась очередная композиция. Остро кольнула зависть — умеет же человек, а она? Чему учат будущую Гермину, светило магического мира? Медитации? Не портить нервы себе и окружающим? Где теория, история магии?

— Скажите, мастер Таш, а женщины-коллеги у вас есть?

Мужчина вздрогнул, хлопнул глазами, потерял концентрацию и почти законченный узор погас.

— П-п-простите? — удивленно потер переносицу.

— Я хотела узнать, работают ли с вами женщины? Такие как вы мастера?

Округлившись глаза ответили без слов. И Юля со злостью подумала, что женщины у ракханов если и работают, то исключительно в постели.

— А подскажите тогда, где обучают женщин магии?

Если есть какая-нибудь женская школа или академия, Юля попробует уговорить высочеств совместить оба учебных заведений для нее.

— Дома, конечно, — пожал плечами мастер и извиняюще улыбнулся на перекосившееся лицо девушки.

Дома, — эхом повторила про себя. Кто-то мечтал о Хогвартсе? Только для юбок здесь исключительно домашнее обучение. И Юля могла спорить на что угодно, что изучают все ту же медитацию. Это ей достался слегка расширенный курс с факультативом «Соблазни ассару». Сволочи!

Срыв был рядом, горячим воздухом дыша в затылок. Капельки пота заскользили по спине. Нестерпимо хотелось на воздух. Желательно в сугроб. Чтобы сразу в холод до синих губ и отмороженных пальцев. И виноватых-то нет. В чужой монастырь со своим уставом... Не поймут. А так хочется встряхнуть местный птичник и спросить: интересно ли им что-нибудь кроме постели, сплетен и детей?

Высочила на балкон, перегнулась через перила, впитывая в себя роскошный пейзаж, стражами застывшие по обе стороны от долины горы, несущиеся по небу редкие облака. С наслаждением вдохнула прохладный воздух, жалея о том, что вышло солнце, и местная зима стала напоминать раннюю осень. И ни одного сугроба на горизонте... Разве что озеро. Но до него попробуй доберись. Через трупы охраны, ага.

Однако проблему решать надо. Даже если она попробует надавить на высочеств, ей прочитают что-нибудь сокращенное, научат каким-нибудь фокусам, искренне веря, что все остальное без толку. Вековые устои — против таких как барану в ворота, только рога отбивать.

Можно попробовать напроситься на уроки к Совенку, только его пока не учат магии, а ждать до академии... Через постель Четвертого. В целом Фильярг — отличный мужик и можно бы попробовать, но вся ситуация вызывала глухой протест. Филь ни разу не поднял свой интерес выше ее безопасности или постели. А ей по-глупому хотелось взаимности, а не просто деловой заинтересованности.

Надо учиться сливать излишки накапливающейся магии. И учителя искать не во дворце... Пираты отпадают, эти первым делом в постель заташат, ещё и вчетвером.

Взгляд зацепился за точку на горизонте. Лицо опалила радость, и она завопила мысленно:

— Драго!

Точка рвано дернулась, точно наткнувшись на преграду, а в голове укоризненно зарокотало:

— Личинка, ты где так орать научилась? Я чуть не оглох.

— Прости — прости, — заговорила горячо, — мне так нужна твоя помощь...

Прикрыла глаза, выравнивая дыхание. Попроситься на необитаемый остров? Но Совенка не оставишь одного... А так хочется слинять из дворца. Вырваться из ставших давящими стен, чтобы не бояться ничего сжечь. Но она обещала... Всхлипнула, разрываясь между долгом и нестерпимым желанием. А пошли они все... стройными рядами.

Проверила блокировку, которую ставила уже на целый день, опасаясь тревожить Аля своими всплесками, и попросила:

— Забери меня на пару часов, пожалуйста.

— Как хвостом об землю, личинка.

— Ты — лучший!

Подпрыгнула, не сдержав радость.

— Пять минут, я переоденусь и буду готова.

Белкой взлетела на второй этаж. Скинула платье, влезла в горнолыжный костюм, ботинки на толстой подошве. Перчатки, балаклаву с шапкой и очки сунула в карман и вылетела из комнаты, чтобы впечататься в пустоту.

— Госпожа ассара, — прошипела пустота, — и куда это вы собрались?

Ответ «Подальше от всех вас» проглотила. Не хотелось портить отношения с охраной, им и так вчера досталось.

— П-п-прогуляться.

Пустота задумчиво хмыкнула.

Маневр обойти пресекли, положив тяжелую ладонь на плечо.

— Надолго? — миролюбиво поинтересовались над правым ухом. Юля стиснула зубы — обложили. Теперь отпрашиваться придется, точно ей снова пятнадцать и она собирается

слинять из дома погулять.

— Пару часов, — выдавила, стараясь не думать о том, что вокруг нее плотным кольцом замерла охрана, а над дворцом кружит калкалос. На свидание сбегает. К дракону, ага.

— Пропустите, — потребовала, прикидывая варианты прорыва с боем. Выходило... отвратительно.

— Вы знаете, что калкалосам доверять нельзя? — проникновенно поинтересовались со спины. То есть они в курсе, куда она собралась? Печально. А доверять... Она и себе не доверяет, не то что дракону. Такое чувство, что перешла на сторону тьмы и вместо светлого джедая теперь ситх.

— Мне, — выдохнула упрямо, зло, — очень надо.

И если сейчас пошлют к высочествам на согласование, она сама всех пошлет... к темному пламени.

— Пожалуйста, — сложила руки на груди, смотря перед собой. В глазах защипало, и Юля прикусила губу, чтобы не пустить слезу перед мужиками. Она ненавидела себя за слабость, крепилась, как могла, но предательская слеза все же скатилась по щеке.

Пустота озадаченно молчала, потом глухо поинтересовалась:

— Очень надо?

Юля кивнула, слов не было — все силы были брошены на удержание истерики.

— С сопровождением, — предложили ей. Девушка озадаченно моргнула.

— А?

— Двоих вынесет, не переживайте, — успокоила пустота, проявляясь высоким мужчиной в темном балахонистом костюме.

— Плащ, — приказал в сторону и подхватил Юлю под руку: — Не волнуйтесь, госпожа ассара, я буду лишь наблюдать. Обещаю не мешать. И позвольте небольшой совет — съездите в ущелье Духов. Вам понравится. Местные пейзажи впечатляют не меньше, а уж прыжки вальшгасов через расщелины... — и он покачал головой, демонстрируя высшую степень впечатленности.

Юле оставалось только передвигать ногами, повинувшись крепкой хватке охранника.

Ущелье Духов — надо же. Это ее сейчас за адреналиновую маньячку приняли? Предложили щекочущую нервы альтернативу? Занятно. А какие ещё выводы должна была сделать охрана, если ее мозги для них сплошная загадка? Им и в голову не пришло, что у нее острое желание учиться, а не летать до сорванного от визга голоса и седых волос.

К ее радости, Драго воспринял появление второго седока нормально. Только облизнулся и одобрительно пророкотал:

— С едой? Молодец, личинка. Запасливая.

Мужчина на идею быть драконьим пайком никак не отреагировал, и Юля облегченно выдохнула — может, пронесет, и товарищ не улавливает мысле-речь.

Уже сидя на спине, услышала тихие переговоры — их поездку пытались согласовать. Вышло плохо и, кажется, кому-то придется искать новую работу. Быстро же она определилась с желанием для величества. И пусть Третий идет лесом со своей истерикой. Впервые попался адекватный охранник, и она не собиралась его терять.

— Далеко не поташу, — предупредил калкалос, заворачивая в сторону гор. Юля была согласна и на ближайший лесок, лишь бы без людей.

То ли дракон стеснялся «пайка», то ли ему действительно было тяжело, но полет проходил ровно, без фигур высшего пилотажа. Минут десять скольжения над парком,

кусочком озера, крышами особняков, и под крылом замелькали первые скалы. Потом они летели вверх, параллельно серой с зелеными пятнами кустарников на уступах скале. Пронзили облако и оказались на уютном плато. Там и приземлились.

От разреженного воздуха чуть кружилась голова. Юля сползла вниз, сдвинула очки на лоб, огляделась — вокруг белесыми клочками клубились облака, и плато напоминало тарелку, обмазанную по краям сахарной ватой.

Подошла к краю — далеко внизу проглядывала махина дворца — действительно махина. Она впервые оценила грандиозность сооружения — Зимний отдыхает. Тут центральных башен с десятков и стены — точно из песка налиты. Сразу видно — для большой семьи отстроено. И техника интересная — песочная готика, чем-то напоминает Саграду Фамилию* только в десятикратном укрупнении.

— Отсюда лучший вид, — прихвостнул Драго, и Юля поняла, что ей только что открыли личный наблюдательный пункт. Она обернулась, чтобы увидеть, как вызвавшийся ее сопровождать безмолвный падает на колени, а потом медленно, закатив глаза, заваливается на бок.

Юля рванула к мужчине, прижала пальцы к шее, пытаясь нащупать пульс, но остановилась, услышав насмешливый рокот в голове:

— Не трясись, личинка, еду я портить не стану. Пусть поспит, а мы пока с тобой поговорим.

Внутри протестом вспыхнула злость — интриган хвостатый, но Юля вынуждена была признать — поговорить без лишних ушей отличная идея.

— Так что у тебя стряслось, лысая самка?

На фривольные обращения Юля давно уже не обращала внимания. Для калкалоса она действительно была лысой — без шерсти — самкой. А личинка... С учетом вероятной продолжительности жизни дракона, что такое двадцать шесть лет? Пеленки и перевернутый в глазах мир.

— Знаешь что-нибудь о темном пламени? — спросила, застыв в метре от морды ящера и затаив дыхание. Сейчас все решится. Есть ли шанс у ситха остаться джедаем? Или сразу на сторону зла топать?

— А зачем личинке такое опасное знание? Ты сначала свое освой, а потом уже на чужие небеса заглядывай.

Юля вздохнула — тяжело, с горечью, и калкалос задумался. Склонил башку, взгляд сканером прошелся по телу, вызвав волну мурашек.

— Крыло мне в зад, личинка! — заорал, внезапно боднув мордой в живот. От неожиданности Юля не удержалась, плюхнувшись со всего размаху на камни. Зашипела. Но дракону на ее страдания было плевать.

— Как ты это делаешь? С таким даром родиться надо, а две луны назад у тебя его точно не было. Я проверял.

— Довели, — процедила, поднимаясь и потирая ушибленную часть тела. Синяк обеспечен.

— Хм, — Драго озадаченно мотнул мордой, Юля благоразумно отскочила от разошедшегося ящера, — никогда не слышал о таком интересном способе пробуждения дара, — и добавил задумчиво: — Надо будет попробовать.

И тут же перешел к делу:

— Что ты от меня хочешь, личинка? Темное пламя извращение двуногих. Мы

предпочитаем чистый огонь.

Кто бы сомневался. Ситхом быть никто не хочет.

— Мне нужен не просто контроль, а способ скидывать излишки. Можешь рассказать, как ваши, гм, детеныши учатся контролировать выбросы?

— Дай подумать, — пророкотало в голове, и калкалос положил голову на лапы, прикрыл глаза.

Потянулись томительные минуты. Юля обошла вокруг погрузившегося в чертоги разума дракона. Проверила охранника, подложила под него плащ, чтобы не отморозил ничего на камнях. Постояла, медитируя на дворец. Повздыхала о своем возвращении. Уселась на камни, но холод проникал даже сквозь горнолыжный костюм. Пришлось подниматься и снова слоняться.

Ящер не шевелился, лишь кончики крыльев временами подрагивали, точно калкалос спал. Юля подошла ближе, наклонилась, и до нее донеслось отчетливое посапывание.

— Драго! — окликнула.

Сволочь всхрапнул, спрятал голову под крыло. Юля рассвирепела. Пока она тут драгоценное на камнях морозит, эта чешуйчатая зараза дрыхнет!

— Подъем! — проорала, примериваясь, как бы ловчее пнуть. — Нас ждут великие дела. Не время спать.

Пнула. Отшибла ногу. Запрыгала, шипя и ругаясь. Ящер продолжал ровно сопеть.

— Ну все, достал.

Подлезла под крыло, добралась до морды и зажала ладонями ноздри. Дракон вдохнул — раз, другой, притянув ладони к коже, и оглушительно — отбросив Юлю — чихнул.

— Не сплю я, — проворчало в голове, и калкалос сладко зевнул, потянулся, — думаю.

Приличных слов у Юли не осталось, а потому она ограничилась укоризненным молчанием.

— Слезы калкалоса тебе нужны.

— Что? — переспросила.

— Камни такие, — пояснил ящер, — вы, двуногие, их слезами калкалоса называете. У нас если детеныш не справляется с даром, ему вживляют вот сюда, — коготь коснулся виска и щеки, — пару камней. Через них сила легче выходит.

— Спасибо, — растерянно поблагодарила Юля. Один камень у нее уже есть — мысле-переводчик, теперь вот еще слезы из камней появятся. Дурдом.

— Пробуй, личинка. Будет занятно посмотреть, что из этого получится.

То есть на ней ещё и опыты ставят... Зашибись. Но пробовать придется, потому как в сексуальное рабство вписываться не хочется.

И как теперь два желания: охранник и камни превратить в одно? Камни нужны ей, за охранника голосует совесть. Н-да... головняк.

До сегодняшнего дня Рохас считал себя профессионалом. Он давно работал на высочества. Дослужился до главного в тройке. Был старшим на смене и по пальцам мог перечислить свои проколы на работе. Пару недель назад Третий намекнул, что у него есть все шансы перейти в отряд короны. А о чем ещё может мечтать безмолвный, как не об охране его величества? Стоять у трона и служить тому, кто силой удерживает страну на краю огненной пропасти.

Безмолвные были не просто охранниками, да и не требовалось особой защиты сильнейшим. Их главной ценностью были щиты невидимости, за которые немногие могли

заглянуть. Наличие же невидимых соглядатаев во дворце позволяло отслеживать многое. И в случае судебных разбирательств именно слово безмолвного принималось за истину.

Рохас работал в башне принцев и всем был доволен. Третий был отличным начальником: в меру строгим, в меру понимающим. И все шло рутинно... ровно до побега Шестого.

Рохас не принимал участие в поисках — работали безмолвные Четвертого, информация доходила обрывками слухов. Впервые ассару он увидел на приеме, и особого впечатления девушка на него не произвела. Непривычная внешность цепляла, но в свое время Рохас много попутешествовал и видал внешности и поэкзотичнее.

Стоя за плечом Третьего, слушая его рассказ об истории Асмаса, он отслеживал реакцию девчонки. То, как она двигалась, как отвечала. Ее прямой взгляд, гордую посадку головы и непривычную манеру держаться на равных. Вот эта манера и сбивала с толку. Он вспомнил слова товарища из охраны Четвертого: «Если бы не длинные волосы и милое личико — принял бы за пацана». Именно так. В ее свободной манере держаться было что-то мужское, не грубое, нет, скорее, непривычное.

Про Шестого по дворцу ходили разные слухи, сам Рохас с младшим высочеством почти не сталкивался — хватало и своих дел, вдобавок мальчишка редко показывал нос из покоев. Рохас в чем-то его понимал. Кому понравится, если тебя смешивают с грязью при каждой встрече? К нему и в безмолвные не хотели идти. Дошло до того, что работали у Шестого всего четверо, находясь по одному рядом с мальчишкой — вопиющее нарушение правил. До Рохаса доходили слухи, что охрана младшего высочества настолько обленилась, что устраивала себе дни отдыха, совсем не выходя на дежурство. А если и дежурила, то не напрягаясь.

В первые дни появления ассары мало что изменилось, Третий попросил только приглядывать одним глазом за девчонкой и Шестым, когда они отлучались из покоев, но четверку усиливать не стал. А может ли один безмолвный присмотреть за двумя подопечными? Да и кто мог догадаться, что приглядывать надо не за Шестым, а за девчонкой? В ту ночь Рохас с парнями только и успел проводить взглядом крылатый силуэт, да заметить крошечную фигурку на спине.

Это было подобно извержению вулкана. Все знали, что калкалосы без причин не приближаются к людям, а уж про катание на спине и говорить не приходилось. Они вообще ничего не делали просто так. Изучению поддавались плохо, на контакт шли от скуки — поиздеваться. Вредные, злые на шутки, дикие, с извращенной логикой — с ними предпочитали не связываться.

Была пара красивых легенд о дружбе калкалосов с людьми. Детеныша спас человек, и тот до самой смерти спасителя навещал его. Или маленький мальчик был усыновлен самкой калкалоса. Но кто верит легендам?

Третий тоже не верил, но охрану ассары усилил, выделив неугомной девчонке лучших. Тройка Рохаса вошла в их число.

Он злился — отправили нянкой и с самого начала не рассчитывал, что иномирянке удастся укротить пламя. Но та упрямством могла переплюнуть вальшгаса. Взялась учиться чтению. И вообще отличалась удивительной тягой к знанию. Задавала массу вопросов, не обращая внимания на то, кто перед ней: Седьмая, целитель, даже к безмолвным ухитрялась приставать, хотя по правилам общение с ними запрещено. Но ассара с легкостью нарушала любые запреты.

А потом темное пламя... В голове не укладывалось, как у слабой чужой женщины может быть столь сильный дар. Взрывное противоречие...

Безмолвные — непредвзятая истина. Они — глаза и уши без личного мнения, без собственных чувств. Они свидетельствуют о том, что видели и слышали, им запрещено привязываться к подопечным. Их разум должен оставаться холодным, глаза — широко открытыми, руки — готовыми плести заклинания.

С ассарой это не работало. Как можно оставаться спокойным, когда при тебе бросают вызов Второму? Было бы смешно — мелкая девчонка, достающая Второму лишь до груди, — если бы его высочество не мог одним движением руки открутить ей шею. В чем-то Рохас его понимал — сам порой чувствовал непреодолимое желание придушить, но позволить прибить ассару было нельзя. В открытом противостоянии со Вторым их тройка не выстояла бы. Пришлось идти на хитрость и выманить Шестого на помощь. Всем была известна любовь Второго к детям.

Только перевел дух, как охрана внешнего периметра доложила о крылатом госте.

Рохас позволил себе поймать полный отчаяния взгляд девушки. Как безмозглый световик поддался на женские слезы. Ментальный удар пропустил — калкалосы били сразу внутрь, прошивая щиты как горящее масло листы бумаги. Из забытья выныривал долго, а когда очнулся, понял, что полулежит, ногами в пустоту, а чьи-то руки крепко обнимают, не давая сползти.

Дернулся и замер — над ухом недовольно зашипели, хватка усилилась.

— Проснулись? — поинтересовалась ассара. Рохаса накрыл холод осознания — он на калкалосе и его, точно куклу, прижимает к себе девчонка. Вспомнилось все — угроза Третьего об увольнении, собственная дурость. Полный провал. После такого только уходить из безмолвных.

— Как себя чувствуете? — с тревогой спросила девчонка, когда он застонал в бессильной ярости.

— Не дергайтесь, пожалуйста, — попросила, — а то мне вас не удержать.

— Вы меня сейчас охраняете? — удивился, чувствуя легкую панику. Это не ассара, а вывернутый наизнанку калкалос. Только они могут так извращенно шутить.

Отстранился, перебросил ногу через хребет, усаживаясь лицом к подопечной. Та моргнула растерянно, прикусила губу, потом улыбнулась, пожав плечами:

— Я же не могла вас бросить. Злитесь?

Он покачал головой. Злиться не получалось. Хотелось потрепать ассару по голове, точно младшего брата. Ну или надавать по заднице в воспитательных целях.

— Зачем вам это? — спросил, цепко отслеживая реакцию ассары. Безмолвные не задают вопросов, не интересуются действиями подопечных. Они впитывают действительность, не искажая ее собственными чувствами.

Девчонка вздохнула, поправила дурацкие очки, закрывающие пол-лица.

— Хочу сама управлять силой. Не важно, какая она — темная, светлая. Пламя или вода. Хочу стать настоящим магом, а не... — запнулась, подбирая слова, потом махнула рукой.

Он уловил, как у нее дрогнули губы, но слез не последовало. Наивная, упрямая. Решила идти против природы. Он не лучше.

— Я вам помогу.

Непривычно зеленого цвета радужка глаз потемнела, зрачки удивленно расширились.

— Я все время был рядом. Вас вывел из себя Второй, и вы решили развеяться. Вот и

упросили калкалоса на прогулку. Ничего больше не было.

— Спасибо, — закивала, глаза заблестели.

Он отвел взгляд, уже зная, что пожалеет о своем решении. Но по-другому поступить не мог.

* Саграда Фамилия — знаменитый собор в Барселоне

ГЛАВА 3

Как и прошлый раз Юлю после побега встречал полный игнор. Разве что дворец при уходе не сиял новогодними огнями и не завывала сигнализация. Юля подозревала, что благодарить за тишину стоило безмолвного. То есть, если одна — врубаем на полную, а в компании с допуском — можно обойтись.

Калкалос не без ехидства высказал пожелание узреть результат на Юлиной мордашке. Придется ведь уродовать... Хотя здесь вместо тату модно вживлять камни. Будем считать это ассимиляцией.

Безмолвный растворился в воздухе, стоило ему оказаться на балконе — вернулся к обязанностям. Рабочие заканчивали ремонт, в классной комнате шли жаркие дебаты. Девушка бросила взгляд на часы, время обеда — оно здесь отмечалось на циферблате — прошло, а наставники Аля голодом морят. Увлечлись...

Направилась в спальню. Быстро переоделась и утщила наставников с Совенком обедать. Раз все делают вид, что ничего не произошло, она — последняя, кто станет мучиться угрызением совести.

За обедом Аль, переполненный впечатлениями, болтал без умолку. Юле с трудом удалось вклинуться и спросить разрешения присутствовать на занятиях. Наставники напряглись, но уточнив, что имелись в виду история, литература и география, дали разрешение. Между уроками она собиралась продолжить мучить письменность и чтение, а вечера отдавать медитации. Да здравствует каждодневная рутина!

Ну и первоочередным стояли слезы калкалоса и отмазка охранника. Как он представился? Мастер Рохас. Вот за него и будем просить.

После обеда наставники собирались еще пару часов уделить новому подопечному, а завтра с утра приняться за него всерьез — тестирование на выносливость и силу. Так что утро у нее свободно для своих дел.

Слуга поймал ее, когда она вышла из столовой — сытая и довольная — и попросил следовать за ним. Началось, подумала мрачно. Интриговало то, что они прошли мимо покоев Третьего, не завернули к Четвертому и вообще полезли выше на другой этаж.

Слуга довел до дверей, открыл, пропустил внутрь, сам оставшись снаружи. Юля шагнула в гостиную, огляделась... И что тут у нас? Карты на стенах, гигантский глобус на полу, распальцованные раковины размером с голову, диковинные перья, морские звезды, какие-то канаты, свисающие с потолка. Не комната, а филиал каюты. И она уже понимала, кто пожелал ее увидеть. Нервно потерла горло. Если сейчас удрать, это будет оскорблением? С ее стороны, естественно, это будет стратегическим отступлением, а что там подумает Второй... Плевать.

— Проходи, я не кусаюсь, — раздался зычный бас из открытой двери.

Не кусаюсь, но шею юным девам сворачиваю на раз-два, — вздохнула Юля, прошла в кабинет.

Второй возвышался над письменным столом, как гора над равниной. Было странно видеть в здоровенных ручищах тоненькое перо. Да и вообще странно видеть такого бугая

среди книг, ловко выводящим буквы на бумаге.

Его высочество махнул лапой на стул, буркнув «Швартуйся» и продолжил писать. Юля приземлилась на краешек стула, расправила подол платья, напомнив себе, что она приличная девочка и сжигать столь уютный кабинет будет плохим поступком.

Второй закончил писать, помахал листом в воздухе, высушивая чернила и наконец соизволил обратить на гостью внимание. Неодобрительно поджал губы, просверливая пристальным взглядом дыру между глаз. Спустился ниже, подобрел.

— Ко мне можешь обращаться Второй, его высочество или принц Ларс. Как тебя зовут — я знаю, и кто ты тоже. Так что можем оставить лишние слова.

Так вот кто у нас — варвар, — догадалась Юля. Сразу «ты» и в лоб — птичник наверняка в шоке от его манер, а она уже успела соскучиться по подобной прямоте. Это как спросить про политику у тракториста и среди матных связок вычленять отдельные слова.

— Согласна, — села удобнее, положив ногу на ногу. Мужчина хищно улыбнулся, оценив маневр.

— Нагулялась? — выстрел в лоб.

— Нет, — пожалала плечами, — завтра ещё пойду.

Жалобно хрустнуло, плечи Второго взбугрились мышцами. Юля скосила глаза на стол — так и есть, кто-то пытался отломать кусок от края.

— Люблю смелых, — вдруг протянул Ларс, в желтых глазах полыхнуло новое выражение. Одним движением мужчина вытек из-за стола, встал за спиной. Юля напряглась, потеряв громилу из вида, остро ощущая, что сейчас он стоит позади нее, смотрит на открытую шею и на счет раз-два может легко лишить жизни. Не помогло даже заверение, что смерти ее никто не хочет. Лишь нежелание показать себя трусихой, помогло удержать тело на месте.

— А ты ещё и красивая, — пальцы, дразня, прошлись по шее. Юля успела пожалеть о том, что собрала волосы вверх, открыв соблазн душе телю. Не выдержала, вскочила, стиснула кулаки и выпалила, глядя в бесстыжие глаза:

— У вас жена есть, ваше высочество.

Причем недавно подарившая наследника.

Охнула, ощутив себя прижатой к столу. Лицом уткнулась в рубашку, бедра стиснули до синяков лапица, в носшибанул резкий аромат чего-то смолянистого — острый, будоражащий, въедающийся в память.

— Моя драгоценная супруга буквально вчера просила найти ей младшую жену. Она скучает на чужбине, а вдвоем веселее, — проговорили над головой. Прижавшееся тело недвусмысленно намекнуло, что выбор можно сделать прямо сейчас. Второй женой, ага. Вот это попала! И похоже, кому-то плевать, что по законам родной стороны многоженство разрешается лишь королю. Если жена привыкла к гарему, кто остановит? Всегда можно сказать — исполняешь желание супруги, которая желает видеть в доме то ли подругу, то ли служанку, то ли объект для буллинга. Япона мать!

— Как мысли-то сходятся, — радостно улыбнулась, офигевая от собственной смелости, — я как раз думала о своем замужестве. Один муж — так скучно. Но вы меня вдохновили рассмотреть кандидатуру младшего мужа.

Очень хотелось посмотреть в этот момент в глаза Второму, но ее никто не отпускал, хотя объятия стали каким-то растерянными.

— Замужем? — спросил глухо.

— В своем мире.

Не стала уточнять, что замужество гражданское и закончилось давно. Слишком щедро делиться такой информацией с верзилой. Ишь чего удумал — младшей женой захотел!

— В своем, — задумчиво протянул его высочество, вычленяя главное: — Расстались?

Твою же... И в кого они такие догадливые?

— Не ваше дело, — прошипела зло.

— Очень даже мое, маленькая ассара, — лапища ласково обхватила шею, слегка сжала, пальцы прошлись выше, зарываясь в волосы, — ты — моя семья. И чем раньше сделаешь выбор, тем, поверь, будет лучше для всех.

Тело бросило в жар. Внутри точно кислотой плеснули. Хотелось поинтересоваться — понимает ли придурок, кого провоцирует? Но вместо этого уточнила:

— Какой выбор?

Над головой задумчиво хмыкнули. Хватка, наконец, ослабла, и она смогла вздохнуть полной грудью.

— Все ты прекрасно понимаешь, крошка-ассара. Или тебе нравится дразнить мужчин?

Упс. Это в чем ее сейчас пытаются обвинить? В том, что строит глазки всем подряд? И на что подбивают? На интимные отношения с начальством? Ах да. Секс здесь — инструмент контроля, а у них бесконтрольная ассара по дворцу ходит с темным пламенем. Непорядок.

— Мне нравится моя работа, — процедила зло, ощущая внутри сплошную токсичность. Достали. Эдак она и до камней добраться не успеет — разложат где-нибудь, а потом будут убеждать, что действовали в ее интересах. Но ничего — справится, потому как работа ей действительно нравится, и Совенок — часть ее, от которой уже невозможно отказаться. К слову, мир потрясающий, один калкалос чего стоит, а повышенный интерес и настойчивое желание контролировать... Неприятно, но терпимо. Главное не позволить себя сломать, подмять, превратив в ещё одну мадам, преклоняющуюся перед номерами.

— Это мой выбор и другого не будет.

Оттолкнула, задирая голову и с удовлетворением смотря в расширившиеся от удивления зрачки Второго.

— Дерзишь, — констатировал тот, провел большим пальцем по губам, сминая. Наклонился, горячим дыханием опалив щеку: — У тебя десять дней, крошка. Узнаю, что встала между братьями — заберу младшей женой. Поняла?

Цензурных слов не осталось. Потому с силой ударила в грудь, выпаливая:

— Пошел ты сам младшей женой!

Бить верзилу было той ещё глупостью — только ладони отшибла, но вот словами она его оглушила. Замер, неверяще глядя на дерзнувшую сказать подобное ассару.

«Ходу!» — взвыл инстинкт самосохранения. Обогнула застывшего высочество и, сломя голову, вылетела из комнаты, ожидая выкрика в спину, попытки догнать, но воевать с женщинами Второй предпочитал, видно, в горизонтальной позиции. Догонять не стал. Зато догнал слуга и развернул в нужную сторону — в панике она свернула не туда.

Второй выругался, проследил за удиравшей девчонкой, загасил встрепенувшийся азарт. Покачал головой — дура, необученная, неопытная. Кто же бежит от мужика, которого раззадорила? Ох и намучается с ней Третий или все же Четвертый? Нет, нельзя, чтобы женщина встала между братьями. Ларс знал, к чему это может привести... Ветвь держится на доверии. Пусть они не были близкими друзьями, но точно знали, что в спину никто из них не ударит.

Но какая дикая... И смелая — сделала вид, что не боится. Он, может, и поверил бы, если бы не бешеный стук сердца. Эх, не был бы женат, точно забрал к себе. Будем надеяться, девчонка поверила в его угрозу и перестанет ерепениться. Третий — отличный политик, но с женщинами нельзя как с иностранными послами. Пока будет искать подход, окружать опекой и мариновать вежливостью, она полдворца сведет с ума. Потому Ларс и помог слегка, даже проявил щедрость, отпустив десять дней срока на женские метания.

Сама не понимает, глупая, что оттягивает неизбежное... Работу какую-то придумала. Никто ее из семьи не отпустит и не оставит столь сильный дар без контроля.

Но порадовала ассара, ничего не скажешь. Вспомнился Шестой — совершенно нормальный пацан, с горящими от увлечения глазами, хвастающийся новыми наставниками. И в душе впервые поселилась уверенность, что у парня все сложится хорошо.

После сегодняшнего можно было не сомневаться — ассара сработает как надо. С таким характером, упрямством и силой духа — боец, а не женщина — ей есть что передать брату. Третий с Четвертым будут идиотами, если загубят столь ценный дар.

Не примет покровительство, через десять дней заберу с Шестым к себе, — решил внезапно. Тильзия, конечно, станет ревновать, но он объяснит, что речь о безопасности государства. Если правильно попросить, жена согласится помочь. Иногда женщине проще подобрать нужные слова, чем мужчине. Главное, чтобы дражайший друг успел покинуть к тому времени дом, а то Ларс не представляет, каким образом станет объяснять неприкосновенный статус той самой «брюнетки с зелеными глазами». А все проклятый дар, позволивший другу вычислить виновницу своих бед. Хорошо, что спиртное смазало предыдущий день, и он не вспомнил, где именно мельком встречал девушку.

Подошел к окну — за стеклом шел дождь. Зима в этом году успела «порадовать» и снегом, и дождем. Хотелось верить, что к зимним праздникам она проявит милость и одарит солнцем.

Но пора возвращаться — страстную супругу выводили из себя его отлучки. Хорошо понимала, что ревновать к работе бессмысленно. Оглянулся на стол, вспоминая, как вжимал в него хрупкое тело. И понял, что с удовольствием остался бы, чтобы посмотреть, как горячится всегда спокойный Третий от выходок девчонки. А что они еще будут — выходки — он ни разу не сомневался.

— Останьтесь, — приказал в пустоту, — с девчонки глаз не спускать. Остальным не показываться. Докладывать только мне.

Злость не кипела — бурлила, а потому по пути на родной этаж Юля неслась впереди сопровождающего, бормоча под нос ругательства и смотря исключительно под ноги. Завернула за угол, со всего размаха впечатываясь в кого-то. Ойкнула, отшатываясь, но ее ловко поймали и крепко прижали к себе.

— Куда так торопимся? — поинтересовался Четвертый. Юля зашипела — «повезло» нарваться на ещё одного высочество.

— По делам, — ответила, с усилием гася раздражение. Как бы ни хотелось выплеснуть негатив, но Второй прав — не стоит вставать между братьями. Им и так несладко приходится с этим дежурством у пульта, то есть у вулкана. Добавим сюда выматывающее душу ожидание — кого выберет огонь, страх перед ритуалами и гонка на выживание в академии.

Стоп! Она что? Только что «влезла в туфли высочеств»? Дурацкое сострадание. Всегда не к месту. Еще немного и настолько проникнется ситуацией, что будет своей в птичнике.

Фильярг отстранился, ухватил за подбородок, задирая лицо, вгляделся, хмурясь.

— Кто-то обидел госпожу ассару?

В голове эхом отозвалось «Или тебе нравится дразнить мужчин, крошка-ассара?». Прикусила губу — не проговориться бы. Второй — дурак, это он своими методами вбивает клин между братьями. Третьему точно не понравится его инициатива — десять дней дал урод. Пусть их засунет куда подальше. Она — взрослая девочка и сама разберется. Не надо ее подгонять и мужиков навязывать. Спорим, Второй гостиную пожалел? Жмот. Вот когда начинаешь ценить тактичность младших братьев...

— Нет, никто не обидел, — помотала головой, но ей, кажется, не поверили. Фильярг провел пальцем по искусанным губам, наклонился — сердце кольнуло, насколько похоже действовали братья.

— Юля, я хочу, чтобы ты мне доверяла и могла обратиться в любой момент и с любым вопросом. Я ведь для тебя не просто покровитель, а ещё и старший брат Альгара. И поверь, сделаю все для него и для тебя.

Палец очертил контур лица, сердце встрепенулось, тело само потянулось за лаской, но было поймано и жестко взято под контроль. «Сделаю все для тебя» — звучало сладко, но не для «крошки-ассары».

— Есть одна просьба, — произнесла, опустив взгляд и чувствуя себя предательницей, — ты не мог бы сейчас сказать, где его высочество Харт.

Между ними точно стена возникла. Лицо Фильярга сделалось отстраненным. Он убрал руку от ее лица, взгляд перевел за спину.

— Вы уверены, Юля, что я не могу вам помочь? — дал ей последний шанс.

Девушка помотала головой. Мог, если бы мастер безмолвный был в его команде.

— Хорошо, — от сухого вйзвжди тона высочества стало тошно, в душе шевельнулось раскаяние, — я отдам распоряжение проводить вас в зал советов. Заседание скоро закончится, и вы сможете переговорить. И, Юля, напоминаю, что каждый вечер у вас теперь медитация. Занятие начнется через два часа. Не опаздывайте. Кроме того, я хочу проверить, насколько хорошо вы читаете. Готовьтесь сдать зачет.

Четвертый мстил. Сухой тон, снова «вы». Они точно в прошлое вернулись. И очень хотелось спросить, что будет, если зачет она не сдаст. Но подталкивать богатую фантазию принца в сторону наказания было глупо. Ладно, через два часа, может, остынет и не будет буйствовать.

Третьего пришлось ждать. Слуга проводил ее до круглой залы, в центре которой по стеклянной трубе стекал водопад, а вокруг, в пузырях воды, плавали по воздуху рыбы. Завораживающее зрелище — 3d аквариум, но расслабляет, н-да, и мозги начинают думать, а не только истерить.

А вообще местный мир — тот ещё подарок. И ведь можно было понять, что все не так радужно уже по одному только доминантному поведению Четвертого. Нет же... Мозги ушли в отпуск. Авантюризм и приключение ударили в голову. Хотя нет, на тот момент в голове было одно желание — выжить. Собственно, потом тоже. Выбора ей не дали. Либо она с Совенком в этом мире, либо два трупа по разным мирам. Пилюли подсластили, а вот про местную дискриминацию рассказать забыли. И ведь на первый взгляд местные дамочки не выглядели забитыми. Хотя с чего им быть забитыми, если они вполне счастливы своим положением. Это она, глупая, дергается и все пытается жить по своим правилам.

— Юля? — удивленно спросил Третий. Девушка обернулась, оторвав взгляд от

воздушного аквариума. Харт был не один — компанию ему составил его величество. И на лицах обоих мужчин одинаково читалось обеспокоенное удивление.

— Ваше величество, ваше высочество, доброго дня, — изобразила местный поклон с рукой на сердце. Как удачно — два зайца сразу. И с кого начать? Мужчины ответили кивками.

— Ваше величество, я определилась с желанием. Ваше высочество, у меня к вам просьба.

Высшая власть заинтригованно переглянулась.

— Отец, уступаю вам первенство, — махнул рукой Харт, отступая в сторону.

Юля сглотнула — в горле некстати пересохло. Из головы повывлетали все заготовленные фразы, все-таки официоз и этикет — тяжкая наука. Ее с кровью матери впитывать или как там наших аристократов учили? Сгорбился — коленями на горох, поставил локти на стол — марш к себе без ужина.

— Слушаю вас, Юля, — его величество подбадривающе улыбнулся. В желтых глазах плясали смешинки. И девушка подумала о том, что король привык к частому ступору придворных и верноподданическому мандражу.

Спокойно, без паники, — скомандовала себе. Поймала взглядом желтую лупоглазую рыбину, неспешно дефилирующую роскошным хвостом на уровне глаз. Само спокойствие и плевать, что рядом целый король стоит. Вот с кого пример брать.

— Ваше величество, если это не слишком затратно для казны, не могли бы вы выдать мне три-четыре слезы калкалоса.

Рельгар удивленно вскинул брови.

— Могу я поинтересоваться зачем?

— Нет, — выдохнула девушка и стиснула зубы, осознав, кому отказала.

Его величество развеселился. Качнулся с пятки на носок.

— Забавно, — протянул, — но мне нравится ваша откровенность. Пожалуй, позволю вам сохранить этот секрет в обмен на обещание поделиться результатом. И кстати, вы ведь не приносили мне клятву? Пора бы. Завтра утром жду. Камни получите тоже утром. И, госпожа ассара, понимаю ваши опасения, но получать намек на несостоятельность моей казны несколько досадно.

Упс. Об этом она не подумала. Хотела как лучше, а получилось... Неловко, н-да.

И шею сдавило, точно там уже красовался рабский ошейник. Это все с непривычки, — попыталась уговорить себя. Договор, соглашение, сделка — эти вещи прекрасно ей знакомы, а вот клятва — неизвестный зверь. Отсюда и страх.

— Простите. Буду рада увидеться с вами утром, — от расстройства присела в земном реверансе, снова нарушая местный этикет.

Его величество благосклонно кивнул и неожиданно спросил:

— Вы довольны своим покровителем?

На Земле этот вопрос звучал аналогом: «Как тебе твой «кошелек», крошка?» Здесь расклад был иной, но привкус...

— Благодарю, ваше величество, меня все устраивает.

И менять шило на мыло она не собирается.

— Хорошо, а то я уже начал беспокоиться, — глубокая пауза и выразительный взгляд на Третьего. — Вы меня сильно порадовали, Юлия. Темное пламя... Потрясающий подарок к зимним праздникам. Спасибо, госпожа ассара.

На этом они с его величеством и расстались. Юля — в растрепанных из-за клятвы чувствах, Рельгар — с видом удачно сходявшего на шопинг и взявшего два холодильника по цене одного.

Мысль, что она для его величества — двойная скидка на холодильник, погрузила девушку в глубокую задумчивость. Появилась мысль просить повышения зарплаты, ежеквартальный бонус и страховку от назойливости принцев.

Настолько глубоко задумалась, что пропустила появление рядом Третьего. Его высочество с силой толкнул водяной шар с усатой рыбешкой, и та, возмущенно раскрывая губастый рот, усвистала вбок, по пути сбив пятерку шаров с товарками. Броуновское рыбье движение на практике. Мимо пронеслось что-то черное, колючее, пузом кверху. Во взгляде отчетливо читалась ненависть к двуногим.

— Любимое развлечение детства, — поделился Харт, наблюдая, как его «кегля» сбила еще двоих. Рыбы явно знали, что их ждет, потому как, лихорадочно шевеля хвостами, ринулись прятаться в фонтан.

Юля не удержалась, толкнула шар с серебристой толстухой. Та понеслась, раскручиваясь и задевая все вокруг.

— Семь — отличный результат, — похвалил Харт, проследил, как последние неудачники скрываются в фонтане, и посерьезнел: — Так зачем я вам понадобился? Решили чистосердечно во всем сознаться?

У Юли было время обдумать разговор, вот только чистосердечное раскаяние в списках аргументов не значилось. Но не будешь открыто разочаровывать человека, к которому собираешься обратиться с просьбой.

— И в чем конкретно вы хотите, чтобы я созналась? — спросила осторожно.

Третий расхохотался.

— Вы неподражаемы, — признался, отсмеявшись, и добавил: — Нет, Юля, помогать я вам не стану, как и выпытывать, зачем вам понадобился калкалос. Расскажите сами, когда захотите, — и во взгляде его высочества мелькнул азарт.

То есть Третий решил придерживаться тактики мягкого подчинения. Сами, все сами, госпожа ассара. И в постель, и с признаниями.

— Не поверю, что вам не доложили, — не поддалась на мягкость. И вообще, как показала практика, самые опасные во дворце — безмолвные. Последнее время у нее складывалось ощущение, что вся ее жизнь — как на витрине, даже когда она якобы одна. И страстно хотелось, как в анекдоте, сойти с ума и начать хлопать в ладоши, отпугивая... нет, не крокодилов, а невидимок.

— И правильно, — вздохнул мужчина, — мой человек упорствует в том, что ваше желание было покататься и ничего более. Только вот незадача, — он потер подбородок, глянул искоса, — калкалосы НИКОГДА не катают на себе.

— Простите, не знала, — пожалала плечами. Зря, наверное, она упорствует. Харту наверняка доложат о ее просьбе и о камнях. А сложить два и два... Но внутри до сих пор жгло от обиды на Второго и его десять дней, а потому помогать высочеству она не собиралась, как и отвечать на вопросы, несвязанные с Совенком. Ее личная жизнь есть личная, и нечего отдельным товарищам в нее свой длинный нос совать.

Третий подарил свой фирменный инквизиторский взгляд, от которого зашевелилась совесть, но была послана гулять ко Второму.

— Вернемся к вашей просьбе.

Вернемся, — кивнула.

— Я бы хотела, чтобы вы не увольняли мастера Рохаса.

— Вот как! — вскинул брови Харт, попытался уловить подоплеку, потом поморщился и спросил: — Могу уточнить причину?

Юля вздохнула и решила быть честной.

— Он — единственный, кто отнесся ко мне с пониманием.

— То есть пошел у вас на поводу, — разозлился его высочество. Сложил руки на груди, глядя хмуро и неодобрительно, точно она head hunter* и лучшего сотрудника переманивает.

— Нет, просто не стал угаскивать в комнату и запирает там, — отбила выпад, скопировала позу.

Некоторое время они мерились взглядами. Потом Третий мотнул головой, осознавая, с кем вступил в военное противостояние. Растер ладонями лицо. И видно, принял решение, потому как во взгляде заблестела хитрость.

— Хорошо. Я оставлю Рохаса рядом с вами, скажем, на испытательный срок. Будем надеяться, что больше вы не станете подбивать его на глупости. Но в обмен вы согласитесь прогуляться со мной сегодня вечером.

— Эм-м, у меня вечером медитация, — попыталась прикрыться Четвертым, но Харт усмехнулся:

— Заберу вас после медитации. Вам ведь нравится гулять по ночам? До встречи, Юля. Вас проводят обратно, — и он указал на мнущегося у стены слугу.

head hunter* — дословный перевод «охотник за головами». Рекрутер.

ГЛАВА 4

Фильярг был в тихом бешенстве. Она посмела отвергнуть помощь! И какие у нее дела с братом?

Сжал кулаки, мечтая добраться до тоненькой шейки, сдавить и поинтересоваться: почему? Что такого может Третий, чего не сделает он, Фильярг? В груди не ворочалась — бесновалась ярость. Хотелось отомстить. Прижать к стене, вытрясти правду, а потом поцеловать. И затащить, наконец, в постель. Сколько можно ходить вокруг да около?! Она — взрослая, не девочка. Прекрасно знает, чего хочет мужчина от привлекательной женщины. Так чего ей не хватает? Внимания? Заботы? Для нее он будет самым вежливым и заботливым покровителем.

Вздохнул волосы. Тряхнул головой. С ума сойти — до чего дошел. Он — четвертый Столп — готов наступить на горло гордости и просить женщину разделить с ним постель. Доигрался с огнем. Эта девчонка влезла в душу, пробралась под кожу. Он горел от нее. Взрывался от одной только мысли, что она с другим. Сегодня на тренировочном поле едва остановился, чтобы не жахнуть в полную силу и не покалечить тренера.

Она определенно сводила с ума. Сколько сил на то, чтобы сегодня ночью просто лежать и обнимать, вдыхая аромат, слушая дыхание, ловя биение сердца и выпитывая сладкую с острым привкусом тьмы магию. Умопомрачительный вкус. Ни на что не похожий.

Впервые он не боялся образования связи с магией женщины. Наоборот, предвкушал, когда Юля сама ощутит тягу, когда поймет, что не может без него ни жить, ни дышать. Он, конечно, не собирался так рано связывать себя браком, но эта женщина стоила того, чтобы стать женатым. Она — загадка, которую Фильярг с удовольствием будет разгадывать в ближайшие годы.

Ему нравились ее порывистость, легкость, с которой она принимала решения,

открытость, даже непривычный образ мышления не раздражал. А уж какой отличной мамой она станет его детям!

— Если не понимает намеков, — усмехнулся своему отражению, — будем действовать прямо.

За ужином Совенок практически спал с ложкой в руке. Юля посадила его на колени, и он, прикрыв сонные глазенки, послушно открывал рот. Потом так же в полусне допил молоко и засопел, положив голову ей на плечо.

Было безмерно жаль замученного ребенка, но она обещала себе быть твердой. Да и первые дни — самые сложности. Потом втянется, привыкнет к нагрузкам и станет легче. Главное — они вместе, и у него есть ее поддержка. Пусть наставники зверствуют, у Совенка будет самая любящая ассара.

На руках отнесла в ванную, обтерла мокрым полотенцем, переодела в пижаму и положила в кровать. Деть выглядел пусть и замученным, но довольным. А завтра тесты, в том числе и на физподготовку, — вздохнула. Еще не выходили из головы слова одного из наставников: «Запомните, Альгар, сильному телу огонь легче покорится. И мы говорим не только о физической силе». Не только, но в том числе.

Начать что ли, бегать? — задумалась Юля. Или попросить у Четвертого меч и качаться по утрам? Она готова на все, чтобы призвать дурацкую силу к порядку! Люку вон тоже нелегко пришлось. Сколько мастер Йода его гоңял, пока тот научился левитировать предметы.

Прилетел белесый шар, звякнул, раз-другой.

— Сейчас, — зашипела Юля. Поцеловала сладко сопящую драгоценность, поправила одеяло и вышла из спальни. Шар, звякая, последовал за ней.

Всем хороша местная почта, вот только не отключить, пока не получишь. Коснулась шара пальцем, и в подставленную ладонь свалился мобильник, а следом письмо от Кайлеса.

Мужчина писал по-русски без ошибок, демонстрируя прекрасный уровень языка.

«Моя дражайшая родственница. Надеюсь, у вас все хорошо, но если мои братцы вас достали — смело обращайтесь, моя грудь целиком и полностью в вашем распоряжении, как и носовой платок. Я по случаю приобрел ящик тихого красного урожая прошлого года. Если моя широкая и мужественная грудь не покажется вам слишком привлекательной для слезной терапии, вы же не откажетесь со мной продегустировать это приобретение? Кроме того, я присмотрел одно платье в новой коллекции Гуччи, которое будет сногшибательно смотреться на вас.

Спешу сообщить, что ваша мама в полном порядке. Я нашел отличного специалиста, ввел его в курс дела, теперь пытаюсь вывести, так как лечить он пока не в состоянии. Но обещаю в ближайшее время отрекомендовать его вашей маме. Ваш отец чувствует себя отлично, хотя, на мой взгляд, слишком много работает за такие деньги. Я взял на себя смелость переманить его к себе. Однако упрямство — ваша фамильная черта, но я продолжаю искать к нему подход. Ваш брат тоже в порядке, и, кажется, мне не стоит с ним встречаться. Он написал вашей маме, что совершил свой первый прыжок с парашютом, получил голубой берет и намерен навешать звездюлей всем, кто посмеет обидеть старшую сестренку. Ваша квартира под надежным присмотром (у вас потрясающе отзывчивые соседи). Перечисляю аванс и прилагаю выписку с вашего счета. Скучающий и обожающий вас, Кайлес».

От письма веяло родным, Юля прикусила губу, заморгала, прогоняя слезы. Остро

захотелось домой. Вернуться. Увидеть маму. Вдохнуть загазованного питерского воздуха. Прогуляться по Невскому. Дойти до Адмиралтейской набережной и долго гипнотизировать свинцовую воду Невы.

Растерла ладонями лицо. Потом еще раз перечитала письмо. Внимательно, без эмоций. Вино — понятно, открытый намек, что ее ждут в гости. Напоить целителя, согласившегося лечить маму, ещё до лечения — в этом весь Кайлес. Интересно, они ограничились глубинной дегустацией алкоголя или гостя потащили оттягиваться по ночным клубам?

И квартира... К чему эта фраза про соседей? Шевельнулось подозрение. Стиснула мобильник. Метнуться проверить. Одна нога здесь, вторая — там. Представила повисших на ногах гириями невидимок. Нет, хватит вести себя как маленькая девочка. У Совенка должен быть выходной, вот тогда они вдвоем и навелят Землю. А пока она ограничится сообщениями от родных и подруг. Но сначала выписка.

Глянула. Не поверила. Пересчитала нули. Аванс выглядел внушительно. Ровно на миллион. М-м-м, похоже, до кого-то дошли слухи о ее сложностях, и Кайлес решил их компенсировать. Приятно. Жаль, что здесь нельзя их потратить. Она бы с удовольствием прогулялась по магазинам, имея столь крупную сумму на карте. Не потому ли Кайлес упоминал супермодное и дорогое платье? Да-а-а... Даешь шопинг, красное вино, шоколад и анекдоты от кузена! Ее личный релаксационный набор.

Включила мобильник, помня о том, что надо экономить заряд. Открыла WhatsApp с загруженными сообщениями. Начала с верхнего.

От голоса мамы тоска накатила с удвоенной силой. Она стерла слезы, шмыгнула носом и утешилась тем, что мама скоро будет совсем здорова. Остро, до боли в стиснутых зубах, захотелось обнять, прижаться, выговориться, жалуюсь на все. На непослушную магию, выбросы, дворцовые порядки, на лезущих в душу высочеств.

Вытерла лицо рукавом. Прошлась по списку. С удивлением выслушала сообщение от коллеги, с которой тесно общалась на работе. Кайлес не обманул — исправил результат своего внушение. Коллега, запинаясь, призналась в том, что напрасно они обвиняли начальство в домогательствах. Не лапал он Юлю, зажимая у лифта, а ловил, когда она падала, запнувшись на каблуках. И «сдал» ее начальник службы безопасности бизнес-центра, проговорившись в курилке, что второй раз пришлось камеры менять — непонятный сбой.

Юля усмехнулась. Сбой назывался — визит мага-менталиста, который не хотел светить рожой на камеры. И научился как-то выводить их из строя. А говорили, маги не могут устроиться на Земле. Прекрасно могут. Так почему бы и ей не найти себя здесь? Перспективы-то какие... Аж голова кругом. И хочется всего и сразу: телепорты строить, пламенем управлять, гонять на калкалосе, подружиться с невидимками и стать своей. Она сейчас точно выдранный из горшка цветок — ей срочно нужны новые корни.

— Юля, вы готовы? — позвал из гостиной знакомый голос.

Но сначала медитация... Как говорят на Востоке: долгая дорога начинается с маленького шага.

— Минутку.

Быстро переделась в спортивный костюм — на этот раз максимально свободный, прошла в ванную, умылась, растерла лицо полотенцем, но Четвертый все равно заметил.

— Плакали? — спросил, хмурясь, потом понимающе кивнул: — Кайлес прислал весть из дома. Скучаете?

— Да, — не стала отрицать.

— Тогда через три дня предлагаю устроить выходной и всем вместе навестись в ваш мир. Увидеть родителей вы не сможете, но хотя бы сможете поговорить.

— Спасибо, — остановилась, глядя на массивную фигуру Фильярга. Сладко заныло сердце — красив. Хищной, грубой красотой без единой черточки слащавости. И так же опасен для нее, как двухкилограммовый торт для талии. Потому как все ее домыслы о покровительстве — всего лишь домыслы. И что там происходит в птичнике на самом деле... Не стоит оценивать чужое общество со своей колокольни. Она может такого напридумывать как с гаремом, а все окажется невинно — за ручки подержались, энергией обменялись и разошлись.

— Прошу, — Четвертый распахнул дверь своих покоев, Юля шагнула внутрь, сразу выцепив взглядом место у окна, где на полу лежали мягкие коврики, свет был приглушен, в воздухе растекался интимный полумрак.

Нервно сглотнула, шагнула к коврикам, но была остановлена насмешливым:

— А как же чтение, Юля? Или вы не хотите больше учиться?

Плюхнулась на диван, на колени ей положили книгу.

— Там закладка, начинайте.

Его высочество, судя по звяканью за спиной, занялся вечерним снотворным. С обидой вспомнилось, что ей он пить запретил...

Ладно, побоку обиды. Почитаем. Открыла книгу, пролистнула страницы — ни одной картинки. Жаль. Нашла закладку. Ей даже абзац поместили. Заботливый.

— Она. Подняла. На. Него. Взгляд. Он. Прочитал. Призыв. И припал. К. Ее губам.

Остановилась. Сердце ускорилося, пульс подскочил. Во рту пересохло, а в голове воцарился хаос. Одна часть, внезапно восплававшая плотским, хотела так же: призыв во взгляде и его губы на своих. Вторая — здравомыслящая — материлась и пыталась давить на все: от совести до чувства долга.

— Что же ты остановилась, Юлечка? — бархатно осведомились за спиной, на плечи опустились тяжелые ладони, а на столик слевитировал бокал с чем-то ядовито-зеленым.

Почему остановилась? Потому что не знала, что делать дальше. Запуталась в собственных противоречиях, застряла между: нельзя, но хочется. И было до ужаса страшно сделать шаг в омут под названием «Четвертый». Довериться. Позволить себе увлечься. Глупо надеяться, что между ними может быть случайный секс, а дальше они станут делать вид, что не знают друг друга. Она точно так не сможет, потому что воспитана иначе. Интим — это близость, которая возможна только с близким человеком.

Как долго она по кускам, по крупицам выдирает бывшего из сердца? Вспомнила, а боль уже нашептывала в ухо: «Этот поступит так же. Почувствует свою власть над тобой, начнет распоряжаться. А потом заведет еще одну подопечную, когда ты ему надоешь.»

— Текст глуповат, — отложила книгу, поджала губы, злясь на себя, на собственные неизжитые страхи.

— Детских сказок у вас нет? — спросила.

— Наши сказки, Юля, на ночь лучше не читать. И давай наедине перейдем на «ты». Ты — ассара моего брата и моя подопечная. Нам не нужен лишний этикет между нами.

Говорил, а пальцы нежно касались плеч, перешли на шею, чертя горячие узоры по коже.

Как удержаться на краю, когда тело плавится, а сердце снова бежит марафон? Мир сужается до огненных прикосновений. Надо встать, стряхнуть его руки с плеч, но дико

хочется плюнуть на все запреты, прикрыть глаза, потереться головой о его руки. Отдаться...

— Ты дрожишь. Выпей агру. Она поможет расслабиться.

И совершенно интимно, шепотом, обжигая кожу:

— Не бойся меня, маленькая, не обижу.

Расслабиться и отдаться. М-м-м, отличное завершение вечера. И тут отрезвляюще накрыло воспоминание об ужине с Третьим. Япона мать! Братцу «достанет» такта в поисках ассары наведаться в спальню брата. А там она вся такая... Непристойная. Возможно довольная. Вспомнила поцелуй с принцем — нет, точно довольная.

Вскочила словно облитая ледяной водой. Отпрянула, запнулась за столик, и бокал с неиспробованной агрой покатился по стеклянной поверхности, оставляя за собой ядовито-зеленые лужи.

Юля ойкнула, извиняюще посмотрела в потемневшие от бешенства глаза высочества. В голове мелькнула слабая надежда, что принц рассердился из-за пролитого напитка. Наверняка что-то дорогое и редкое, а она тут — точно корова распрыгалась.

— Простите, — пробормотала, чувствуя себя ужасно. Глаза Фильярга стали по цвету напоминать горчичный мед. Он прищурился. Юля отступила. Острое чувство опасности криком застряло в горле. А память снова подкинула ощущение холодной стали, прикасающейся к коже.

— Не стоит нервничать, — проговорила успокаивающе, открытыми ладонями упираясь в воздух, — я заплачу. Все компенсирую.

Глаза Четвертого округлились. И до Юли начало доходить, что ее поняли неправильно.

— М-м-медитация? — предложила. Четвертый величественно вскинул бровь, усмехнулся до обидного понимающе и кивнул в сторону ковриков. Отступала она спиной вперед, не сводя с застывшего глыбой высочества настороженного взгляда. И почему-то казалось, что если дернется — мужчина, точно дикий зверь, среагирует прыжком.

Медленно, словно на пилатесе, опустилась на коврик. Фильярг не шелохнулся, но и приближаться не спешил. Вот только расстояние не имело значения — она остро до вспотевших ладоней, до томительно напряжения во всем теле ощущала его присутствие, словно он продолжал стоять у нее за спиной.

Прикрыла глаза. Стало только хуже. Какая там медитация?! Она сейчас — взведенная пружина. Рваное дыхание, оглушительное биение собственного сердца. Этот мужчина пугал и одновременно сводил с ума. Ее личный яд.

Надо переключиться. Сосредоточиться на чем-нибудь важном. Например, на Совенке. Как он сегодня вымотался, бедняга. А завтра будет ещё тяжелее. Но ей столько раз говорили, что ассара как раз и нужна для таких случаев. Почему бы не поделиться своей энергией, которая сейчас бурлит словно лава?

Сняла блок. Потянулась мысленно к Алю, щедро делясь бурлящим. Без обучения, без теории — на одной интуиции. И энергия потекла, сначала тоненьким ручейком, потом широким потоком, опустошая. Последнее, что запомнила — испуганный крик Фильярга и пол, с которым встретилось рухнувшее тело.

— Глупая, — Фильярг обнимал девушку, глядя по убраным в хвост волосам. Не удержался, потянул за резинку, и черный водопад рассыпался по плечам.

— Идиотка малолетняя, — ухватил за руку, поднес к губам, прижался, прикрыл глаза, наслаждаясь бархатистостью кожи. Второй рукой продолжая удерживать на коленях, прижимая к себе.

И как себя с ней вести? Сначала тает, отзывается на прикосновения, а потом сбегает. Неужели все ещё боится? И что за дурацкое предложение об оплате? У них принято выплачивать откуп за отказ от близости? Нет, ему решительно не понять чужой мир.

— Какая картина! — голос Третьего сочился ядом. Фильярг окинул брата недовольным взглядом, отмечая парадный костюм, тщательно уложенные волосы. Куда-то собрался? Но почему зашел к нему?

— Можешь объяснить, что ассара делает у тебя на коленях? Да ещё и в мужском наряде?

Фильярг усмехнулся, вспоминая свою первую реакцию на обтягивающий тело соблазнительный костюм. Хорошо хоть на этот раз Юля надела что-то менее провокационное.

— Это костюм для медитаций, брат.

— Да? — Харт вздернул брови, но спорить не стал. — А что с ее состоянием? Это ведь не сон? Или у нее оказалась другая реакция на агрессию? — указал на разлитый напиток.

Фильярг стиснул зубы — жырghхова задница. Надо было убрать.

— Нет, наша маленькая ассара решила поделиться жизненной энергией с подопечным и немного увлеклась.

Харт выругался, качнул головой:

— И почему я не удивлен? Сильно увлеклась?

— Завтра вряд ли встанет с постели. Ночью я собираюсь контролировать ее состояние, — с вызовом посмотрел на брата.

— Оправданно, — согласился тот и добавил: — Но еще одна пара глаз лишней не будет. Я составлю тебе компанию.

Ничто так не бодрит с утра, как вид обнаженной мужской груди перед носом. И грудь не извиняют даже расположенные на ней бумаги, которые ее хозяин внимательно изучал.

Юля открыла глаза, закрыла, крепко зажмурилась — не помогло. Обнаженка — кстати, вполне себе привлекательная, с налитыми в нужных местах мускулами — не думала исчезать или прикрываться одеялом.

Выдохнула, собираясь с мыслями. Она одета — это плюс, а вот остальное пойдет в минус. Тело в состоянии избитости, в конечностях — противная слабость, а в душе стремная неуверенность: было или не было? И с кем? Туман в голове стремительно рассеивался. Все-таки шоковое пробуждение лучше любого кофе.

— Проснулись, Юлечка? — ласково осведомился сверху Третий. Отложил в сторону бумаги, развернулся, навис, изучая. Во взгляде читался явный... исследовательский интерес. С подоплекой или нет Юля установить не успела, так как пискнула, сползая вниз, под одеяло. За спиной завозились... И даже сомнений не было кто.

Фильярг потянулся, зевнул. Удивился одеяльной маскировке.

— Кажется, наша ассара решила застесняться, — пояснил довольным голосом Третий.

Четвертый хмыкнул. До обидного недоверчиво. А она вот... Да, застеснялась. Потому как не было у нее опыта совместных ночевочек, когда парни и девушки спят вповалку, и никого не смутишь обнаженной частью тела. А тут двое незнакомых мужчин... И мысли сами в голову лезут, одна опаснее другой.

И как выпутываться? Поговорить честно? Представила прижатого к стене высочества, в переносном смысле, конечно, ее суровый тон и претензии: «У вас ко мне серьезные намерения? Или так погулять вышли? А нельзя ли ограничиться обнимашками и оставить

меня в покое, потому как замуж я пока не собираюсь?».

— М-м-м, — мурлыкнул Фильярг, и за край одеяла легонько потянули, — сладкая ассара стесняется?

И почему у нее чувство, что в покое ее не оставят? А решиться на откровенный, на грани пошлости разговор она пока не готова, да и храбрость — целый ящик — ждет в Питере.

К тому же оба высочества могли и без всякой задней мысли решить поухаживать за новенькой. А своими подозрениями — вам только энергия моя нужна, да? — она затронет их честь и получит двух врагов в довесок к Пятой. Ведь слова Второго можно трактовать как угодно: от понравилась двум — выбирай одного, до выбирай одного, чтобы можно было контролировать твою силу.

— Госпожа ассара! — забарабанила в дверь Зарьяна. — Вставайте быстрее, вас Седьмая мать на завтрак ждет.

Юля застонала. Седьмая — это отлично. Источник информации сам в гости пришел. Но что делать с компроматом? Под кровать или в шкаф? Бугай-то какие. Особенно Четвертый. Этот вообще мало куда поместится.

Решить не успела. Третий, чтоб его черви сожрали, встал, открыл дверь и величественно оповестил, что ассара скоро будет готова.

Все! Дальше прятаться было бесполезно. На заднем фоне совершенно нелитературных мыслей с тихим звоном осыпалась репутация.

— Ты! — села, прожигая разгневанным взглядом в обнаженной груди входное отверстие диаметром в десять миллиметров. Увы, мысленно, но Харт впечатлено вздернул брови и осведомился:

— Что не так?

Не так было все. Но объяснять... Это со времен становления Киевской Руси начинать надо. Профессиональная репутация. Моральные качества наставника и далее по списку со ссылкой на честь девиц.

Вот только взгляд у Третьего поставлен многолетней придворной практикой. И ошибиться, что перед ней не просто обнаженный по пояс мужчина — девушка, не помню, как вас зовут, вчера перебрал, простите, — а целый высочество невозможно. Истерику не одобряют и не простят, ещё и отыграются. Она и так ему ужин должна.

— Юля, если тебя что-то смущает, скажи.

Рядом с братцем встал Фильярг. Две обнаженки — ощутимый удар по нервам, а уж как вдохновилось воображение... Юля стиснула зубы. Бесполезно пытаться прибавить бабочки, когда тут такое... С утра пораньше, ага. Фильм для взрослых.

— А вас ничего не смущает?

Братья переглянулись. Удивленно и невинно.

— Юля, ты не помнишь, чем вчера закончилась медитация? — словно у маленькой девочки мягко поинтересовался Фильярг.

Юля задумалась. Что там было из последнего? Покраснела. Отвела взгляд. Четвертый довольно усмехнулся, но серьезность настроя не потерял.

— Ты решила поделиться энергией с Альгаром. Очень опрометчиво с твоей стороны. Вдобавок ты могла спровоцировать раннее открытие дара у Шестого, а это... не очень хорошо. Но не вини себя. Мы тоже виноваты. Все время забываем, что ты ничего не знаешь о магии. У нас ведь даже дети в курсе, что передавать энергию открытым каналом опасно для

жизни. Ты могла умереть. Шестой не умеет контролировать прием, он начал зачерпывать твою жизненную силу. Так что я рекомендовал тебе сегодня остаться в постели.

Остаться в постели? Там, где все напоминает о мужской обнаженке? Мысли и так гуляют, оглаживая и обрисовывая пальчиками кубики пресса, пробуя на крепость мускулатуру и спускаясь ниже, к провокационной дорожке из волос.

Стоп. Занесло. А у нее там Седьмая, которую надо запытать, пока не удрала.

— Мне лучше, — произнесла твердо. Выползла, покачнулась, ее ласково поймали, прижав к этой — а вот не будет она их сравнивать — груди. Третий показательно нахмурился, явно не в восторге от ее упрямства.

— Все это прекрасно, — попыталась пригладить волосы, потом мысленно плюнула на этикет — какой к чертям этикет после такого пробуждения?

— Но обязательно было ночевать вместе со мной? — уточнила тоном ворчливой старой девы, обнаружившей в постели мужчину.

— Кажется, я понимаю, — «прозрел» Третий, — мы нарушили какой-то запрет твоего мира?

Уф, она на верном пути.

— В моем мире, — начала медленно, подбирая слова, — у наставников, учителей должна быть кристально чистая репутация. А ночевка, — покачала головой, пропуская слова, которые могли обидеть, — ее легко разрушит.

Если станет достоянием общественности. Хотя кого обманывать? Уже стала.

— Надо же, не думал, что твой мир заботится о репутации, — удивился Харт.

Ее мир делает то, что ему выгодно. А уж в части травли учителей за фото в купальниках ему нет равных. Но и в остальном легко можно вступить в кучу дерьма так, что не будешь знать, как разгрести. Нравы вроде свободные, но мораль общества всегда тяготеет к консерватизму. Власть, учителя, МЧС, полиция и пожарные должны олицетворять идеалы давно разлагающегося общества. То есть всем можно, а им нельзя.

— Юля, — Фильярг приподнял ей подбородок, поймал взгляд, успокаивающе погладил по плечу, — мы не сделали ничего плохого. Ты — маг с новорожденным даром. Для таких у нас принят круглосуточный присмотр, особенно в первые недели. В спальнях академии всегда дежурит кто-то из магов. Во сне дети уязвимы, кошмар может спровоцировать выброс. Ты, конечно, взрослая, — усмешку Юля предпочла не заметить, — но активированный дар, связь с Альгаром, новый мир... Все непросто, и мне не хотелось бы ни давить, ни рисковать твоим состоянием и оставлять одну.

Ага, а во дворце кризис с кроватями. Причем давний и постоянный. И присматривать за ассарой надежнее вдвоем. Вдруг один не справится?

И смотрят оба серьезно так. Не подкопаешься. А секс и прочая глупость — происки милитаристов. Слабо бросить в лицо обвинение в соблазнении? Слабо.

— Хорошо, — процедила, принимая ситуацию, но не смиряясь.

ГЛАВА 5

— Если мы все выяснили, предлагаю не заставлять Седьмую ждать, — и Третий махнул в сторону ванной. Мол, идите-ка, Юлечка, под душ. Авось остынете и посмотрите на ситуацию под другим углом. А что там смотреть? То небольшое, что было скрыто, дорисовало воображение. А в остальном... ни единого разумного варианта. Мозги выдавали исключительно идеи восемнадцать плюс.

— А если мы выяснили не все? — осталась стоять на месте.

— Тогда обсудим остальное перед обедом. У меня как раз будет свободное время, — с милой улыбкой заключил Харт.

— Или у тебя есть предложение поинтересней? — мурлыкнул на ухо Фильярг. Юля покраснела, шарахнулась — знает она его предложения — и... решила отступить. Расклад: двое против одной — явно не в ее пользу.

Как только за девушкой закрылась дверь, Харт поставил звуковую завесу. Повернулся к брату.

— У нас проблема. Недооценил я уровень личных запретов.

— Как такое возможно? — вспыхнул Фильярг, возмущенно взъерошивая волосы. — Я был в их мире, там женщины легко заводят знакомство, буквально вешаются на незнакомых мужиков. Спят с ними на первой встрече, а уж про свободу общения, пошлый юмор, выпивку и гадость, которую они курят, я молчу. Списанием аборигенок, побывавших в постели Кайлеса, можно выстелить парадную лестницу дворца.

— С его слов, с его слов, — возразил Третий, — но в целом идея здравая. Кузена давно надо призвать к огню и заставить поделиться информацией, а не только байки травить о своих победах. Вот этим и займешься сегодня, — распорядился, добавляя: — И ты неверно оценил ее состояние. Или ассара быстро восстановилась. Еще одна загадка, — поморщился.

— Считаешь, она серьезно? Про репутацию наставников?

— Боюсь, что да. Их общество похоже на болтушку тапунов. Чего там только не встретишь... Я поговорю с отцом о браке. Думаю, этот вариант устроит всех. Или ты против?

Брат спокойно встретил испытующий взгляд старшего. Поскреб подбородок.

— Нет, не против. Из всех вариантов, которые подсовывает мне матушка — этот лучший. Но не уверен, что она согласится... Слишком мало времени прошло. Она все ещё скучает по дому. Вчера плакала, когда получила весть оттуда.

Харт выругался. Потянулся за рубашкой, оделся, с сожалением думая, что такая отличная идея пропала даром. Нет, девчонка отреагировала, как полагается: расширенные зрачки, учащенное дыхание, но дальше разглядываний дело не пошло. Залезть бы к ней в голову, чтобы понять, что там происходит...

Уже и отец высказывал пожелание, что ассару надо быстрее брать под контроль. Его и самого напрягало присутствие нестабильного мага в башне принцев. Понимает ли Юля, что способна при сильном выплеске уничтожить эту самую башню к темным предкам? Скорее всего, нет. Но как убедить и не сделать хуже? Еще и этот подарок кузена, из-за которого девчонка может исчезнуть в любой момент. Связь с подопечным, конечно, удержит, а если она заберет Шестого с собой?

Выдохнул сквозь стиснутые зубы. Так сложно ему не было даже на переговорах с упертыми шантйцами, которые, случалось, съедали незадачливых дипломатов.

Плохо то, что девчонка явно что-то подозревает. Он давно бы с ней поговорил открыто, но ведь упрется и откажется. После сегодняшнего — честь ассары придумала, надо же — точно. Станет шарахаться от всех, подозревать... Ни к чему хорошему сейчас откровенность не приведет. Лучше придерживаться прежней тактики — ухаживание, заинтересованность. Жаль, что Четвертый не справляется... Не вытягивает. Вот-вот сорвется. И тогда станет по-настоящему плохо. Насилие ассара ему не простит.

Он и сам сегодня ночью с удовольствием сорвался бы. Давно его так не возбуждало женское тело, а энергия... Сладость с едва заметной горчинкой. Ни у кого такой не встречал.

Н-да... сходить что ли к кузену, взять пару уроков? И тут же прогнал глупую идею. Знает он его соблазнение... Много ли надо сильному менталисту, чтобы задурить женщине голову? А Юля явно привыкла к чему-то другому.

Их женщинам хватало и простой демонстрации интереса, чтобы согласиться на проверку энергетической совместимости. Но ассара... Знал ведь, что от нее будет головная боль, не подозревал, насколько сильная.

— Дадим ей передохнуть. На сегодняшней медитации я попрошу тебя заменить. Ослабим напор. Загрузим учебой. Пусть расслабится. Потеряв бдительность, легче попадет в ловушку.

— Хорошо, — с мученическим видом кивнул Фильярг, и Харт поставил себе пометку загрузить и младшего, чтобы вздохнуть не мог, не то что думать об ассаре.

На завтрак Юля спускалась с опаской. Не стоило и надеяться, что триумфальное шествие мужиков из ее спальни останется незамеченным. И было непонятно, как отреагирует ее величество на подобное.

Затаив дыхание, вошла в столовую. Пожелала доброго утра, в ответ получила «И вам прохладного утра, госпожа ассара» и села за стол. Взгляд не желал подниматься выше тарелки, в душе царила полная анархия, внутренности грызла мысль: «Что бы сказала мама?». Вряд ли одобрила...

Совенка с раннего утра забрали наставники, обещая вернуть к обеду. Хотелось бы верить, что в целостности и сохранности. Она восстановила связь, дабы не дергаться понапрасну. И сейчас эмоции Аля ощущались теплым комком света. Значит, все хорошо.

— Как вы сегодня, Юля? — спросила Седьмая, когда каша в тарелки девушки закончилась, и она потянулась за травяным чаем. Подняла глаза — во взгляде сидящей напротив женщины отчетливо читалось беспокойство.

— Я заметила, что Третий и Четвертый ночевали у вас.

Ага, вот такой тройничок вышел, — угрюмо подумала девушка, запивая расстройство чаем.

— У вас снова был всплеск?

Чай пошел не туда. Прокашлявшись, Юля сипло спросила:

— Почему вы так решили?

— Разве это не очевидно? — пожала плечами королева.

Очень захотелось пойти и постучаться головой об стену. Местные нравы могли свести с ума любого поклонника Фрейда. Двое мужиков вывалились утром из ее спальни, хорошо, если одеться изволили, а ее о всплесках спрашивают! И ни намек на секс, ни единой пошлой улыбочки. Неужели она все-таки ошибалась и контроль за даром — это обнимашки и ничего больше?

— Расскажите мне, пожалуйста, о покровительстве, — попросила, с мольбой глядя на Седьмую.

— Разве мой Четвертый сын вам не рассказал? — искренне удивилась королева

«Мой Четвертый сын» царапнуло слух. Сложно привыкнуть к местной системе учета. Фильярг по виду ей в ровесники годится, а она его на полном серьезе сыном называет...

— Увы, — прикусила губу и пожаловалась: — Такое чувство, что еще немного и я сойду с ума.

Эллиана нахмурилась. Покачала головой.

— Отношения между покровителем и подопечной касаются только их двоих, никто не

должен вмешиваться, даже я. Будет лучше, если вы попробуете ещё раз поговорить с моим сыном.

Юля со вздохом опустила взгляд. Ожидаемо, но обидно, честное слово.

— Знаете, Юля, только после вашего подарка я осознала, насколько вы другая, и каким странным вам кажется наше общество.

Юля нервно сглотнула — намек на стринги? И как бы повежливее спросить о реакции его величества. Интересно же.

— Вы ведь в курсе нестабильности магии у женщин?

— В общих чертах, — подтвердила Юля и тут же спросила: — Это действительно так? Без физического контакта с мужчинами вы не можете жить?

Эллиана не стала торопиться с ответом. Пододвинула к себе чайник, изящным выверенным движением налила чай. Щипчиками достала с подноса кусочек пирога, положила на десертную тарелку. Полила сверху темным соусом.

— Пятая так и не пришла в сознание, — произнесла спокойно, отламывая кусочек. Юля замерла оглушенная. Не пришла? А придет ли? И почему ни одна сволочь не сказала ей, что дело плохо?

— Вы побледнели, — Седьмая промокнула губы салфеткой. Сделала глоток чая, — не переживайте, ее специально держат в целительском сне, чтобы ускорить выздоровление. Безмолвные закрыли щитом, правда, недостаточно быстро. Вы успели ее зацепить — отличная реакция для новичка.

Юля застыла — какая к чертям реакция?! Внутри расплзался противный липкий страх — она едва не стала убийцей. А если бы безмолвные не успели? И росло понимание — магия делает из нее чудовище. И этот процесс не отменить и не повернуть назад.

— Вижу, вы уже поняли, — Эллиана со вздохом отодвинула от себя чай. Помолчала, взгляд затуманился воспоминаниями.

— Ужасно, когда от вырвавшейся из-под контроля силы страдают люди, но вдвойне страшнее, когда это твоя семья. Вы не представляете, через что пришлось пройти моему народу, чтобы научиться с этим жить. И отвечая на ваш вопрос — можем. Все зависит от женщины. Открою вам секрет, я лично встречала тех, кто прекрасно держит эмоции и силу под контролем, но ради спокойствия общества не отказывается от покровительства.

Юля кивнула. Все понятно. У них общество тоже любит поистерить — по поводу и без. И если вдруг кто-то начинает идти против течения... Революцию в Тунисе спровоцировала чиновница, выгнавшая с рынка продавца фруктов за отсутствие лицензии. А тот возьми — и соверши публичное самоубийство. А которая по счету волна сумасшествия накрывает Штаты из-за убийство черного? Хотя нет, Штаты не любят сходить с ума в одиночестве, втягивают в движение VLM весь мир.

Потому она прекрасно понимала тех, кто не желал трогать, дабы не воняло. Это как с паранджой — принято, носим. Даже если страшна как смерть или старая, и на тебя ни один мужик в здравом уме не позарится. Так и тут. Принято, что должен быть покровитель. И всем плевать, что дар под контролем. Никто не желает рисковать своей жизнью, находясь рядом со «свободной» женщиной-магом. Наелись, видать, в прошлом этой свободы.

— А как же тапуны? — спросила, желая хоть как-то отвлечься от мыслей о Пятой. Совесть требовала публичного покаяния, визита в госпиталь с сеткой апельсинов и в экстренном порядке вступления в местный птичник. Хотя она вроде уже там. И даже покровитель есть. Так какого им в итоге от нее всем надо?!

— Магия тапунов отличается от нашей. Они близки с природой. Могут обмениваться энергией с животными, деревьями. Черпают силу от земли. Женщины у них рожают без одежды на голой земле, — ее величество осуждающе поджала губы, явно не одобряя подобного варварства. Юля представила эти роды сейчас зимой. Полностью обнаженной, на расползающемся под телом снегу. Б-р-р. И согласилась — извращение, а не роды.

Хорошо, с тапунами все понятно. Их способ утонченным и аристократичным рахханам явно не подходит. Но все же... Что делать с поползновениями Четвертого и как на них реагировать?

— Но что конкретно делает покровитель, чтобы удержать дар подопечной под контролем?

Ее величество смутилась, кашлянула, отвела взгляд. И Юля поняла — она совершила ужасную ошибку. Наверняка это тот самый вопрос, который неприлично обсуждать в птичнике. Ах да, ей же сказали, что происходящее между покровителем и подопечной касается лишь двоих. Понимать ли это — как договорятся, так и будет?

— Простите, — повинилась, — я не хотела быть бесцеремонной.

— Ничего страшного, — Эллиана быстро пришла в себя и даже улыбнулась, — я понимаю, у нас разные взгляды на приличия. Поговорите с моим сыном. Это все — что я могу вам посоветовать. И не бойтесь, об этом разговоре никто не узнает. Вы мне очень помогли, — она положила руку на живот, — я могу быть щедрой.

Никто не узнает? Юля удивленно вскинула брови, обозрела столовую, взглядом указав на углы.

— Вы правильно меня поняли, — Седьмая состроила озорную гримасу, — в моей власти отослать безмолвных. Это право той, кто является женой и матерью.

Эм-м-м. То есть...

— Вас можно поздравить? — осторожно спросила Юля. А Седьмая умеет удивлять... Не побоялась встретиться после того, как она Пятую в кому отправила, ещё и охрану отослала.

— Не могла удержаться, чтобы не поделиться с вами этой новостью, — зарделась королева, — и прошу сохранить мой секрет до официального объявления.

— Конечно, — закивала Юля, — я — могила.

Седьмая ошарашенно моргнула. Юля обозвала себе идиоткой.

— В том смысле, что можете не сомневаться, секрет сохраню.

Ее величество заторможенно кивнула, связывая молчаливость и могилу в логическую связку.

На встречу с его величеством Юля шла в растрепанных чувствах. Совесть ныла и требовала срочно нестись к Пятой, не забыв про апельсины, а ещё про то, как та оскорбляла Совенка — тварь. Память намекала, что кое-кто не подготовился и текст клятвы не раздобыл. Еще и Четвертый не желал убираться из головы, раз за разом возвращаясь туда, причем неизменно в полуобнаженном виде, вызывая внутри горячую волну и... раздражение. Прицепился — не выгнать. И что с ним делать? Понятно, что от покровительства ей не отвертеться, но как быть дальше? Поклянчить: «Дядечка, давайте без интима?» И самой себе не поверить. Им наедине остаться достаточно, чтобы вспыхнуло то, что давно горело.

Впору погадать на цветочках: сдать, отдать или послать. Только Четвертый не из тех, кого можно безнаказанно отфутболить. А объяснять, что прыгать в постель просто так она не может... Ее тут же примутся уговаривать, а уж чем закончатся уговоры — и ежу

понятно.

С другой стороны, она знает, что магия в этом мире не менее важна, чем еда и питье. А сколько в родной истории было острых периодов, когда женщины вынуждены были продавать себя за еду? Полно. Или за жизнь. Кто-то, правда, выбирал смерть, но были и те, кто предпочитал жить. Вот и здесь затянувшийся период выживания, когда женщины делят постель ради всеобщего спокойствия. Вправе ли она их осуждать? Нет. Тем более что оказалась с ними в одной лодке.

Да-а-а, Юлечка, кому-то здорово задурили мозг, — горько усмехнулась. Кайлес — сволочь — прекрасно понимал, с чем ей придется столкнуться, но не стал предупреждать. Догадывался, что она откажется.

— Госпожа ассара, подождите в приемной, вас позовут.

Ох, так заспорила с собой, что не заметила, как пришли. Секретарь — молодой человек, от которого за километр несло аккуратностью и скрупулезностью, смерил ее недовольным взглядом, явно найдя какой-то непростительный огрех во внешнем виде и вернулся к бумагам. Похоже, с ее присутствием смирились как с неизбежным злом.

— Простите, — Юля решила понаглеть. В другое время она осталась бы молча гармонировать с мебелью, но сейчас как раз время и поджимало, — вы не могли бы мне помочь. Я должна буду принести магическую клятву его величеству, можно у вас попросить текст. Хочу заранее почитать.

Секретарь поднял на нее офигевший взгляд.

— Зачем? — спросил глухо.

Юля пожалала плечами.

— Не хочу сбиться, когда буду повторять.

Мужчина прищурился, явно подозревая подвох, но взгляд Юли был кристально чистым, а скрещенные пальцы спрятаны за спиной.

Вздыхнул. Встал. Достал с полки шкатулку. Открыл, покопался в свитках. Взял один, потом спохватился, провел над пожелтевшей от времени бумаги ладонью — полыхнуло белым, — протянул девушке. Та нерешительно замерла, мужчина мученически закатил глаза, подошел сам, буквально впихнув свиток в руки Юли.

— Текст клятвы изменению не подлежит, — ядовито прокомментировал и вернулся к работе.

Юля спорить не стала. Торопливо, пока не позвали, принялась разбирать текст. Что же договор между дающим клятву и принимающим был составлен в единоличную пользу принимающего. Дающий был обязан соблюсти не менее двадцати «не» кроме стандартного «не убий». Ничего такого криминального, но кто знает изощренность местных? Зато и наказание было «гуманным» — паралич до помещения под суд, ну и принимающий мог снять откат, если считал нужным это сделать.

Юля вернула свиток на стол, отошла к окну. Клятву с нее возьмут... Тут ни одно желание не поможет. Да и камни, начнет дурить, могут не дать.

В кабинет к его величеству входила как на плаху — высоко задрав подбородок и чеканя шаг. Остановилась напротив стола, замерла. Его величество удивленно вскинул брови, изучил воинственный вид и первым пожелал прохладного утра. Юля, спохватившись, отвесила поклон.

— Бойтесь? — догадался король. — Для вашего мира это, наверное, кажется пугающим?

Еще каким. Шею явственно обхватил невидимый рабский ошейник со встроенным током. Совершенно иррациональное чувство, но избавиться от него Юля не могла. Так и казалось — шагнет не туда, скажет не то, и бац — ударит разрядом.

— Мне, знаете ли, тоже не по себе, что вы до сих пор, — он замолчал, смутился, отвел взгляд, принявшись изучать картину за спиной у Юли.

— Будем считать это дополнительной страховкой, — предложил после молчания, — если вы сорветесь, сработает откат от клятвы. Вас обездвигит.

А если она в этот момент будет стоять на краю пропасти? Нет, не думать о глупостях. Безмолвные не допустят, чтобы она пострадала.

— Хорошо, — согласилась, обещая себе в качестве утешения три маргариты в самом крутом клубе — чтобы отвлечься и почувствовать себя живой, без давящего ошейника клятвы.

Его величество вышел из-за стола. Встал перед ней.

Слова клятвы Юля произносила с тупым равнодушием, под обещание выпить истерика удалилась, забрав с собой остальные эмоции. На последних словах тело обожгло теплом, запястье кольнуло болью, Юля ойкнула, дернулась, но руку перехватили сильные пальцы, и его величество мягко пожурил:

— Какая вы чувствительная. Потерпите, сейчас все пройдет, метка зафиксируется.

Юля нервно сглотнула. Метка?

— Не дергайтесь. Никто не собирается вам навредить. Метка — индикатор. Почувствуете жжение в этом месте, значит клятва собирается сработать.

И лучше ей в этот момент перестать делать то, что она делает... Логично.

А дальше она расширенными от удивления глазами смотрела, как его величество подносит руку к губам, нежно дует на кожу, обводит невидимый узор на запястье и так притягательно улыбается, что... Нет, Седьмой завидовать — последнее дело, а уж думать о том, что там место Восьмой свободно — просто беспредел, но хорош гад, что и говорить. Натренировался на семи женах — мастер пикапа*.

— П-п-простите, — вернула себе конечность, его величество понимающе улыбнулся.

Из кабинета вылетела с пылающими щеками, забыв о страшной клятве, судорожно вцепившись, как в спасательный круг, в шкатулку с камнями. Что сыновья, что отец... Или это была очередная непонятная проверка? А может, ее просто отвлекали от пугающих мыслей о клятве?

— Госпожа ассара, — сопровождающий притормозил около двери Третьего, — его высочество желает видеть вас немедленно.

Сердце испуганно екнуло, а шкатулка с камнями показалась горячей.

И вот она — главная особенность дворца. Будь Юля даже трижды уважаемой ассарой, мисс малиновые штаны, перед которой слуги расшаркиваются в коридоре, но стоит кому-то из королевской семейки требовать госпожу на стол в качестве закуски, и отказаться от визита нельзя. Начальство можно послать и уволиться, короля — нет. Даже если это чужой король другого мира. Палачи и тюрьмы везде одинаково неприятны.

— Вы хотели что-то обсудить, Юля. Я вас внимательно слушаю.

Третий светился радушием, а она ловила себя на мысли, что вряд ли сможет забыть сегодняшнее фееричное утро. Мучительно тянуло краснеть, хихикать, строить глазки, а не говорить о чем-то серьезном. Но кокетничать с Третьим? Нет, она ещё не выжила из ума.

— В первую очередь меня не устраивает ваш подход к моему обучению.

Еще на Земле она планировала столько всего: обычаи, законы, историю. Ее была лихорадка первооткрывателя, когда думала о чужом мире. Хотелось узнать, как им удалось достичь высокого уровня развития, как смогли сохранить баланс между технологиями, прогрессом и магией. На кончиках пальцев чувствовался зуд, когда составляла списки... Вдобавок отключение от новостей, интернета, инстаграма и контакта ощущалось острым информационным голодом.

Вот только местные, гм, никуда не торопились.

— Предлагаю составить план, согласовать список предметов.

А еще нужны нормальные учителя, но об этом она поговорит позже.

— Четвертый раз, госпожа ассара, — Харт с плохо скрываемым раздражением вытянул из левой стопки несколько листов, потряс ими в воздухе, — я меняю ваше обучение. У нас только один специалист по темному пламени, и тот сейчас путешествует. За ним послали, но непонятно, когда он изволит вернуться. По общим предметам я согласовал ваше обучение наставниками Шестого. Благо теперь их трое, и они смогут уделять внимание обоим. Расписание получите после обеда. Вечерние медитации, естественно, продолжатся.

Медитации... Юля сощурилась. Не выдержала, бросила зло:

— А когда планируется перейти к нормальным занятиям по магии?

Нет, в самом деле — сколько можно сидеть и пытаться не заснуть? Где трансфигурация, защита от темных искусств, зельеваренье, наконец? Она, можно сказать, с мечтой о Хогвартсе сюда, а ее медитациями кормят.

Третий не понял. Растерянно моргнул.

— Но медитации и есть нормальные занятия.

— И сколько времени они продолжатся? — спросила с подозрением. Если ей сейчас ответят, что другого формата для женщин не предусмотрено... Честное слово, пойдет и устроит революцию с захватом академии — и даешь равное обучение обоих полов!

— Три года — стандартный срок для новичков. Дети учатся удерживать силу и только потом управлять, но я вас понимаю, — Харт снисходительно улыбнулся, — самому в детстве эти занятия казались ужасно скучными. Однако других вариантов нет.

Три года! Приличных слов в голове не осталось. Не утешало даже то, что Третий мучился так же. Неспешность подхода к обучению напоминала буддистский монастырь, когда одни и те же мантры повторялись из года в год, чтобы к седым волосам и выпавшим зубам достичь просветления. Но у нее нет этих лет. Она должна овладеть силой к тому моменту, когда у Совенка проснется дар.

И не прав Третий. Варианты есть всегда. Вопрос цены.

— Я поняла, — попыталась скрыть раздражение, получилось плохо, — спасибо за помощь.

Харт вздохнул, покачал головой и осуждающе проговорил:

— Ваш мир слишком торопится. На улицах гонки, а не прогулки. Все куда-то несутся... Для магии торопливость вредна. Доверьтесь нам, Юля, мы сделаем из вас отличного мага.

— А смысл? — пожалала плечами. — Ваши женщины все равно не применяют своих знаний на практике.

— Почему не применяют, — сыграл обиду высочество, — они не могут работать только там, где требуется длительное воздействие одного уровня. В остальном — ограничений нет.

Интересно, это официальная позиция или лично для нее?

— Например? — откинулась на спинку стула, сложила руки на груди. Третий глянул с

неодобрением, но все же соизволил пояснить.

— Начнем с того, что наши женщины могут позволить себе не работать, — бросил камень в ее огород, — но магией они владеют. На другом уровне, конечно, чем мужчины, но их никто не ограничивает. Многие увлекаются окраской тканей, выращивают уникальные гибриды цветов, специи, заряжают артефакты, лечат бедняков. Честно сказать, я не силен в женских увлечениях, поговорите лучше с Седьмой. Кстати, утром у вас был приватный разговор. Не хотите поделиться?

И Юле достался гипнотический взгляд маньяка, учувшего запах свежих новостей, прошедших мимо его носа.

— Нет, — покачала головой, мстя за утреннее пробуждение.

«Маньяк» разочарованно моргнул, отбил пальцами бравый ритм, но к пыткам прибегать не стал.

— Хорошо, — протянул, явно обдумывая обходной маневр, раз лобовая атака захлебнулась, — тогда сегодня вечером с вами позанимается мастер Шаккар. У Четвертого важные дела, я тоже буду занят. Не расстроитесь? — спросил, глядя испытующе.

— Нет, — мотнула головой. Расстроитесь? Скорее, сегодня у нее будет шанс серьезно позаниматься, а не балансировать между соблазнением и хорошими манерами.

— Если это все, я бы хотела вернуться к себе.

— Конечно, — Харт улыбнулся, Юля встала, но ее остановили: — Напомню, что после занятий у нас с вами прогулка. И последний вопрос. В шкатулке у вас что?

*пикап — от английского слова pick-up — буквально снять или подцепить (обычно девушку).

ГЛАВА 6

Она ждала этого вопроса, но как водится, получив его в лоб, растерялась. И что ответить? Правду? Обойдется. Намекнуть, что любопытной Варваре на базаре нос оторвали? Так придется объяснять, кто такая Варвара, что такое базар и почему именно нос, а не другую часть тела. Кстати, почему? Нос меньше всего задействован в процессе получения информации, а отрывать желают именно его, а не уши. Дискриминация какая-то.

Третий устал ждать, вышел из-за стола, направился к ней, намереваясь получить ответ на свой вопрос. Юля попяtilась, прижимая к груди драгоценную шкатулку. Высочество заинтригованно вскинул брови, в глазах вспыхнул азартный огонек, кончики ноздрей шевельнулись, как у гончей, почувшей добычу, и Юля поняла, ещё немного — и упрямством подпишет себе приговор. Она давно уяснила, тайны — пылкая страсть третьего принца. Какой-то новостной маньяк, а не высочество.

Со вздохом открыла шкатулку, продемонстрировав господину дознавателю пять некрупных камней на черном бархате.

— Слезы калкалоса? — удивился Харт и тут же высказал догадку: — Хотите усилить с ним ментальную связь? Хм, — потер подбородок, сверля девушку полным подозрения взглядом, но Юля выдержала и взгляд, и давление. Принц сдался, признав: — Не ожидал, что вы выберете, гм, подобный круг общения.

Юля в какой-то степени его понимала. Птичник наверняка будет в шоке, если узнает.

Но калкалос... Это невообразимая смесь открытости, нахальства и здорового драконьего оптимизма. Сложно объяснить, что она к нему чувствует, но однозначно не против иметь подобного друга.

— Пожалуй, лишь такойцы рискуют с ними общаться, и даже поклоняются. Но у них

свои чудовища под боком, им не привыкать.

Отлично, она в теплой компании с пиратами. Птичник умрет от зависти.

— Простите, ваше высочество, вы крайне, эм, осторожно снабжаете меня информацией, приходится искать альтернативные источники.

С крыльями, хвостом и неистощимым запасом ругательств.

— А вы опасный противник, — с одобрением заметил Третий и отпустил: — Идите. Встретимся вечером.

Надо понимать, общаться с калкалосом ей разрешили и даже камни одобрили использовать. Знал ли Третий об их истинном назначении? Вряд ли.

В то же время. Земля.

— Вот смотри, — Кайлес наклонился к самому уху Фильярга, перекрикивая грохотающую в помещении музыку, — сколько красавиц. Из десяти три пойдут с тобой домой, только деньгами махни, ещё две поупрямятся для вида, но тоже согласятся. Одна обязательно даст по морде, одна шарахнется, испугавшись, ну а три подпустят, устроив тебе испытательный период. И не дай пламя тебе его запороть... Отошьют. Здешние дамочки любят цветы, хорошие рестораны и дорогие подарки. Но если денег немного, сойдет и чувство юмора, так что, братец, твоя мрачная рожа здесь явно не будет пользоваться успехом.

Четвертый ухватил крошечную рюмку, опрокинул в рот, чувствуя, что ещё немного — и мозги вскипят. Тяжелый ритм местной музыки бился внутри, и казалось, что внутренности из последних сил дергаются вместе с ним. Не-е-е, на трезвую голову такое переносить невозможно. И он махнул парню за стойкой — повторить.

Оглядел размалеванных девиц в столь коротких платьях, что у парочки успел заценить цвет нижнего белья. Некоторые выперлись в облегающих кожаных трусах и майках. И никто на них особо не пялился. Ну как, спрашивается, после этой выставки женских тел реагировать на слова кузена? Тут не выбирать, а брать любую тепленькой и в постель.

— Цветы? — спросил с сомнением, пьяно наваливаясь грудью на стойку. В голове шумело, мир перед глазами качался, пронизанный световыми лучами местных эффектов, и он уже жалел, что поддался на уговоры брата сходить «в поле» на тренировку.

— Конфеты, мягкие игрушки, — послушно принялся перечислять кузен, но тут же осекся и закончил мрачно: — Только с Юлей тебе это не поможет. Ты там столько напортачил, что можно не начинать быть милым и пушистым.

Мрачное настроение стало совсем черным. Фильярг злобно зыркнул на парочку девиц, попытавшихся приземлиться рядом за стойку, и девчонок снесло. Одна, правда, успела фыркнуть «Придурок!».

Четвертый поймал свое отражение в зеркальной стене бара, заставленной бутылками. С сомнением оглядел чуть помятую физиономию — нет, ничего нового или необычного там не появилось. Так почему у него неприятное чувство, что его оставили за бортом? Вон Кайлесу стоит улыбнуться, как к нему девиц буквально притягивает. Фильярг стиснул зубы, подавил идиотскую зависть.

Быть милым и все время улыбаться? Проще сдохнуть.

— И что тогда? — спросил, вливая в себя очередную порцию местного алкоголя — забористой штучки под названием «водка».

— Есть один способ, — Кайлес покровительственно похлопал его по плечу, поймал убийственный взгляд брата, отдернул руку, — называется ревность. Если ты ей

небезразличен, работает. Мы все собственники. Отдавать никому не хочется.

— Ревность, — повторил Фильярг. Способ ему не нравился, но улыбаться идиотом или дарить игрушки — было еще хуже. Он купил ей новую одежду, дал новые комнаты, предоставил охрану. Цветы? Зимой это непросто, но можно распорядиться, чтобы слуги ставили в комнатах букеты из зимнего сада. Украшения? Сладости? И... ревность? Он испробует все.

С отвращением оглядел дергающихся девиц. И Кайлес не прав. Вон та, брюнетка, смело встретила его взгляд, поправила волосы, облизнула губы. Явно не прочь уйти сегодня с ним. Только он уже занят. И домой уйдет с... Кайлесом.

— Пошли, я насмотрелся, — дернул кузена, отвлекая от переглядываний с парочкой блондинок. Тот обреченно вздохнул, но спорить не стал.

Чем бы там ни занимался Четвертый, Юля тоже времени зря не теряла. До обеда повторяла алфавит, практиковалась в чтении. Получалось уже неплохо и можно было приступать к письму.

Совенок приполз в комнаты потный, еле переставляющий ноги, и она кинулась разогревать уставшее тело под горячей водой, массировать растянутые связки.

— Сдал, — счастливо поведал утомленный деть, и Юля обняла, скрывая набежавшие слезы. Душу затопило облегчение. Пусть это первое испытание из многих, они обязательно преодолеют их все.

Потом был обед с наставниками. Альгара сдержанно похвалили, сказав, что он показал средний результат, но потенциал, несомненно, есть. Юле этого было достаточно. Не худший — и ладно, а лучшим Аль успеет стать, дайте только время.

На занятия Совенка забрал Ульгард — их ждала математика, а Юлю поманил за собой в кабинет Ирлан. Мужчина сел за стол, отложил в сторону трость. Начинать разговор он не спешил, Юля тоже не рвалась в бой. Под оценивающим взглядом местной легенды, победителя каких-то там войн хотелось встать по стойке смирно и отдать честь, но вступать в местную армию... Нет, спасибо, ей птичника достаточно.

— Занятно, — пришел к каким-то выводам мужчина. Сплел пальцы. Опустил на них подбородок. Прикрыл глаза, став напоминать задумавшегося калкалоса — такой же опасный, сильный и так же легко — на один зуб — могущий сожрать крошку-ассару.

— Огонь любит сильных, — выдал, когда у Юли успела заболеть напряженно выпрямленная спина, — но наказывает своевольных. Я наблюдал за вами, госпожа ассара, удивительно, но в вас ощущается дух воина. Будь вы мужчиной — я бы порадовался такому подарку для Асмаса, но ваше своеволие, тяга к свободе и неподчинение любому давлению... Все это приведет в будущем к большим проблемам. Вы явно не удовлетворитесь ролью, которую вам готов предоставить мой мир, госпожа ассара. И погубите не только себя, но и Шестого.

Юля стиснула зубы. Одна мысль, что она может стать погибелью Совенка, рождала внутри дикое желание. Хотелось рвать и метать. Она готова была убить любого, кто посмеет угрожать Алю, но что если угроза — она сама? Нет, никогда. И тот, кто смеет подталкивать к подобным мыслям — враг. А что надо делать с врагами? Цивилизованная часть сознания слабо пролепетала, что убивать — не ее метод, в отместку ей обострившийся материнский инстинкт заявил, что капли крови будут обалденно смотреться на бежевой стене кабинета.

Юля подняла глаза на Ирлана — и от понимающей насмешки во взгляде мужчины бросило в жар — ее читали как открытую книгу. Стиснула ладони, комкая ткань платья.

— Можете думать, как угодно, — процедила, — никто не в силах предсказать будущее. И вы правы — я буду сражаться. За себя, за Альгара. Хотите помешать? Или превратить в послушную куклу? В таком случае, боюсь, мы не сработаемся.

Встала, намереваясь уйти. На одном солдафоне мир не сошелся. Она найдет себе других учителей.

— Сидеть, — рывкнул так, что дзынкнули стекла. Юля осталась стоять.

— Глупая девчонка, — проворчал мужчина, прихрамывая, вышел из-за стола. Остановился напротив, и некоторое время они сражались взглядами. Ирлан первым отвел глаза и вовремя — у Юли уже свело шею смотреть на него снизу вверх.

— Ты не понимаешь, насколько все серьезно.

— Серьезно — для вас, у меня свои критерии, — парировала.

— Вот этот твой подход, — нахмурился мужчина, потер подбородок, — меня беспокоит больше всего. Жыргхвова задница, что там у тебя в голове творится.

Задница у Юли творилась не в голове, а в жизни, но спорить не стала, вместо этого спросив:

— У нас с вами одна цель — сделать из Альгара Столпа. И так ли важно, каким образом мы ее достигнем?

Ирлан взорвался.

— Смеешь мне указывать, малявка? — проорал, нависая.

Нет, он однозначно похож на калкалоса. И какое искреннее удивление от спора с женщиной. Точно никогда сковородкой по голове не получал.

Вздохнула. Тяжело с этими генералами... Привыкли, понимаешь, к — «упал, отжался, есть, так точно» — образу мыслей. С мальчишкой это сработает — дисциплина нужна. Но она, взрослая тетя, которая подчиняется тогда, когда видит в этом логику. Одно приятно — «генерал» с ней честен. И вот эта честность подкупает...

— Давайте договоримся, — качнулась с пятки на носок. Кровожадность прошла — осталась усталость, — госпожа ассара и никаких малявок, крошек и прочая. Я буду уважать ваши решения, вы — отвечать на мои вопросы и не орать, если стану делать не так, как вам хочется. У нас это называется — конструктивный диалог. И постарайтесь разглядеть во мне человека, а не просто сумасшедшую бабу из другого мира.

Мужчина хмыкнул, отступил, оглядывая ее с новым выражением в глазах. Юле на мгновение показалось, что в них мелькнуло уважение...

— Бабу, — повторил, тряхнул головой и вдруг открыто улыбнулся: — А вы умеете удивлять, госпожа ассара. Мне доставит огромное удовольствие учить вас. Держите ваше расписание.

Опешившей от столь резкой смены курса партии Юлии вручили плотно исписанный лист.

— Посмотрим, как вы справитесь с нагрузкой. Если я правильно понял — вы желаете получить такое же образование, как и Шестой?

Юля ошалело моргнула. «Генерал» одним предложением попал точно в цель. Нет, не зря она его позвала в наставники.

— Да, все верно. Я не вижу другого способа ему помочь.

— Я пришел к тем же выводам, — согласно кивнул Ирлан, — но обучение Столпов не для неженков. Мы, конечно, постараемся минимизировать риск, но он все же останется.

Юля прикрыла глаза, уже представляя, как взбесится Четвертый. Как станет орать на

безголовую ассару. Но пусть только попробует помешать...

— Я согласна.

Ирлан не обманул — до ужина у нее не было времени даже вздохнуть. История, география, чтение, письмо. Наставники методично накачивали в нее знания, и к вечеру Юлина голова напоминала раздутый шар, в котором камушками перекатывалась боль.

После ужина отдохнула с Совенком — рассказала очередную сказку и отправилась на медитацию с единственной мыслью — поспать. Но с отдыхом вышел облом. Наставник Шаккар решил не мелочиться и перешел к следующему этапу.

— Давайте попробуем поработать с переносом.

Перед Юлей поставили стеклянный куб.

— Сконцентрируйтесь. Найдите внутри себя источник силы. Почувствуйте его тепло.

Юля мысленно нырнула в себя. Представила в центре груди теплую мерцающую точку.

— Отлично, а теперь перенесите огонь за стекло.

Легко сказать. От усилий вырвать из себя вредную точку вспотела спина. Футболка прилипла к коже, а источник и не думал покидать пределы тела. Еще и норовил погаснуть зараза.

— Расслабьтесь, — советовал Шаккар, — не пытайтесь перенести весь источник. Отделите часть.

С отделением выходило плохо. Точка делиться не желала.

— Не переживайте, — подбодрил наставник, когда она с шипением убрала прилипшие ко лбу волосы, — самые способные ученики тратят месяц на овладение переносом. Ни у кого не выходит с первого раза.

Ну да, а сначала три года медитаций. А она тут с земными тайм-менеджментом и дедлайнами. В духовных практиках такое не работает.

— Можно вопрос? — спросила, устраивая себе перерыв.

— Конечно, — кивнул наставник. Весь час он просидел, не шевелясь, на коленях, пока Юля десять раз поменяла позу. Вот это уровень владения телом, — позавидовала.

— Что такое темное пламя? Оно действительно опасно?

Мужчина помолчал, собираясь с мыслями, и следующие полчаса Юля слушала подробную, без купюр, лекцию о магии. Энергия в этом мире существовала одна, зато ее проявлений было множество. Тут и менталистика — покорение чужого разума. И магия стихий — когда магическая энергия брала под контроль энергию ветра, огня, воды или земли. И целительство. И артефакторика. Но магия не любила «чистых» специалистов, и большинство магов работало, сочетая разные виды.

К таким вот гибридам и относился ее дар. Огнем он по сути своей не являлся, а название свое получил из-за скорости распространения и способности пожирать все на своем пути. Эдакая кислота как из пасти Чужого, когда одна капля прожигала несколько перекрытий.

— Но камень, — возразила.

— Тоже уничтожается, но медленнее. В некоторых народах ваш дар называют даром смерти из-за его убийственной силы. Многие верят, что темная энергия черпается напрямую из мира мертвых.

Юля вспомнила жуткое иррациональное ощущение черного пламени на коже... Это была еще одна причина стать отличницей и зубами грызть местный гранит науки. Если она не хочет превратиться в чудовище...

— Вашей охране повезло — выплеск пошел во все стороны. Ударь вы прицельно... — и Шаккар покачал головой, явно намекая, что в гостиной остались бы голые стены и трупы. Хотя нет, трупов тоже не осталось бы. Пламя стоило назвать прожорливым, а не темным.

— И как мне им управлять?

Шаккар развел руками.

— Женщины большей частью предпочитают держать дар спящим — так безопаснее. Вам нужно искать свой способ.

А когда она высказала надежду на единственного специалиста, за которым уже послали, ее разочаровали:

— Теоретик и сказочник. Дальше баек о правлении Четвертой ветви дело не пойдет. Рассчитывайте только на себя. И не беспокойтесь слишком сильно. Темное пламя относится к дару-защитнику и активизируется, когда его хозяину грозит опасность. Просто так вы им никого не убьете.

Слабое утешение, но какое есть.

— Добрый вечер, наставник Шаккар, Юля.

Девушка встрепенулась. Она так увлеклась, что совсем забыла о Третьем. А он не забыл. Окинул подозрительным взглядом комнату, задержал взгляд на кубе, нахмурился, но задавать вопросы не стал.

— Простите, ваше высочество. Дайте мне пятнадцать минут, я быстро.

Харт кивком отпустил, и Юля помчалась в комнату. Пять минут на душ, ещё пять — сменить одежду, причесаться, кинуть быстрый взгляд в зеркало и вздохнуть — вид усталый, бледный. С таким только спать, а не на свидания бегать.

Это не свидание, — сказала сама себе строго, — а отработка. Нечего придумывать лишнего. И поменьше болтать.

С такой установкой и отправилась на встречу.

Из портала они вышли в пещере. Огромный каменный зал с плавающими по воздуху световыми шарами был естественного происхождения. Сталактиты спускались с потолка, образуя около левой стены целый орган, с правой сталагмиты вздымались сценой с каменными уродцами. Капала вода. По ногам тянуло сыростью. На полу виднелся расчищенный от камней проход, в остальном зал постарались оставить в первозданном виде.

Обрадовавшиеся появлению гостей световики слетелись со всех углов зала, выстраивая световую завесу между ними и тьмой.

— Накиньте, — его величество снял с себя теплый шерстяной сюртук, надел Юле на плечи.

— А вы? — спросила, кутаясь в мягкую ткань и вдыхая запах ее владельца. Третий пах чернилами — этот запах она успела хорошо выучить за сегодня, а еще чем-то терпко-пряным и приятным.

— А я умею защищаться от холода, — усмехнулся мужчина и протянул руку: — Прощу. Здесь скользко, вам лучше держаться за меня.

И почему у нее каждый раз возникает ощущение, что все сказанное Хартом имеет двойной или тройной смысл? Тряхнула головой, прогоняя сомнения. Скользко — и точка. Ей нельзя получать травму, только не сейчас, когда она вписалась в авантюру под названием: «Стань первой женщиной-столпом». Нет, Столпом она становится не собиралась, но освоить их программу обучения придется

Вложила пальцы в мужскую ладонь, их тут же сжали, и Юлю повели к темнеющему

вдали проходу. Световики, выстроившись почетным эскортом, поплыли по бокам.

— Когда-то давно в Священные пещеры не допускались чужаки, — голос Третьего эхом разносился по залу, и мнилось, что его рассказу вторит сотня невидимых гоблинов, — но времена меняются. Первым попавшим сюда стал побратим Третьей ветви — Лучезарный Эффраил, правитель Лократии. Дальше этим правом стали награждать лучших из лучших, а потом сделали обязательным проведение здесь испытаний для магов огня.

Юля запнулась, Харт обнял, подхватывая, но девушка и не собиралась падать.

— Вы меня сейчас на испытание ведете? — прошептала. Тишина пещеры нервировала, казалось кощунством ее нарушать.

Третий рассмеялся, и следом расхохоталась сотня невидимых гоблинов.

— Пламя с вами, Юля, какое испытание?! Нет, мы просто гуляем. Да и не собираюсь я вас вести в нижние пещеры, а здесь, в верхних, безопасно. Верьте мне, — попросил проникновенно. Юля отстранилась, ее отпустили, но ладонь осталась в руке Харта.

— Хорошо, — выдохнула, смиряясь с тем, что ее нервам грозит очередное испытание. Знает она их «безопасно». Огонь любит сильных. Здесь простое свидание легко может стать испытанием. Странно, что они не требуют подобной самоотдачи от женщин. Во многих народах женщина-воин вызывает искреннее восхищение, ведь сильная женщина родит сильных детей, или у них опять тут все в магию упирается? Непонятно.

Они вошли в просторный коридор — тут явно чувствовалась человеческая рука. Стены были выглажены, пол ровный.

— Помните, я вам рассказывал о первом правителе эсхарата Листраге Великом? Именно здесь он пробивался к огненным потоками, чтобы их усмирить. Тогда этот коридор больше походил на узкую нору, в которую едва можно было втиснуться. В команде был единственный маг земли. После пробития пути он трое суток лежал без сознания. Уже гораздо позже проход расширили и расчистили, чтобы использовать для торжественных церемоний. Вы знаете, Юля, что у каждого вулкана есть свой день рождения? Не удивляйтесь. Мы празднуем день последнего извержения. Празднуем то, что его удалось усмирить и усыпить ещё лет на сто. Каждый из восьми наших старших братьев и сестер имеет свой характер. Столпы подробно изучают их привычки и черты, а также признаки грядущего извержения.

— А Шестому? — спросила с тревогой. — Какой ему достанется вулкан?

— Старый пердун, если в двух словах. Много ворчит, редко когда бывает по-настоящему опасен. Вот Второму не повезло больше всех. Его Аннет-тай как истинная женщина — если гневается, то с размахом. Еще и остальных будит. Страстная, с потоками лавы и шлейфом дыма. Да и просыпается чаще остальных, требуя внимания.

Пара поворотов, подъем, спуск, и следующий шаг привел их на узкий карниз. Юля замерла, стоя на границе бездны. Далеко внизу — этаж двадцатый не меньше — текли, поблескивая алым, потоки лавы. Было высоко и жар не добивал, но Юля вспотела от одного только вида огненной пропасти под ногами. Каньон тянулся вправо и влево, теряясь в темноте скал. Насколько далеко, сказать было сложно — световики, точно испуганные мотыльки, толпились у выхода на карниз.

Так это и есть знаменитые Священные пещеры? Гордость огненных магов?

Шагнуть бы назад, но там словно специально встал Третий. А проявлять слабость ассаре с некоторых пор запрещено.

Юля сглотнула, прикрыла глаза и приказала себе не бояться. Подумаешь высоко. Ее же

не заставят шагнуть в пропасть?

— Юля, вы мне верите? — шепнули на ухо. Вот после такого вопроса ей стало по-настоящему страшно.

— Испугались?

И почему в этот раз голос прозвучал спереди? Распахнула глаза — Третий стоял перед ней, ехидно улыбаясь. Стоял прямо на воздухе.

— Нет, — мотнула головой, прикусывая губу. Как такое может быть? Наклонила голову, меняя угол обзора — и поймал тень Харта, лежащую на... стекле?

— Тогда идите сюда.

Этот невыносимый тип, продолжая улыбаться, приглашающе протянул ей руку.

Ассары не боятся. Не боятся, я сказала, — скомандовала себе Юля, делая шаг в пустоту. Носком нащупала поверхность, шагнула уже уверенней.

— Видите, мне можно доверять. Я никогда не причиню вам вред, Юля.

Ее пальцы вновь оказались в плену его руки, а она сама — в плену этого места. Темные скалы нависали над узким проходом. Внизу кроваво-красным языком текла лава, и вверх, по стенам, ползли алые всполохи отражений. И казалось, что в гости к ней пришла бездна. И сейчас оживут скалы, с ползущими по ним гоблинами, раздастся оглушительный рев демона. Она напрягла глаза, высматривая группу смельчаков с кольцом, но вокруг царил тишина, лишь внизу было слышно, как шуршит по камням огненная река, да билось собственное испуганное сердце.

Третий потянул дальше, Юля заворуженно пошла за ним. А потом пятка внезапно оказалась в пустоте. Девушка охнула, покачнувшись, и мужские руки тут же притянули ее к себе. Она замерла, переводя дыхание. Какого?! Он ещё и не прямой?

— Это мост Доверия.

Третий успокаивающе погладил ее по спине. Его лицо было в тени, и Юле казалось, что сейчас ее обнимает не человек.

— Тебе завязывают глаза. Первый раз идешь с проводником. Потом сам. И так до тех пор, пока наставники не удовлетворятся скоростью прохождения.

Переведя на русский — бегом с завязанными глазами по стеклянному мосту без перил и страховки. Очень хотелось уточнить у товарищей преподавателей, не работают ли они на полставки в испанской инквизиции?

— Вы мне доверяете, Юля?

Мужская ладонь на спине напряглась. Внутренне чутье подсказывало, что Третий примет любое ее решение. Виноват был чертов мост, что она сказала:

— Да.

— Тогда следуйте за мной. Я поведу.

И он действительно повел. Это было похоже на танец. Шаг назад, спиной вперед, и она следует за ним, прижатая к мужскому телу, а внизу беснуется огонь.

Где-то на середине он поднял ее в воздух, перенес через одно ему известное препятствие. Юля полностью отдалась этим сильным, уверенным рукам, принимая их власть над собой. И не сопротивлялась, когда на той стороне Харт прижал ее спиной к скале, обхватил за шею, поглаживая пальцем кожу. Второй рукой обнял за талию, прижимая к себе. Мягко, пробуя на вкус, поцеловал. Он не торопился, действовал нежно, точно боясь напугать, а когда отстранился, проговорил в губы:

— Вы мне очень нравитесь, Юля.

В голове эхом откликнулось «Узнаю, что встала между братьями...».

— Я бы хотел ухаживать за вами, если вы не против.

«Заберу младшей женой». Очарование рассеялось. Стало неудобно. А в голове продолжал звучать голос Второго: «Чем раньше сделаешь выбор, тем, поверь, будет лучше для всех».

А если она не готова выбирать? Если она только начала входить во вкус нового мира? И совершенно не желает торопиться или связывать себя обещаниями? Потому как есть у нее огромное подозрение, что выбранный ею мужчина будет резко против придуманного плана и банально запрет в комнате.

Дернулась, пытаясь отстраниться.

— А как же покровительство? — спросила зло. Можно ей сейчас оставить Шестого, а всех остальных с Первого по Пятого стереть?

Харт коснулся пальцем ее губ, обвел контур.

— Без покровительства. Просто ухаживание. Не отвечайте прямо сейчас, я дам вам время подумать и не стану торопить.

ГЛАВА 7

Надо ли говорить, что, несмотря на усталость Юля, проворочалась полночи, раздумывая над словами Третьего. Как мужчина он ей нравился, но она так и не смогла отделаться от чувства, что всегда будет на втором для него месте. А с учетом ее сложных отношений с местными порядками и тем, что она собирается их нарушать... Какова вероятность поставить Третьего перед выбором: любимая ассара или не менее любимое государство? И вовсе не хочется проверять, что именно он выберет.

Утро началось феерично. Душ взбудрил, а новость, что она присоединится к утренним издевательствам на празднике здорового образа жизни, окончательно прогнала сонную хмарь.

Совенок радостно скакал, пока они спускались и проходили через портал, пребывая в восторге от ее компании. Юля с болью отметила, что деть до сих пор воспринимает каждую минуту их общения как подарок. И надо бы больше времени проводить вместе, но дурацкая реальность диктовала свои правила, внося в формулу их общения не только любовь, но и необходимость выживания.

— Н-да, — Ульгард неодобрительно оглядел ее спортивный костюм, обреченно вздохнул, махнул рукой и приказал: — Приступайте к разминке. Для начала три круга. Там посмотрим, на что вы годитесь.

На что годится офисный хомячок, которому денег жалко на спортивный абонемент? На упрямстве она продержалась два круга, потом перешла на шаг.

Их появление в местном аналоге спортивного зала вызвало шквальное недоумение — мужчины, работавшие мечами в парах под руководством наставников, удивленно переглядывались, но вмешиваться не спешили. Только тихо комментировали да бросали любопытствующие взгляды. Зато тренера явно возненавидели новичков за внесенную сумятицу. Юля успела заметить, как Ульгард отослал парочку отправленных к нему делегатов.

Пока Юля бежала легкой трусцой, ее провожали заинтересованными взглядами, но стоило проявиться первой усталости, как взгляды сделались вопросительными, потом сочувствующими, и все это под гневный ропот и убийственные взгляды в сторону Ульгарда. Но все недовольство разбивалось о каменное лицо наставника Шестого.

— Размялись? — уточнил, когда Юля закончила третий круг. — Тогда на полосу.

Вот тебе, мать, и настоящее испытание, — попыталась подбодрить себя. — Давай, старушка, трянем костями.

Ага, ими здесь и ляжем, — ехидно заметил внутренний голос.

Поплелась к полосе, краем глаза отмечая, что Совенок присоединился к группе детей, отработывавших движения атаки на деревянных мечах.

Подошла к полосе. Оценила предстоящее издевательство. Вздохнула и полезла на двухметровую стену, благо на ней имелись имитации скальных выступов. Замерла наверху, оседлав. Перевела дух, глянула вниз.

— Госпожа, осторожнее.

— Давайте потихоньку ножку перенесите, и мы подхватим, не бойтесь.

Цирк уехал, а клоуны-то остались. Не менее трех сердобольных толпились с той стороны стены, уговаривая спуститься — точно кошку, забравшуюся сдуру на дерево. Юля бросила жалобный взгляд на Ульгарда, но тот имитировал глухоту со слепотой. То есть разгон демонстрации тоже на ней. Как назло — под рукой ни дубинки, ни брандспойта. Огнем шугануть? Стремно. От полосы одни угольки могут остаться.

— Господа, вы мне мешаете. Вернитесь к своим занятиям.

Выражение лиц — точно стена с ними заговорила.

— Госпожа, какое бы наказание вам ни назначили, мы не позволим рисковать вам жизнью.

Ульгард дернул головой, точно пытался сдержать смех. Зараза... А где-то ещё безмолвные наслаждаются спектаклем.

— А если я сейчас рискну вашей?

Внутри обжигающе шевельнулось раздражение. Идиотов, конечно, было жаль, но если пугнуть поверх головы...

— Что здесь происходит? — Фильярг остановился около стены. Удивленно взглянул на Юлю, вздернул брови.

— Спускайтесь, — приказал.

— Пусть эти отойдут, — буркнула с досадой. Взрослая тетя, а чувство, что сейчас спустят и отшлепают.

Лицо Четвертого потемнело, и «спасатели» благоразумно удалились, оглядываясь на каждом шагу и бросая такие сострадательные взгляды, словно она прямо сейчас на плаху поднималась.

— Что за представление, Юля? — процедил Фильярг. Поморщился, потер виски, точно страдал от головной боли.

— Вот и мне интересно, что за представление, — согласилась, — я тут контролирую процесс обучения Совенка. Решила размяться, опробовать замечательную полосу препятствий, а меня на нее не пускают. Это дискриминация.

Четвертый речью не проникся. Нашел кого-то в пустоте, подозвал. Выслушал короткий доклад — говорили столь тихо, что Юля улавливала лишь отдельные слова.

— Что?! — быком взревел в конце. Юля с испуга чуть не сверзнулась. Бросил на нее разъяренный взгляд.

— Значит так, ты — спускайся, а я разбираться, — и бросил в пустоту: — Проследить.

Пустота терпеливо ждала, пока Юля спустится, лишь на последнем метре ее подхватили невидимые руки и поставили на землю. Юля оправила костюм, приняла максимально

независимый вид и отправилась дальше. Пока там Четвертый будет разбираться, она продолжит тренировку.

«Спасатели» толклись неподалеку, явно не зная, что предпринять, если девица спастись не желает. Юля им помогать не собиралась, ее ждало бревно. Взбежала наверх, расставила руки и пошла. Настроение было преотличное. Хотелось послать весь мир и хулигански показать язык.

— Вы первая женщина в зале Силы, — глубокомысленно заметили справа.

Первая женщина в зале, первая в университете, женщина-химик, космонавт... У местных впереди столько открытий... Они могут сколь угодно сопротивляться эмансипации, кивать на магию, цепляться за традицию трех К, прогресс этим не остановишь. Общество, в котором половина населения не участвует в развитии, тормозит в два раза больше, чем общество, где все члены уравниены в возможностях. Рано или поздно они придут к этому выводу и смирятся.

— Не беспокойтесь, мы не дадим вам упасть, — поддержали слева.

— Если дадим, нас самих на кости разберут, — хмыкнули справа.

Юля спрыгнула с бревна. Страховка — это хорошо, но гиперопека раздражала.

— Лучше научите не падать, — проговорила, чувствуя себя совершенно комфортно, общаясь с пустотой. Решительно, этот мир на нее дурно влияет, как и она на безмолвных. Разболтались точно лучшие друзья.

Пустота озадачилась.

— Вы действительно хотите тренироваться?

У нее уточняли — однократный ли это приступ дурости или он будет продолжаться на регулярной основе.

— Я — ассара, — напомнила очевидное Юля, — тренировки необходимы не только Шестому, но и мне.

— Хорошо, — приняла решение правая пустота, — мы поможем.

— Но... — попытались было возразить слева, однако договаривать не стали, смиряясь.

— Я должен поблагодарить вас, госпожа ассара, за то, что позволили остаться.

Юля смутилась.

— Это я должна извиниться за то, что подставила вас с калкалосом. Если мне запретят тренировки, прошу, не вмешивайтесь. Не хочу, чтобы вас удалили от меня, мастер Рохас.

— Договорились, — согласился мужчина и предложил: — А теперь вернитесь на бревно. Попробуем пройти его как положено.

В кабинет в покоях Шестого Фильярг влетел без стука. Слуга доложил, что старшего наставника Ирлана можно будет найти здесь и не ошибся.

— Вы! — выдохнул, тяжело дыша. Голова стрельнула от боли, он поморщился, клятвенно пообещав себе, что прямо сейчас отправится в целительское крыло. У земного напитка оказался неприятный побочный эффект, от которого он не смог избавиться самостоятельно.

— Ваше высочество, — кивнул наставник, даже не потрудившись встать. Четвертый удержал рвущееся наружу недовольство. Не время для урока по этикету, к тому же Ирлана всегда отличало отсутствие пиетета перед властью. Было время, когда он восхищался этим, сейчас свободомыслие наставника раздражало. Хотелось стукнуть по столу и спросить: «Какого жырghва он творит?».

Выдохнул, успокаиваясь. Прошел к столу, сел напротив и уточнил:

— По какому праву вы разрешили ассаре присоединиться к сегодняшней тренировке Шестого?

— По праву ее наставника, — спокойно ответил Ирлан. Фильяргу показалось, в глубине его глаз мелькнула усмешка, и внутри разом полыхнула злость — как он смеет?! Память тут же подкинула сцены из собственного обучения, когда он потом и кровью зарабатывал звание Столпа. Сжал челюсти. И где были мозги у отца, когда он соглашался допустить этих троих до Юли?!

— Вы сами мне его дали, — Ирлан пододвинул бумагу, на которой внизу красовалась подпись Четвертого и магическая печать.

Фильярг сильнее стиснул зубы, вчитался в документ.

— Пятый абзац, — вежливо подсказал старший наставник.

Принц скользнул взглядом по бумаге, нашел нужный кусок текста. Прочитал. Ругнулся. Перечитал еще раз. Он действительно дал разрешение привлекать ассару к процессу обучения Шестого в объеме, который выберет наставник Ирлан. И дополнительных согласований для этого не требовалось.

Идиот! Ведь знал, что наставнику неизвестно слово «нет», когда речь идет о достижении цели. И взявшись за Шестого, он сделает все, чтобы подготовить принца к обучению в академии. Но кто мог подумать, что он позволит женщине ползать по стене?! Совсем из ума выжил старик.

Внутри все кипело от ярости. Фильярг вспомнил, в каком виде застал Юлю и глазеющих на нее мужиков. В тот момент он еле сдержался, чтобы не размазать по полу посмевающих пускать слюни на его женщину придурков, а потом схватить Юлю в охапку и запереть в своей комнате.

— Если с ее головы упадет хоть волос, — проговорил, глядя наставнику в глаза. Тот понимающе склонил голову.

Фильярг встал, дошел до двери, обернулся:

— Я велю подготовить для вас малый зал Силы. Если вам понадобится провести тренировку в большом — дайте знать, я освобожу его для вас.

— Благодарю, ваше высочество, но это лишнее, — качнул головой Ирлан.

— Не вам об этом судить, — Фильярг сжал ладони, стараясь не сорваться и не нагрубить бывшему наставнику, — выполняйте.

Следующие два дня Юля мечтала об одном — дожить до вечера. Она понятия не имела, как Ирлану удалось повернуть авантюру под названием «Сделаем из ассары крутого воина», но тренировки продолжились. Проходили они, правда, в гораздо меньшем по размеру помещении и без зрителей, что Юлю полностью устраивало. На полосу больше не гоняли, перейдя к основам — укреплению мышц и связок.

Как-то внезапно выяснилось, что в человеческом теле столько мышц, которые нужно закачать, и как же они все болят после нагрузок...

Совенка как более подготовленного, гоняли с мечом, заставляли бегать, растягиваться или отправляли на скалолазание. А с ней развлекались по очереди... Пресс, отжимания, прыжки, бег, подтягивания.

После обеда шли уроки по истории, географии, чтению и письму. Перегруженные запястья с трудом держали местный аналог ручки, управляемый темно-синими с весьма специфичным запахом чернилами. Но даже уставая как собака, Юля не жаловалась, боясь, что первая жалоба вызовет мгновенный запрет на тренировки.

На медитации приползала трупом. Засыпала, стоило расслабиться и прикрыть глаза. Фильярг, страшно ругаясь, ловил ее падающее тело. Укладывал на пол. Растирал забившиеся мышцы, а она старалась не стонать, когда сильные пальцы нажимали на особо чувствительные места. Потом поднимал на руки, относил в спальню и укладывал на кровать.

Она выжидала минут пять, запрещая себе засыпать. Вставала, доставала из-под кровати стеклянный куб и ещё час пыталась перенести внутренний огонь внутрь светильника, пока глаза не начинали закрываться, и никакое самовнушение не помогало не заснуть.

Одно хорошо — под тяжестью нагрузок поцелуй Третьего сместился в прошлое, перестав маячить в мыслях, вместе с ним выцвели угрозы Второго и поползновения Четвертого. На первый план вышло самое важное — Совенок и его выживание. Академия все ближе, а высочества... Подождут.

— Не понимаю я ее, — пожаловался Фильярг, смотря на свое отражение в темном окне. — Ей не нравится, когда о ней заботятся? Окружают комфортом? Почему она позволяет истязать себя?

Он только что отнес Юлю в постель — очередная медитация закончилась, так и не начавшись. Да и к пламени медитации. Проклятые тренировки стеной вставали между ними. Какое сближение, когда девушка засыпает у тебя на руках?!

— Если бы я понимал, что творится в голове у этой женщины... — протянул Третий, вставая рядом. — И запретить нельзя — хуже сделаешь. Кто бы мог подумать, что Шестому так повезет с ассарой. Столько силы и упорства... Не каждому мужчине такая щедрость от Девятиликого достается.

— Хочу придушить Ирлана, — честно признался Фильярг.

— Когда-то я тоже мечтал об этом. Ровно до первого испытания в академии, когда его наука спасла мне жизнь. Ты же не думаешь, что Юля останется в стороне?

— Отправим с ними безмолвных. Присмотрят.

— Они не присмотрят, а будут выполнять то, что скажет им Юля, — фыркнул Третий. — Или ты не заметил, как они выплясывают около ее костра?

— Заменяем.

— И следующих постигнет та же участь. Эта женщина меняет мир под себя, и меня это немного пугает. Хорошо, что ее желания касаются лишь Шестого. Ты не передумал? — Харт сменил тему. — Ведешь ее завтра домой?

— Да, — кивнул Фильярг, — отправляемся утром. Хочу устроить ей передышку.

— Отлично. Передышка нам всем не помешает, — согласился Харт, помолчал, потом добавил: — Думаю, мы зря оградили ее от общения со двором. Юля неосознанно противопоставляет себя нашим женщинам. И чувствую, что это защитная реакция. Начнет общаться и увидит, что ничего страшного нет.

— Но Пятая... — несогласно качнул головой Фильярг, морщась. Он с удовольствием нашел и наказал бы виновных, но, во-первых, участники и так попали в лазарет, а, во-вторых, доступ в покои для матери Столпа может быть закрыт лишь по прямому приказу короля.

— С Седьмой они прекрасно общаются, — возразил брат, — более того, секретничают и обмениваются личными подарками. Отец тут интересовался традициями Земли. Заинтриговал, но раскрывать подробности отказался. Уверен, часть проблем в том, что мы фактически закрыли наш мир для Юли. Старались оградить, а сделали лишь хуже, дав поле для ненужных подозрений.

— С этим соглашусь, но как осуществлять будем на практике? После случая с Пятой к

Юле сами боятся подходить.

— Попросим Седьмую жену пригласить ее на вечер.

— Хорошо. Я согласую список гостей и позабочусь, чтобы никто не упоминал имени Шестого, дабы не провоцировать ассару. Займусь этим сразу после возвращения, — ответил Фильярг, уже прикидывая кого пригласить, дабы вызвать ревность у Юли. Аккуратно, без всплеска, просто дать понять, что не только ей может быть интересен четвертый принц.

Утром Аль ворвался в Юлину спальню, запрыгнул на кровать и завопил как оглашенный:

— Выходной! Еш-ш-шь! Мы идем на Землю! Я хочу на качели и мороженое. Очень много мороженого. И ты обещала выставку чудовищ.

Юля со стоном потянулась. Массаж Фильярга творил чудеса. Девушка подозревала, что он применяет к ней исцеляющую магию. И каждый раз во время сеанса в голове мелькала корыстная мысль — какой мужчина пропадает. Золотые руки! Взяла бы не глядя, если бы не долбаная семейка, государство и семь свекровей в нагрузку. Застрелиться.

Домой. Улыбнулась, соскочила с кровати, подхватив Совенка на руки и закружив по комнате. Они едут домой!

Неладное заподозрила, когда увидела следы побелки в лифте. У кого-то ремонт, — подумала, выходя на своем этаже. Звук работающего перфоратора ударил по ушам. Юля неверяще замерла, глядя на дверь, обернутую в полиэтиленовую пленку. Слух не обманывал. Звук рвался именно из-за ее двери.

Достала ключ, однако тот не понадобился. Дверь распахнулась, и навстречу ей подался бугай в синем рабочем комбинезоне.

— Вы кто? — спросил, перекрикивая инструмент. Юля не ответила. Вытянув шею, она разглядывала то, что когда-то было ее родной и такой уютной квартирой.

— Кайлес! — рыкнула. — Я тебя убью.

Мужик в комбинезоне заподозрил неладное, окинул подозрительным взглядом, заметил стоящего рядом Аля — деть подался вперед, с жадным любопытством впитывая подробности — шагнул обратно, скрываясь в квартире. Грохот перфоратора стих, и в коридор вернулись уже двое: знакомый здоровяк и второй — высокий, засушенный, с широкими лапищами.

— Так вы кто будете? Если соседи, то ремонт у нас в будни в рабочее время. Все по закону, — неласково обратился к ним старший в бригаде.

— Я — хозяйка квартиры, — устало объяснила Юля. Планы по отличному выходному стремительно рушились.

Мужики озадаченно переглянулись.

— А разве хозяин не Александр Сергеевич? — уточнил здоровяк.

Господин Калесский точно нарывался на скандал.

— Он мой знакомый, который должен был проследить за квартирой. Я просто не ожидала, что он начнет ремонт так рано. Мы договаривались через месяц.

— А-а-а, — протянул, расслабляясь, мужчина, — это мы его уговорили. У нас заказ сорвался, окно освободилось. Вообще-то, к нас запись за полгода, просто вам повезло.

Угу, повезло. И что теперь делать? Ремонт не отменить, — огорченно размышляла Юля, разглядывая раскуроченную квартиру. Непонятно, что они там собрались делать? У Кайлеса хватит фантазии превратить ее уютную, пусть и старомодную квартиру в современный лофт.

— Простите, у меня телефон разрядился. Вы не могли бы набрать Александра, гм,

Сергеевича.

Через минуту она прижимала к уху чужой телефон. Ответили не сразу. Мужской голос прозвучал столь недовольно, точно она хозяйина из постели в полночь вытащила. А на дворе, между прочим, почти обед.

— Да.

Юля шагнула было на лестничную площадку, но наткнулась на встревожившийся взгляд владельца мобильного. Пришлось остаться в пределах видимости и слышимости.

— Доброго вам дня, Александр Сергеевич, — проглотила рвущиеся следом ругательства. Не при ребенке же.

— Денег нет, кредит не нужен, зубы здоровые, волосы не выпадают, — лениво принялся перечислять Кайлес, демонстрируя отличное знание земного спама.

— А мне вот кажется, зубы у кого-то лишние, — не согласилась Юля. Строители одобряюще переглянулись.

— Юля? — неверяще охнули на том конце.

— Она самая, — подтвердила девушка.

— Юлечка, драгоценная моя, каким пламенем к нам в гости? — завопили в трубке. — Радость-то какая! Ты где, золотце?

С каких пор, интересно, она стала драгоценной для Кайлеса? Еще и на «ты».

— Вообще-то я к себе пришла, а тут... — выразительно замолчала.

— Все для тебя, родная, — подтвердил сволочь, — только, прости, не ждал так рано. Но десять минут, уже одеваюсь, буду у твоего подъезда. Не переживай, сестренка, устрою в лучшем виде. Кстати, ты одна? — насторожилась трубка.

— Кстати, нет, — усмехнулась Юля. Кайлес — это Кайлес. На него невозможно долго злиться. Можно ругаться, обещать себе никогда больше не иметь дела, но встретив, подпасть под обаяние и смириться.

— И кроме Шестого есть кто-то еще? — продолжал допытываться кузен.

Юля бросила взгляд на невозмутимого Фильярга, подпирающего стену у лифта.

— Естественно.

— Ладно, решим, — легкомысленно бросил Кайлес, — жди меня, дорогая, мчусь к вам на крыльях.

Юля вернула телефон, поблагодарила. В двух словах выяснила, что план ремонта утвержден в черновом варианте — собирались расширить кухню за счет кладовки и дверного проема, превратив его в арку, поменять проводку, залить полы и выровнять стены, а остальная отделка ещё обсуждалась.

— Пошли, — девушка потрепала Совенка по голове, — скоро подъедет дядя Кайлес и будет нас развлекать. И кстати, — кинула выразительный взгляд на Фильярга, — первым делом заглянем в магазин.

Кожаные штаны, шелковая рубашка и жилет, конечно, стильно, но слишком привлекает внимание. Кому-то придется примерить джинсы... И она задумалась — уговорить на рваные или пожалеть?

Кайлес появился не через десять минут, а спустя все двадцать, но Юля не расстроилась. Это было так здорово — стоять во дворе, вдыхать запах большого города и ощущать себя дома. В глазах защипало, и она отвернулась, смагивая слезы.

Шестой, забыв про высокий статус, с энтузиазмом осваивал местную горку. За ним с восторгом наблюдала местная малышня, еще не доросшая до детского сада.

Во двор, взвизгивая шинами на поворотах, внесся серо-кремовый Порш, распугав стаю голубей. Изящно втиснулся между припаркованными машинами и замер напротив Юлиного подъезда.

Юля поймала себя на желании засучить рукава, взять в руки что-нибудь тяжелое и настучать Кайлесу по голове. Для вразумления. Нечего чужие квартиры без спроса ремонтировать, даже если очень хочется сделать доброе дело. А мужчина уже выходил из машины, расставив руки и сияя улыбкой счастливого идиота, к которому в гости Мадонна пожаловала.

И Юля плюнула на принципы, потому как соскучилась по здоровому пофигизму кузена. А ещё потому, что Кайлес был тем, кому можно пожаловаться на самодурство принцев и задать давно наболевшие, а после пары бокалов мартини — и самые щекотливые вопросы.

— Юля, как я рад, — ее крепко обняли, потискали. Подхватили на руки радостно взвизгнувшего Совенка, покружили. Бабушки на скамейки одобрительно заулыбались, а Кайлес уже здоровался с ними как со старыми знакомыми. Юля только диву давалась, как быстро этот человек вливался в любое общество. И двух недель не прошло, а он уже свой для обитателей ее подъезда.

— Фильярг, куда без тебя, — беззлобно подтрунил, протянул руку. Четвертый пожал, хоть и не выглядел при этом довольным.

— Ну что, дорогие мои, доверьтесь дяде Кайлесу, он устроит лучший выходной в вашей жизни.

ГЛАВА 8

И они рванули. Сначала в магазин — одеть Фильярга в джинсы, кроссовки, белую футболку и стильный джемпер, отчего его высочество сделался похожим на перекаченного агента родом из Латинской Америки. Проходящие мимо школьницы отреагировали восторженным шепотом: «Вот это мачо».

Алю купили новый конструктор, Совенок неожиданно «заболел» Лего, и Юле захотелось его побаловать. Застряли в спортивном, где долго искали приличные для леди тренировочные костюмы. Под насмешки Кайлеса — старт-ап на выезде — приобрели пару кимоно и несколько костюмов для разных тренировок.

Потом настала очередь Диво-острова с захватывающими аттракционами. День выдался хоть и ветреным, но теплым — начало июня, а рабочие будни позволили гулять по парку, наслаждаясь отсутствием очередей и толп народа.

Кайлес был сами гостеприимство и щедрость. Выдал Юле мобильник, кредитку — и девушка разом ощутила близость списка Forbes к своей персоне. На ночь пообещал устроить у себя «в скромной квартирке, комнат на всех хватит, не переживай».

Фильярг к аттракционам отнесся равнодушно ровно до того момента, пока Юля не затащила его на американские горки. Вышел оттуда слегка побледневшим и с большим уважением к местным развлечениям.

Потом был итальянский ресторан с пастой и пиццей, выставка динозавров, где Аль восторженно вопил:

— Правда, вот тот похож на калкалоса?

И Юля соглашалась — похож.

За компанию завернули в планетарий, который неожиданно пришелся по душе Фильяргу. Его высочество старательно выискивал похожие созвездия, нашел и сделал вывод, что Асмас находится в южном полушарии по отношению к Петербургу.

Полазили по бастионам Петропавловской крепости.

Покатались на кораблике.

Кайлес вел себя раскованно, не стеснялся и приобнять, и за руку подержать. Четвертый мрачнел, кидал убийственные взгляды на кузена, но тот словно их не замечал. Называл «дорогая сестренка», обнимал за плечи, сыпал комплиментами и явно нарывался.

Фильярг устраивать разборки при народе не спешил, но отступать не собирался. Если не получалось оттеснить брата, всегда оказывался рядом.

Юля терпеливо сносила полувоенные маневры, ощущая себя героиней любовного треугольника. Чутье подсказывало — Кайлес развлекается, и мешать ему не хотелось. А Фильярг... Тут все было сложно, и делать какие-либо выводы Юля не спешила, но ловила себя на мысли, что было здорово идти с ним за руку по улице, обсуждать созвездия, лакомиться мороженым или спорить о фортификационном значении Петропавловской крепости. И если позабыть о том, кто рядом с ней, то Четвертого вполне можно было принять за обычного, немного чудаковатого, увлекающегося тасканием железа парня.

Домой вернулись после десяти. Кайлес проживал на Петроградской стороне, и его пятикомнатный пентхауз с видом на Неву вполне мог претендовать на «звездность». Громадный холл с хрустальной люстрой и лестницей на второй этаж. Кухня с выделенной в отдельную зону столовой. Кабинет с моделями парусных судов и столом-монстром из красного дерева. Гостиная с бильярдом, имитацией камина, плазменной панелью во всю стену и барной стойкой. Три спальни. Просторный балкон-веранда с креслом-качалкой и шезлонгами. Было видно, что квартиру обустраивали с любовью, не стесняясь в средствах.

Юля уединилась в кабинете, созвонилась с мамой по ватсапу. И полчаса рассказывала о своей жизни, мешая правду с вымыслом. Передала всем приветы и поздравления. Чаще звонить не обещала, ссылаясь на необходимость разъезжать по стране, подписывая контракты с поставщиками сырья для косметики. В ответ получила благодарность за чудного доктора и заверения, что со здоровьем у мамы все хорошо. Она полна сил и планирует даже устроиться на работу — дома сидеть надоело.

Усталый деть от ужина отказался, помылся, рухнул в кровать и заснул на половине истории про Муфту, Бороду и Полботинка.

Юля поправила одеяло, поцеловала Совенка в лоб, вернулась в гостиную. Мужчины сидели в разных углах, и между ними протянулось напряженное молчание.

При Юлином появлении Кайлес оживился.

— Ну что, дорогие мои, как насчет клуба? Зажжем? Оттянемся по-взрослому? Время детское для Асмаса.

Часы показывали полдвенадцатого. Ноги гудели после обширной экскурсионной программы, но спать не хотелось.

— Почему бы и нет, — пожала плечами. Представила толпу народа, бьющую по нервам музыку, клубы дыма, острые эмоции, запах пота, спиртного и танцы без всяких обязательств и давления короны. Дурная голова была согласна. На все, и даже на стриптиз. Чужой.

— Клуб? — с кресла поднялся хмурый как ненастье Фильярг, мотнул головой: — Это место не для ассары.

Юля сразу ощутила себя принцессой, которую застигли по дороге в свинарник. В душе волной поднялась обида — нормальные у них клубы. Есть элитные, для современных принцесс.

— Нет, так нет, — неожиданно легко согласился Кайлес. Отлип от бильярда, двинулся

на выход, замедлив шаг около брата. Юля ощутила волну тошноты, неожиданно закружилась голова, мир качнулся, она ухватилась за спинку кресла. Моргнула, ошалело наблюдая, как Кайлес аккуратно ловит завалившегося Фильярга, тащит до дивана, укладывает, заботливо подкладывая подушку под голову.

— Ну что, принцесса, — подмигнул, глядя на вытянувшееся лицо Юли, — теперь можно и поговорить. Рассказывай.

— Он тебя убьет, — вздохнула Юля. Тошнота отступила. Похоже, ее чувствительность возросла, и она поймала эхо ментального удара, отправившего в нокаут Четвертого. Надо срочно учиться ставить блоки.

— Не в первый раз, — отмахнулся Кайлес, — но если тебя это беспокоит, постарайся меня удивить.

Юля поморщилась: Кайлес — это Кайлес. Сначала дело, потом разгребание последствий и огребание затрещин. Но взрослый мальчик. Сам разберется. А попробуй она вступить — ещё и обидится за недоверие.

Подошла к бильярдному столу, достала из кармана джинсов маленький пакетик, высыпала на зеленое сукно пять прозрачных камушков. По гладким граням скользнул свет от люстры, и на бильярдном столе заиграли световые блики.

Кайлес встал рядом, хмыкнул, но говорить что-либо не спешил. И это внезапное молчание было столь непохоже на говорливого кузена, что Юля всерьез забеспокоилась.

— Когда я говорил «удивить», — проговорил он наконец, — я имел в виду твои отношения с Четвертым. Но слезы калкалоса... Ты ограбила чью-то сокровищницу?

Значит, Юля была права, подозревая, что камни стоят дорого.

— Это подарок.

— И чей же? — напрягся Кайлес.

— Его величество решил проявить свою щедрость.

Мужчина расслабился. Протянул руку, перебрал камни. Взял один, посмотрел на свет. Выдохнул очарованно.

— Ты чем-то сильно угодила дяде, но ближе к делу. Зачем тебе камни?

Вздохнула, набираясь храбрости. Если Кайлес откажет — придется искать кого-то еще...

— Хочу использовать камни как канал вывода энергии. Ну как призму, которая собирает свет в пучок.

— Призму, — повторил Кайлес, стряхивая очарование, точно серый волк бабушкино платье, и вцепляясь в девушку цепким, изучающим взглядом. У Юли холодок пополз по спине. Глядя на подобравшегося мужчину, можно было не гадать, чьей семье он принадлежит. Идиоты, искренне верящие в его милоту и очарование, вряд ли живут долго. Юля и не сомневалась — этот волкодав, с короткой стрижкой серых волос и даром ментального монстра, убьет, не дрогнув. Истинный сын Асмаса.

— Я слышал о способности камней усиливать ментальную связь, — отвернулся, разрывая зрительный контакт, и Юля перевела дух, стряхивая напряжение.

— Но твоя идея... — щелкнул пальцами, — что-то в ней есть. Надо пробовать.

Задумчиво перебрал камни.

— Аналогичным образом действует мыслевик, но он работает с ментальными волнами. Нам же требуется нечто похожее и в то же время совершенно иное. Артефакт не сработает. Будем вживлять. Согласна?

Юля кивнула. Она давно смирилась с тем, что магический мир берет свою плату за каждую плюшку. Хочешь стать супер-магом — плати.

— Вижу, припекло. Неужели все так плохо с Четвертым? — остро взглянул на нее Кайлес.

— Нет, — помотала головой девушка, — не в этом дело. Просто это все, — прикусила губу, подбирая слова, — не для меня. Да и зависимость ничем не поможет Совенку. Я не смогу передать ему ничего, если только и буду делать, что сдерживать всплески да усыплять дар. Мне надо, понимаешь, очень надо научиться контролю.

Кайлес потер подбородок, задумчиво произнес:

— Вон оно как все повернулось. Занятно. Я, конечно, сволочь, но даже мне жаль Четвертого. Он на тебя всю дорогу пялился точно на десерт. Думал, ещё немного — и сожрет.

Юля вспыхнула, покраснела.

— Я не десерт, — пробурчала.

— Ты, моя дорогая, самое изысканное лакомство сейчас во дворце. Странно, что Третий не оценил.

Юля покраснела ещё больше, отвела взгляд.

— О-ля-ля, — развеселился Кайлес, хлопнув себя по бедру, — наша скромная ассара смогла увлечь сразу двух принцев. Как выбирать-то будешь, принцесса?

— Никак, — разозлилась Юля, — и вообще не твое дело. Лучше помоги с камнями.

— Не вопрос, — согласился кузен, — для начала выберем место.

— Скулы? — предложила девушка, помня об инструкциях калкалоса.

— Не пойдет. Голова хороша для менталистики, огонь любит погорячее. Тебя уже мучат медитациями?

— Каждый день, — погрустнула Юля.

— Ну-ну, не так они и противны. Ты еще оценишь их пользу. Но вернемся к нашему вопросу. Где именно ты ощущаешь тепло?

Юля задумалась. Концентрировалась она на солнечном сплетении, но когда ощущала близость выброса — тепло собиралось внизу живота.

— Вот здесь, — коснулась места чуть ниже пупка.

— Истинная женщина, — расплылся в улыбке Кайлес, — там и будем ставить. Но просто так камни могут и не сработать. Нужен контур. А скажи-ка, драгоценная, как ты относишься к татуировкам? Я тут пару экспериментов ставил. Если напитать линии силой, замкнуть контур, результат получается весьма и весьма... — он оборвал себя на полуслове, точно побоялся выболтать лишнее.

Татуировка? Юля стиснула зубы. Внутри холодком прошелся страх. Это ведь на всю жизнь. Нет, ерунда, — тут же возразила сама себе, — лазером сейчас шлифуют все. А боль... Потерпит.

— Нормально отношусь, — ответила, храбро улыбнувшись, — если это поможет — я согласна.

— Отлично, — потер ладони Кайлес, оглядывая и уже прикидывая масштаб эксперимента, — как знал, что понадобится. Сейчас принесу твою прелесть. В это время в городе работает лишь один мастер, а вход туда не всем смертным открыт. Придется выглядеть на все сто, — и он подмигнул, скрываясь за дверью.

Вернулся быстро, неся в одной руке на плечиках короткое черное платье, в другое —

коробку и пару пакетов.

— Помочь? — спросил с надеждой.

Очень хотелось спросить: «А что мы не только раздевать, но и одевать умеем?». Вот только шаг в запретную область мог дорого обойтись. Там и так Третий с Четвертым топчутся, заставляя сердце неровно биться. С Кайлесом целая толпа будет.

— Справлюсь, — забрала — как пить дать — то самое платье из последней коллекции, прошла в ванную комнату. Быстро освежилась в душе, развернула пакеты. Кайлес явно умел обращаться с женщинами и предусмотрел все: от кружевного секси белья и чулок до сумочки.

Натянула кусочек ткани — столь маленький, что казалось, ничего не прикроет. Нет, прикрыл, и даже грудь спрятал. Огладила мягкий бархат на бедрах. Повезло — последние дни выдались столь насыщенными, что организм избавился от лишних килограммов, и платье село как влитое.

С косметикой не заморачивалась — тушь, немного теней и румяна на скулы. На губы просилась ярко-алая помада, и Юля не стала себе отказывать. Волосы забрала вверх. Надела туфли и, вышагивая на каблуках, двинулась в гостиную.

Кайлес тоже переоделся и в темной шелковой рубашке походил на члена сицилийской мафии.

Прошелся оценивающим взглядом по Юлиному наряду, щелкнул пальцами — ван момент — и жестом фокусника достал из кармана кожаной куртки длинную нить белого жемчуга. Юля могла поклясться — настоящего и безумно дорогого.

Взглядом спросил разрешения, накинул. Отступил.

— Сногшибательно. Круче, чем я себе представлял. Даже жаль, что братец пропускает такое... — и тут же лукаво улыбнулся: — Вру. Мне ни капли не жаль. Сегодня — ты моя, детка. Надо же получить хоть какую-то компенсацию.

— Компенсацию? — вскинула брови Юля. Подошла к бильярду, отделила один камень от пяти. Катнула в сторону мужчины. — Этого хватит?

Кайлес подошел. Осуждающе вздохнул и миролюбиво попросил:

— Расслабься, ассара, я ни на что не претендую. Просто пошалим.

Ну-ну. Пошалим.

Ночной клуб L.U.X. расположился центре Петербурга, на канале Грибоедова, одной стороной смотря в сторону Спаса-на-Крови, второй — в узкий колодец двора. Два этажа, два танцпола, кальянная, приватные кабинеты, бары и караоке. Все, чтобы отвязно отдохнуть, и судя по подъезжающим авто — отдохнуть богато.

Фейс контроль действительно был. Парочка суровых мордovorотов мазнула взглядами по Юле, потеплев при виде Кайлеса и гостеприимно распахнув дверь.

— Идем, золотце. Я договорился, нас ждут.

Они оставили верхнюю одежду в гардеробе, по залитой огнями лестнице поднялись на второй этаж. Кайлес толкнул дверь с надписью «для персонала», за которой оказался служебный коридор. Кузен явно здесь был своим и с попавшимся им навстречу парнем поздоровался как с другом.

— Понравился клуб, вот и вложил немного, — пояснил, заметив недоуменный взгляд Юли.

Без стука вошел в третью по счету комнату. Юля последовала следом, с любопытством разглядывая кушетку, стол с альбомами, стеллаж и здорового лысого мужика, лет эдак за

пятьдесят, сидящего за столом. Майка, прозванная в народе алкоголичка, не скрывала накаченных плеч, сплошняком украшенных сложным узором тату.

— Хайль, Шторм. Как жизнь?

— И тебе не хворать, Шурик, — оторвался от мобильника мужик. Глянул на Юлю. Профессионально прищурился.

— Дамочка ко мне или с тобой?

— Оба варианта, Шторм, — ухмыльнулся Кайлес и пояснил: — Нам нужно что-то небольшое и аккуратное. Вот сюда, — он по-хозяйски положил ладонь Юле на живот. Девушка недовольно зашипела, отстранилась и была удостоена удивленного взгляда от Шторма.

— Интересный экземпляр, — протянул, — впервые вижу кого-то, кто не пал жертвой твоего обаяния.

— Это девушка моего брата, — слегка уязвлено пояснил Кайлес, и Шторм недоверчиво покачал головой, потом махнул в сторону кушетки: — Располагайтесь. А ты подожди в зале. Мы тут сами договоримся.

— Наркоз будешь? — спросил Шторм, которого на самом деле звали Андрей. «Но Шторм звучит круче, так что сама выбирай, как звать».

Юля с сомнением глянула на протянутый ей стакан. Внутри предвкушающе задрожали нервы, рука потянулась к спиртному. Суровая жесть последних дней вылилась в дикое желание выпить. И студия тату, где она лежала на кушетке с задранной до груди платком в компании со здоровяком, казалась самым правильным для этого местом.

А последствия... Пусть идут лесом. И слабо вякнувшая совесть ей не указ. Сама разберется, не маленькая.

— Я смотрю, ты, девка, огонь, — одобрительно заметил мастер, когда она залпом осушила полстакана виски. Задохнулась от перехватившего горло лавового потока, с благодарностью запила подсунутым под руку соком. Выдохнула, вытирая слезы. Знал бы Андрей, какой она на самом деле огонь, на порог не пустил.

— Вырубаться начнешь или мутить, — верно оценил он ее габариты, неумение пить и объем влитого, — скажи. А теперь лежать и не дергаться. Стонать и ругаться можно.

— А ещё налить можно? — спросила, облизывая запекшиеся губы.

Через пару часов, чуть пошатываясь на каблуках — спиртное все ещё гонялось по крови, она спустилась в зал. Веселье было в самом разгаре. Симпатичные девчонки зажигали на пилонах. Парни одобрительно отпускали комплименты. На танцполе тоже было жарко. Сквозь туман мелькали отдельно подсвеченные части тел, и со стороны казалось, что она попала внутрь бескровной расчлененки.

Грохотало. Диджей завернул крутой ударный ритм, и каблуки сами начали притоптывать в такт. Кожу на животе саднило. В желудке булькали остатки виски. В голове стоял туман. На душе царил приятный пофигизм. Было ощущение от хорошо выполненной тяжелой работы. А что нужно отработавшему человеку? Правильно — отдохнуть. И она шагнула на танцпол.

Тело ушло в отрыв. В голове царил зажигательный ритм. Было суперски танцевать в плотной толпе. Не оглядываться. Не переживать за этикет. Не бояться совершить ошибку. Самые отвязные движения — и никто не ужаснется, не накажет.

Как здорово было снова стать одной из многих. Рядом оттягивались такие же фанаты пятничного отжига. Ее включили в чей-то круг. Парни бросали одобрительные взгляды,

обещая продолжить знакомство.

А ещё показалось, что внутреннее пламя стало ближе. Она словно примирилась с ним. Свыклась. Позволила стать частью себя. Подняла руки вверх, и на кончиках пальцев запекло. Внутри царил уверенность, что сейчас она сможет переместить пламя куда угодно. И так захотелось попробовать... До нестерпимого зуда.

Внезапно ее толкнули, боком налетела на чью-то спину. Там сориентировались быстро — подхватили, развернули и удивленно охнули.

— Юля?

Моргнула, сосредоточиваясь на мутном лице Кайлеса. За мужчиной справа и слева возникли одинаково хорошенькие блондиночки: явно сестры и явно недовольные ее появлением.

Дернулась, пытаюсь освободиться. Куда там. Мужчина только сильнее сжал в объятиях. Приблизил лицо. Принюхался.

— Жыргхвова задница, — выругался, — просил не наливать. Так время позднее. Пора домой и спатки.

— Не, — мотнула головой Юля, — не хочу.

Она только достигла того уровня сознания, когда внутренний мир сливается с внешним. Когда все проблемы тонут, погребенные в музыке, а узел напряжения сменяется блаженным расслабоном.

— Милый, — капризно дернули Кайлеса за рукав. Мужчина, не выпуская Юлю, повернул голову и приказал:

— Исчезли. Обе.

Девушка поджала перекаченные губки, но спорить не стала. Буркнула «Мудак» и удалилась с видом поверженной, но не сдавшейся королевы.

А Юле вдруг захотелось похвастаться достигнутым уровнем владения силой.

— Смотри, как круто, — высвободила правую руку, щелкнула пальцами — в такт музыке, по ладони потрясаясь красиво побегал желто-красный огонек, достиг кончиков пальцев, устремляясь отделиться и всплыть вверх.

— Твою же...

Огонек прихлопнули. Ладонь накрыли неожиданно холодной рукой, и на коже выступил иней.

Рвавшееся наружу пламя стыдливо отступило. Юля вытащила из захвата замороженную конечность. Потерла о платье. Было обидно. Алкоголь срывал барьеры, и внутри сейчас командовала маленькая девочка, которой очень хотелось всего сразу: танцев, мороженого, целоваться, клубничного коктейля, порадовать танцпол ма-а-аленьким файербольчиком и много-много веселья.

— Так, ассара, — помрачневший, едва сдерживающий ругательства Кайлес поймал ее лицо за подбородок, обхватил ладонями, приблизил к себе, — мы сейчас идем домой, и ты обещаешь себя вести хорошо, договорились? И умоляю, никаких поджогов. Мы же не хотим получить по попе от пожарных? Поверь, у них очень тяжелая рука. А дома сможем повеселиться, обещаю, малышка, — и улыбнулся, ловя в плен своей неотразимой улыбки.

Уже в машине Юлю потянуло спать. Проснулась от того, что ее взяли на руки и куда-то понесли. Дернулась, но ее лишь крепче прижали к груди.

— Когда в следующий раз я предложу тебе выпить, — недовольно произнес Кайлес, укладывая свою ношу на бильярдный стол, — значит, я растерял последние мозги.

Юля не возражала. Она все еще балансировала между замутненной алкоголем реальностью и сном. И даже не сразу поняла, что платье на ней ползет вверх, а над обнаженной кожей склоняется хищно улыбнувшийся мужчина. Ведет пальцем, очерчивая узор свежей татуировки, и вместе с ним по коже распространяется приятная прохлада, гася болевые ощущения.

— Цветочек, значит. С шипами, — криво усмехнулся, оттягивая вниз полоску белья. Юля дернулась, но Кайлес успокаивающе положил руку на живот.

— Тише. Ты сама этого хотела. Не будем терять время. Приступим, — и взял в руку первый камушек.

Возможно, сыграл роль алкоголь или заморозка от Кайлеса, но больно не было.

Кузен творил с вдохновенным лицом, запретив смотреть. Юля подчинилась и лежала, прислушиваясь к ощущению скользящих по коже пальцев, к прохладным прикосновениям камней, сменявшихся горячим жжением, к распространявшемуся по телу теплу.

— Ты, наверное, многое не понимаешь, — проговорил мужчина, отступая и оглядывая первый вживленный камень, — а мои братцы не спешат просвещать. Спорю, они еще и контакты ограничили, чтобы раньше времени ничего не узнала?

Юля кивнула. Посадили под колпак. Каждый кусочек информации с боем.

— И даже догадываюсь, что именно тебе хочется узнать... Кстати, кто из матерей почтил тебя визитом?

— Седьмая и... — поморщилась, — Пятая.

— Седьмая — не удивлен, а что с Пятой? Какого пламени ей от тебя понадобилось?

— Хотела показать, кто главный.

— И показала? — заинтересовался Кайлес. Примерил камень к тату.

— В коме, — призналась девушка. Скрывать смысла не было — все равно узнает.

— Не понял, — нахмурился кузен, вертя в пальцах второй камень, — у Пятой высокий уровень, ты, прости, с ней не сравнишься.

Она, может, и не сравнится, да вот конкурентов у темного пламени нет. Поколебалась — рассказывать или нет, но решила поставить на откровенность.

— Удивила, — признался Кайлес, выслушав. Задумчиво постучал пальцем по подбородку, — темное пламя... Кто бы мог подумать. Уверен, Альгард ещё утрет всем нос и станет королем. Вот увидишь, — воскликнул запальчиво, заметив скептический взгляд девушки, — я буду прав.

Юля хотела и одновременно боялась такой судьбы для Совенка.

— Что там с покровительством? — сменила тему.

— М-м-м, — протянул Кайлес, прикладывая камень и прикрывая глаза. Юля зашипела, выдохнула — жжение прошло, оставив после себя больное тепло. Терпимо.

— Покровительство, — проговорил, тяня кота за хвост. Юля аж извелась, — братцы решили, что ты согласишься и так. Без подробностей. Посмотрели на твой мир. Сочли женщин доступными и готовыми на отношения и очень удивились, получив отпор.

Юля фыркнула. Отпор... Она едва устояла и, признаться честно, боролась больше с собой, чем с братьями.

— Но ваши женщины, как вода — с виду мягкие и податливые, а надави — станут твердыми, как камень. А уж ваше стремление к свободе и независимости, — Кайлес тяжело вздохнул о чем-то своем. Взял в руки третий камень.

— Помнишь, я говорил, наши женщины связаны? Не могут жить без опеки? Всему

виной магия. Без магической совместимости пара не может быть вместе.

Третий камень застрял между пальцев, взгляд мужчины устремился в прошлое. Меж бровей залегла складка, лицо закаменело. У него явно были свои счеты к «совместимости», и Юля впервые задумалась о том, почему кузен удрал в ее мир. Только ли потому, что был «белой вороной» в семье?

— И как проходит проверка на совместимость?

Кайлес очнулся, приложил камень к узору, скривился, передвинул выше.

— Раньше ее проводили служители Девятиликого, пока не выяснилось, что их проверка не дает стопроцентной гарантии, а разводы у нас до сих пор не в почете. Так что мои сограждане решают все сами. Должен предупредить — это не афишируется. Если спросишь, все будут кивать на служителей, но на самом деле их проверка — формальность перед свадьбой, когда связь уже сформировалась.

— О чем ты? — хмуро спросила Юля.

— О том, что мой с виду правильный мир, — криво усмехнулся, — на самом деле гораздо развратнее твоего. У нас женщина ложится в постель к мужчине, чтобы проверить, сможет ли его магия удержать ее силу в узде. И только после этого мужчина получает разрешение начать ухаживание и заикаться о помолвке. У вас — все наоборот.

— Вот как, — проговорила, стискивая зубы. Теперь все стало на свои места. Сначала секс, а потом романтика. Занятный расклад. Так вот чего добивался Четвертый — проверить, сможет ли она стать ему, м-м-м, пусть будет невестой.

— Вот так, — отозвался Кайлес, беря в руки четвертый камень, — и не злись на Четвертого. С ним сыграли дурную шутку традиции родного мира. Тяжело начать действовать иначе, чем тебе вбивали в голову. Тебе надо было прийти ко мне. Я бы начал с конфетного периода, сестренка, — подмигнул Кайлес, и девушка выдохнула — камень жаром опалил кожу.

— А что со связью? — спросила, отдышавшись.

— При идеальной совместимости энергия мужчины и женщины образует устойчивую связь. Действует как наркотик. Пройдет любовь, а друг без друга все равно не могут. Связь формируется не с первого раза, но довольно быстро. Так что, если не уверена, не спи. Иначе не успеешь оглянуться, как станешь истинной женщиной Асмаса.

И вольешься в ряды местного птичника.

Пятый камень занял свое место. Кайлес отступил, оценивая. Одобрительно кивнул. Потом на его лице появилось новое выражение. Взгляд, устремленный на тату, потемнел. Пальцы прошлись по коже, очерчивая границу белья, поднялись выше. Мужчина резко наклонился, и Юля ощутила горячее дыхание на коже. Дернулась.

— Офигительно смотрится, — проговорил, поднимаясь. Облизнул губы. Юля приподнялась, но Кайлес прикрыл тату ладонью. Желтые глаза полыхнули янтарем.

— Я тут подумал, — понизил голос до проникновенного шепота, — мы через столько вместе прошли. Почти родными стали. Разделишь со мной эту ночь, ассара? Обещаю, тебе понравится.

— Сменить покровителя? — вздернула брови.

— Нет, милая, без покровительства и магии. Ты и я.

Грубо говоря — секс без обязательств. И пусть на утро будет стыдно, зато ночью хорошо.

А мужские пальцы уже чертили узор страсти на коже, опалая, посылая искры

удовольствия под кожу. Юля стиснула зубы, напоминая себе, что она — кремень и просто секс ее никогда не интересовал.

Но Кайлес уже поймал тень сомнения на лице. Предвкушающе улыбнулся и пообещал:
— Не надейся, не отпущу.

ГЛАВА 9

Внезапно дернулся, прошептал: «Зараза» — и пропал из виду, а следом раздался звук упавшего на пол тела, но Юле было не до того. Статуей возмездия на его месте стоял Фильярг. Желтые глаза покраснели, напомнив цветом кровавую луну. Грудь часто вздымалась, во взгляде наблюдался полный неадекват, проглядывало что-то пугающе темное. А она тут... с задранной до груди платьем, в чулках и приспущенных до самого интереса трусиках. Бери — не хочу.

Попыталась отползти — жить-то хочется, но мужчина рыкнул, ожег голодным взглядом, положил ладони на колени, сжал, пригвождая. Юля обреченно замерла, понимая, что бегство лишь спровоцирует. И непонятно, что именно вывело его высочество из душевного равновесия, столкнув по эволюционной лестнице вниз. Тату или кузен?

Кстати, как он там? От мысли, что под ногами валяется остывающий труп, стало нехорошо.

— Он жив? — спросила, пытаясь приподняться и заглянуть через край стола.

Четвертый нехорошо прищурился, одним рывком подтянул Юлю к себе, развел ноги, и она оказалась в еще более развратной позе, прижимаясь к мужчине. Тонкая ткань белья — плохая преграда. Страх остро смешался с возбуждением.

Пальцы до синяков сдавили кожу. Ладонь легла на горло, сжимая.

— Беспокоишься? Предпочла этого... — выплюнул Четвертый. Красивое лицо исказила мучительная гримаса ревности, и в Юлиной голове всплыло бессмертное «Молилась ли ты на ночь, Дездемона?». И не объяснишь, что все не так. Точнее, так, но не случилось. Кислород опять же тратить жаль — его старательно перекрывали.

Фильярг приблизился, прошелся носом по шее, вдыхая ее запах. Застонал. Отпустил горло, чтобы крепче обхватить за бедра, вдавить в себя. Она прижалась лицом к его рубашке, чувствуя, как бешено колотится сердце. Как в ответ начинает колотиться собственное. Четвертый сейчас ощущался замершим цунами — напряжение сковало мышцы, он явно сдерживался, чтобы не поддаться эмоциям и не свернуть ей шею. И это ощущение пьянило не хуже вина, срывая последние плотины стойкости.

— Не отдам, — выдохнул в макушку, — никому не отдам.

Обхватил за шею, задирая голову и впиваясь в губы голодным поцелуем. Жесткий поцелуй мстил, обжигая болью, и Юля задыхалась под его напором. Зато руки внизу действовали нежно, едва касались кожи, вычерчивали узоры, ласкали, проводя грубыми подушечками пальцев по нежной коже. И этот контраст был столь острым, что Юля не выдержала, застонала. Выгнулась, прижимаясь сама и желая большего. Делая выбор. Забывая наставления кузена и собственные установки. Кладя ладони на мощные плечи. Доверяя.

Внутри горело настоящее пламя, и этот пожар срочно требовалось потушить.

Четвертый отстранился. Провел пальцем по припухшим губам. Испытующе заглянул в глаза.

— Разделишь со мною пламя?

Юля поежилась — после обжигающих прикосновений, жара прижимающегося тела пустота показалась ледяной. И сейчас она готова была разделить с его высочеством не

только пламя, но и постель. Собственно, именно постель и собиралась. Желательно без костров.

— Или выбираешь его? — презрительно кивнул вниз. Если ей предлагали выбор, значит кузен жив. Вряд ли Фильярг стал подсовывать труп.

Облизала истерзанные губы. Что не так с этими аристократами?! Неужели не видно, что девушка согласна? И если некоторые продолжают тупить... Она либо передумает, либо в гостиной все-таки появится труп.

Приподнялась, сама прижимаясь к губам. И Фильярг не стал больше спрашивать. Подхватил, не разрывая поцелуй, поднял и понес в спальню, чтобы там раздеть, зацеловать, измучить ласками, окутать нежностью и потом с ошеломляющим напором довести до пика наслаждения.

После бурной ночи сны были не менее бурными.

Ей снился Питер, улыбающийся Кайлес, камни на его ладони были почему-то красными.

Совенок в окружении рваных теней, выпускающий круг за кругом темное пламя.

Сияющий огнями ночной клуб, над входом в который красовалась крупная, привлекающая внимание надпись: «Огненным магам вход строго воспрещен». И строгие секьюрити у дверей, очень напоминающие по виду безмолвных.

Ревущая стена пламени, в центре которой медленно проявился рот, а прерывистый голос напомним звук стреляющего в костре полена. «Мы ждем, ассара», — весомо треснуло пламя. Хотело добавить что-то еще, но тут Юля проснулась.

Выдохнула, прогоняя влажное оцепенение кошмара. Туман в голове постепенно рассеялся, и прошлая ночь предстала во всех подробностях. Девушка застонала. «Молодец, ассара. Напилась. Переспала. Спровоцировала братьев. Одно радует», — коснулась ладонью живота, проверяя, на месте ли камни.

Открыла глаза, огляделась — спальня явно не ее с Совенком. Она одна. Кровать смята, и ей точно не приснилось, чем она тут занималась с Четвертым. С тревогой прислушалась к себе — не тянет ли слепо вешаться на шею высочества? Нет, не тянуло. Мозги отрапортовали, что кроме вчерашнего помешательства — а нечего было столько пить, хозяйка, — иных косяков за собой не наблюдают.

Юля перевела дух, выскользнула из кровати, открыла шкаф — впечатлилась коллекцией мужских рубашек, выбрала черную — и отправилась в душ.

Перед зеркалом полюбовалась на следы бурной ночи по всему телу, на темные круги и осыпавшуюся тушь — «красотка». Остро пожалела, что не захватила с собой ни одного шарфика. Сейчас бы арафатку, а ещё лучше паранджу.

Огладила тату. Вышло потрясающе — мастер закрасил половину лепестков розы алым, половину черным. И на черных капельками росы блестели вживленные в кожу камни. Да и сами линии стали четче. Склонила голову — показалось, что кончик листа дрогнул? Мотнула головой, отгоняя глюк.

На цыпочках прокралась к себе. Переделась и, обретя душевное равновесие, в широченной футболке и объемных штанах, скрывающих всякие там выпуклости, с убранными в хвост волосами, отправилась на поиски выживших.

Проверила Совенка — деть в гостиной под мультик увлеченно собирал новый конструктор. Радостно отрапортовал, что накормлен и готов выдвигаться домой. Юля умилилась, потискала, поцеловала в макушку, отправила собирать вещи, а сама выдвинулась

к арене боевых действий.

Обе стороны обнаружили на кухне. Сидели друг напротив друга, выстроив между собой баррикаду из чашек. Судя по количеству — заливались не меньше пары часов. Судя по настрою — собирались продолжать до первого выбывшего.

Юля замерла. Входить в сгущенную ненавистью атмосферу кухни было боязно. Еще шибанет искрой...

Но оба уже почуяли ее присутствие, синхронно повернули голову, одинаково прищурились... Разница была лишь в том, что правый глаз кузена почти не открывался, заплывая багровым синяком, а на скуле Фильярга красовалась свежая ссадина.

Юля прошлась взглядом по кухне, отмечая новые детали интерьера. Валяющуюся на полу картину. Выбоину на стене. Сломанный стул. Выдернутый и запихнутый заново в кадку фикус. Интересно, эти деятели догадались поставить завесу тишины? Или им ждать ОМОН и гости?

— Доброе утро, — откашлялась, ощущая стойкое желание пойти и проверить — как там ОМОН. Любое место сейчас казалось безопаснее, чем здесь.

Мужчины синхронно кивнули, развернулись друг к другу, точно боялись упустить из вида. Юля могла поклясться, что воздух между ними дрожит от ненависти. Приближаться не хотелось. Быть миротворцем — тем более. Это как войти в клетку к тиграм и уговаривать хищников, что драться за мясо не стоит. Они сами ее на это мясо порвут.

— Так, — хлопнула по столу, привлекая внимание. Сплотнула, ощутив себя под прицелами трех глаз. Четвертый у Кайлеса продолжал опухать. Запнулась, понимая, что проповедь о братских чувствах будет лишней. Да и любые слова здесь не помогут. Еще бы понять, из-за чего именно они сцепились...

— А... налью-ка я себе кофе, — шагнула к машине, нервно нажимая на первую попавшуюся кнопку. Машина зашумела, и Юля с наслаждением вдохнула аромат свежемолотого кофе. Плевать. Пусть дерутся. Она не голубой берет.

— Если ты из-за тату, — проговорила, кляня свой длинный язык, — то зря. Это была моя идея, как и камни калкалоса. Кайлес лишь согласился выполнить просьбу. И все остальное — тоже мое дело. Пусть ты и покровитель, но я — не ваши дамочки. И вмешиваться в мою личную жизнь не позволю.

За спиной шумно выдохнули. Зашипели. С вымораживающим хрустом приказала жить чашка. Юля обернулась. Вздрогнула, встретив темный от бешенства взгляд. Рядом строил умоляющие рожи Кайлес, пантомимой изображая отделение головы от туловища.

— Я правильно понял? — выдохнул его высочество, стискивая ладони. — Прошлая ночь для тебя ничего не значит? Ты хочешь продолжать наслаждаться своей, — выплюнул, — личной жизнью?

Ничего такого, о чем сейчас намекал Четвертый, она делать не собиралась. Как и собирать коллекцию из любовников. Всего лишь хотела защитить Кайлеса. Но если кто-то ставит вопрос ребром, ответные меры будут... равнозначными.

Знала ведь, что не стоит переводить отношения в горизонт. После близости не получится отстраненно реагировать на оскорбления. Резкое слово станет ножом в сердце, и она будет переживать по малейшему поводу, потому что вчерашняя ночь... была лучшей в ее жизни. Даже бывшего ни разу не вспомнила, так голову задурил паразит.

Вдох-выдох. Стереть беззвучно открывающегося рот Кайлеса, который уже перешел на удушение. Раньше надо было думать, когда договор в руки пихал и уговаривал на работу. Или

выкладывать сразу подробности, чтобы знала, к чему готовиться.

— Я буду наслаждаться тем, что захочу. Ты мне не указ.

Гордо вздернула подбородок — русские не сдаются. Фильярг шагнул, навис, взгляделся, ища в глазах что-то помимо упрямства. Мотнул головой, вышел из кухни, хлопнув дверью. Штукатурка треснула, но выдержала.

Юля пожалала плечами — плевать. Пусть бесится, если хочется. Подумаешь... принц. Да, принц, но это не повод командовать ассарой. Хорошо, формально он ее начальство. Вот и пусть начальствует исключительно по рабочим вопросам. Она же не указывает ему, как управлять государством.

Вернулась к кофемашине. Забрала чашку. Ладони замерзли, и она, зябко ежась, обхватила теплые бока, греясь. На душе было муторно.

— Я не стану тебе ничего говорить, — тоном проснувшейся совести сказал Кайлес — да и говорить бесполезно. Просто задумайся — ты злишься, но пламя молчит. Ты ведь не чувствуешь сейчас огонь, я прав?

Юля прислушалась к себе. Она не злилась, нет, она была в бешенстве — тут кузен был прав, как и в том, что пламя в этот раз не поддержало ее гнев. Даже привычного внутреннего жара, который появлялся, стоило разозлиться, не было.

— Камни сработали? — спросила с надеждой, уже зная ответ. И вот ведь поганец — она его защищала, можно сказать, с риском для жизни, а он... занял сторону брата. Сволочь!

— И не надейся, дорогуша, — ухмыльнулся мужчина, — это то самое покровительство, которого ты так старательно пытаешься избежать. Взвесь все и оцени удобство. Ты, наверное, думаешь, тебе навязывают сексуальное рабство? Чушь. Никто не заставляет ложиться в постель с тем, кто тебе не нравится. А дальше все как у вас... Брак, детишки и стабильная семейная жизнь. А что касается рабства... Тут с точностью до наоборот. Покровительство дает свободу. Свободу злиться, радоваться, закатывать истерику без страха сжечь все к жырghxовой бабушке. Подумай об этом. Гордость вредна, когда превращается в гордыню.

Шагнул было к выходу, но остановился, услышав тихое:

— Мне одного жаль.

Обернулся, терпеливо ожидая продолжения.

Юля разглядывала кофе — черный, как живущая в груди тоска, горький, как обида.

Стоит ли продолжать дискутировать? Лисе предлагали теплый уютный дом с ежевечерней курочкой и сладким почесыванием за ушком. Советовали забыть холодную дикость, стук дождя по листьям, страсть охоты и бег по траве.

Вечный выбор... Это не было рабством, но было ли это свободой? Что потребует Четвертый за свои отношения? Чем заставит заплатить? Станет ли терпеть ее иномирность? Уважать привычки? Идти навстречу?

Что она готова дать взамен? Поставить крест на своем возвращении домой? Принять чужой мир? Перестать искать свое место и стать тенью Четвертого?

Ее дети никогда не поймут Смешариков. Станут смотреть «Ну погоди» как чужую экзотику, а Змея Горыныча называть калкалосом. Будут понимать русский через мыслевик. Им не будет интересна «Гостья из будущего», и школа у них будет своя... А мир матери станет сборищем слабаков и фриков, потому как там нет огненных магов.

Да и готова ли она стать Первой женой, если Фильярг получит корону? Ох...

Прикусила губу, опуская голову. Сейчас, когда сердцем владел этот несносный

мужчина, да. Но через год? Два? Не пожалее ли?

— Жаль, я не умею варить кофе в турке, а взять машину с собой не получится. Она там все равно не будет работать.

Кайлес вздернул брови, взъерошил волосы и фыркнул:

— Веревки из меня вьешь, женщина.

Стадил с пальца ставший видимым в этот момент массивный перстень, покрутил в сомнениях, потом махнул рукой:

— Пользуйся. Он откроет доступ в мою личную лабораторию. Во дворце попросишь — проводят. Только, умоляю, ничего там не трогай. Кофемашину тоже. Она контуром запитана. Единственный в своем роде экземпляр. Пачки с зерном сейчас приготовлю, потом ещё переешу. Молоко бери на южной кухне, там оно вкуснее. И Юля, — пожевал губу, — я понимаю, тебе не просто привыкнуть, но Четвертый неплохой парень. Порой излишне горяч и прямолинеен, но ты и сама это видишь. Зато в обиду никому не даст.

И наконец ушел.

Собиралась торопливо. В груди жило странное чувство чуждости родного мира. Словно она стала здесь гостьей. За окном не хватало вида на горы. Глаз не находил привычных узоров с вальшгасом. Да и без невидимок ощущалась пустота, точно без бронезилета на перестрелку вышла.

Еще раз поговорила с мамой, обещав позвонить через неделю. Проверила собранные Совенком вещи. Обговорила с Кайлесом ремонт и выбрала пару вариантов интерьеров. Стрясла клятвенное обещание, что за ремонт тот вычтет деньги из ее зарплаты.

С Фильяргом под насмешливые взгляды кузена они хранили настороженно-вежливый нейтралитет. Юля подумывала, не перейти ли на «вы», но решила — перебор. Четвертый даже стоять старался подальше, не то что прикасаться. Зато его взгляды обжигали живым пламенем, и в них явственно читалось обещание призвать к ответу. И вообще его высочество очень живо напоминал злого филина, которого беспардонно лишили пойманной мыши. Юля ежилась, нервничала, вспоминала дворцовые подвалы с пыточными, но сдавать позиции не собиралась.

Аль к следам потасовки на лицах мужчин отнесся ровно. Уважительно ухнул при виде синяка на лице Кайлеса, но лезть с расспросами не стал — видно, не впервой наблюдать подобное. Конечно, мир силы без потасовок — как рыцарь без доспехов.

Юля, наклонившись, тихонько поинтересовалась, почему не залечивают ссадины. Оказалось, нельзя. Следы поединка священны и должны пройти сами. На взгляд Юли поединок на кухне больше смахивал на банальную потасовку, за которую в УК предусмотрена административка, но мужчины любят приплюсовывать себе лишний уровень.

Кайлес сыпал шутками точно Камеди Клаб, которому перепал двойной гонорар. Однако даже его чувство юмора не могло разбить холодок напряжения между Юлей и Четвертым. Уже стоя перед порталом, он решился на последнюю провокацию, но Фильярг ловко убрал Юлю с траектории, подсунув младшего брата. Кайлес несколько разочарованно потискал Альгара, бросил красноречивый взгляд на девушку и попрощался до следующего выходного.

Дворец встретил отдохнувшими и вдохновленными на трудовые подвиги наставниками. Их не умилостивили даже подарки с Земли. Пришлось подчиниться, быстро переодеться и отправляться на занятия.

Уроки шли до позднего вечера, на медитацию времени не осталось, как и сил потренироваться с камнями, но уложив Совенка в кровать, Юля села в позу лотоса.

Поставила перед собой стеклянный куб. Сосредоточилась на солнечном сплетении.

Сила отзывалась неохотно, словно вымоталась не меньше хозяйки. И опять эта неуловимая точка тепла, ускользающая от внимания и не желающая переходить вовне. Не помогала и попытка сосредоточиться на камнях. Те нагревались, но и только.

Юля потеряла виски. С раздражением подумала, что местные методы не для нее. Надо менять подход. Что ей близко? Компьютер, мобильник, световой меч. Пальцы для нее вообще все — ими и мышку нажимать, и по клавише кнопать, и мобильником управлять. Сплошное приложение силы мысли.

А если попробовать перевести силу на кончики пальцев, не пытаясь выкачать из центра? Получилось же в клубе?

Сила послушно уходила в руки и... застревала на пальцах. Те начинали гореть, точно опущенные в кипяток, но и только. Стелянный куб издевательски поблескивал, демонстрируя пустоту и нежелание наполняться без стимула.

Юля скривилась, потеряла зудевшие подушечки о платье, размышляя, где бы найти стимулирующее, раз без алкоголя ничего не выходит. Был же у китайцев пьяный мастер, а она станет первым пьяным магом у местных.

Прислушалась. Показалось, что внизу что-то звякнуло. Страх тут же плеснул ведро ледяной воды за шиворот. В голове закрутились мысли о наемных убийцах, пробравшихся в покой.

Сняла блок, убедилась, что с Совенком все хорошо, успокоено выдохнула. Но проверить, кто там шарится в ночи, не помешает.

Встала. Тихонько приоткрыла дверь. На цыпочках, держа в руке лампу с прикроватной тумбочки, спустилась вниз.

Гостиная «порадовала» толпой народа — все в знакомых темных костюмах. Шестеро сидели друг напротив друга на диванах, трое подпирали спинами дальнюю стену. По ней мазнули взглядами, но особого внимания не проявили.

Гостей Юля насчитала без малого девять. Многовато для охраны, но высочеством виднее.

— Господа безмолвные, нельзя ли потише, вы мне ребенка разбудите, — вежливо попросила, стоя на последней ступени лестницы.

Мужчины оцепенели. Если бы в гостиной разорвалась граната, реакция и то была бы не столь яркой.

— Вы нас видите? — осторожно уточнил ближайший к ней мужчина. Судя по седине в волосах — старший в тройке. Безмолвные медленно встали с диванов, тройка у стены заинтересованно отлипла, шагнула ближе. Юля очутилась в перекрестье взглядов.

— А не должна? — удивилась девушка и призналась: — Я думала, вы ночью щиты снимаете, чтобы силы не тратить. Все равно здесь темно и никого нет.

Безмолвные настороженно переглянулись.

— Вы что-то принимали, госпожа ассара? — ещё один уточняющий вопрос. Юля вспомнила виски, покраснела и тут же отмела крамольную мысль. Если бы все было так просто, кузен давно бы подчинил себе этот мир.

— Нет.

— Тогда я не понимаю, — и все девять принялись разглядывать ее точно экзотическую бабочку под микроскопом.

Чувствовать себя препарированной бабочкой было неудобно, и Юля попыталась отвлечь

товарищей от своей уникальности — еще на опыты потащат.

— Вы ведь по трое работаете? Так по какой причине сегодня кубическая избыточность?

Мужчины недоуменно нахмурились. Нет, понятное дело — ночь, спать надо, а не дежурить. Мозги от недосыпа опять же плохо работают. Надо заканчивать с намеками, — решила Юля, а то они до утра ни к чему не придут.

— На Четвертого кто из вас работает?

Безмолвные замерли. Они и раньше-то не очень разговорчивыми были, а сейчас и вовсе онемели. До Юли начало доходить, что вопрос был... не слишком корректным. И, скорее всего, она жестко палит контору.

— Допустим мы, — первым отмер седовласый. Обвел рукой стоящих рядом товарищей. Юля кивнула.

— А вы, — повернулась к тройке напротив, — так понимаю, на Третьего?

Высокий мужчина, чьи серые волосы слегка отливали фиолетовым, неодобрительно сверкнул глазами, но голову склонил, соглашаясь.

— Разобрались, — сладко улыбнулась, и напряженно замершая у стены тройка расслабилась. Зря.

— Третий, Четвертый, — ткнула пальцем в безмолвных Юля, хотела было добавить «По порядку рассчитайсь», но тогда точно до утра объяснять. Повела рукой в сторону ещё одной тройки и строгим тоном спросила: — А вы чьих будете?

К тому, что последует за этим, она была не готова. Одна секунда — и мир закрылся широкими спинами, воздух нагрелся, точно они всей толпой в сауну ввалились. Что-то зашипело, мелькнуло сетчатым светом. Темнота разом исчезла от дружно вспыхнувших световиков, и в воздухе запахло заварушкой.

— Стоять! — гаркнула. Не прониклись. Даже не обернулись. Тогда Юля мстительно сказала спинам:

— Их там все равно уже нет.

Осознали. Обернулись вопросительно. Юля поставила лампу на ступеньку, шагнула к безмолвным, попыталась обойти — не пустили. Черной стеной сдвинулись, перекрывая проход.

— Хорошо, — скрипнула зубами, — попробуем по-другому. Вы сейчас черную кошку в темноте ловите.

— Госпожа, кошки не бывают черными, — подал голос молоденький безмолвный.

Какими бывают местные кошки, Юля не знала. Но парень прав — пора отвыкать от земных идиом. Как объяснял ей принцип работы мыслевика Кайлес, камень подбирал самые похожие понятия, ориентируясь на мыслеобразы. И если со столом и стулом все просто, то с животными сложнее. Потому калкалос, а не дракон.

— Короче, вы их можете до старости ловить.

Оскорбились. Молодняк губы поджал и глазками засверкал, более опытные товарищи ограничились укоризненными вздохами.

— Не надо нас ловить, — раздался голос за Юлиной спиной. Именно туда, на лестницу, переместилась чужая тройка с началом заварушки. Не просто переместилась, а на пальцах изобразила девушке цифру два и для гарантии походку с высокомерной мордой высочества. Второй вышел столь узнаваемо, что Юле сразу вспомнились угрозы забрать младшей женой.

На звук раздавшегося голоса щиты снова засверкали. Они были похожи на мыльные пузыри, и гостиная стала напоминать мыльное шоу. Только если не вмешаться, шоу станет

кровоавым.

— Я начала считать с трех, а надо было с двух, — произнесла Юля, остро ощущая себя лишней на линии огня. Но это ее гостиная и... ее охрана, которая несколько не согласовала действия.

— Сейчас дружно снимаем щиты и начинаем диалог. В противном случае я за себя не ручаюсь.

Шантаж — нехорошо, но когда перед ней готовы сцепиться девять мужиков, годятся любые методы.

— Госпожа, — безмолвный с фиолетовыми волосами нехорошо прищурился и явно приготовил какую-то гадость, — темное пламя нельзя вызвать без угрозы для жизни. А вам не угрожают, раз вы разрешили им стоять у вас за спиной.

И такая профессиональная обида во взгляде... Точно она с врагом им изменила.

— Ну простите, — развела руками Юля, — мне надо было допустить, чтобы вы сцепились? Создать угрозу для жизни и тогда пришлось бы снова гостиную ремонтировать. Пламя я не контролирую и не надеюсь.

Оскорбились.

— Мы никогда бы не допустили нанесение вреда своими действиями, — мягко не согласился седоволосый.

Угу, и друг друга убивали бы аккуратно. Бред.

— Раз мы выяснили, кто есть кто, у меня предложение — я возвращаюсь к себе. Только помните, что я теперь все слышу, — произнесла с угрозой, чувствуя себя воспитателем старшей группы детского сада, — поднимете шум, поверьте, найду способ воздействия. В ваших интересах работать вместе, раз начальство поставило сюда.

Мрачно переглянулись. Безмолвные за ее спиной первыми подняли щиты.

— Тарсаф, — старший шагнул вперед, вставая рядом с Юлей.

— Разговоры в запрет не входят, — мило улыбнулась девушка и пожелала: — Приятной вам беседы и, эм, обмена опытом. Я спать.

ГЛАВА 10

— Так говоришь, там была тройка Второго? — хмуро уточнил Харт. Потер подбородок. — Еще ухитрилась какое-то время оставаться незамеченной?

— Простите, господин, моя оплошность, — Лариус склонил голову.

— Н-да, нехорошо, — согласился его высочество, — до меня доходили слухи, что брат не только спелся с такийцами, но и прошел у них обучение. Похоже, это правда. Охрану натаскал... А мы даже не знаем, как им это удалось.

И Харт задумался о вскрывшихся данных. Ладно, про обучение можно поспрашивать, была у него на примете пара специалистов по такийской магии, а вот самостоятельность брата на этот раз зашла слишком далеко.

Во дворце не приветствовались «неучтенные» безмолвные. Их появление могло привести к серьезным нарушениям протокола безопасности, что, собственно, и произошло. В одном помещении максимально разрешенное число безмолвных — шесть. Исключение — большие дворцовые приемы. Ларс это прекрасно знал, но зачем-то оставил своих людей. Если только брат не отдал им приказ ни во что не вмешиваться, а лишь наблюдать... Но зачем?

— Когда он встречался с ассарой?

Лариус отвел взгляд.

— Прошу прощения, господин, встреча проходила не под оком безмолвных. Но девушка явно была расстроена результатом.

Харт стиснул челюсти. Не дворец, а сборище заговорщиков. Сначала Седьмая настаивает на приватности, теперь Второй. И как работать в таких условиях службе безопасности?!

— Судя по тому, что Второй оставил своих, он тоже не был доволен результатом, — буркнул Харт. Хорошо еще, что брат женат, а то он подумал бы о дурном. Хотя и без Второго проблем хватает...

— Мне доложили, госпожа ассара приняла наконец покровительство моего брата, — проговорил, тщательно контролируя выражение лица. Еще не хватало дать повод для пересудов собственной охране. Пусть он и должен радоваться — все шло согласно плану, но глубоко внутри ворочался раздражающе горячий уголек. Именно он и заставлял Харта думать о таких глупостях, как выражение собственного лица.

Лариус снова замялся, и его высочество с раздражением подумал, что любая тема про ассару вызывает у подчиненных острый приступ стеснительности, точно их всех уличили в чем-то недостойном. А ведь до появления этой «поразительной» женщины он доверял им на порядок больше, чем остальным. А теперь? Сначала Рохас, затем Лариус. Эпидемия у них, что ли?

— Магическая аура госпожи действительно выглядит лучше, — после паузы осторожно проговорил Лариус.

— А где же «но»? — насмешливо переспросил Харт.

— Они не ночевали вместе, — ответил, потупившись, безмолвный и вскинулся с четко читаемой обидой: — А вы знаете, как важны первые ночи для формирования связи.

— Та-а-ак, — протянул Харт. Внутри боролись радость со злостью. Понимание, что братец облажался, приводило в бешенство. Как можно было так быстро испортить все? Тупоголовый ерэк! Но вместе со злостью внутри поднималась радость. О ее причинах, как и последствиях Харт предпочитал не думать. Слишком новым было для него это чувство. И в нем ещё следовало тщательно разобраться, прежде чем идти на поводу.

— Что-то еще? — спросил, чувствуя острую потребность остаться наедине с самим собой.

— Да, господин, — кивнул безмолвный, — я не стал включать это в отчет. И мы договорились, что оставим данный случай на словах.

В словаре безмолвных «на словах» означало — устный доклад руководству. И дальше информация не уйдет.

— Интересно, — вскинул брови Харт. На его памяти безмолвные редко когда так поступали. Пару раз прикрывали шалости принцев от отца, пожалуй, и все.

— Снова ассара?

— Да, ваше высочество, — вздохнул Лариус. Помялся. И кратко пересказал события прошлой ночи.

— Что? — выдохнул Харт, с болезненной остротой осознавая, как привычный мир уходит из-под ног. Безмолвный развел руками, показывая, что версий у него нет.

Принц потер лоб. Выругался. Мысли скакали в непривычной лихорадке. Новая способность — последствие проведенной ночи с братом? Нет, бред. Если бы королевские дары передавались женам, от них отбоя бы не было. Дары наследуются лишь детьми. Огонь высшего уровня, реже менталистика, очень слабо целительские способности. Способность

видеть сквозь щиты появляется у принцев после ритуала. Право на управление собственной охраной — один из подарков его величества к совершеннолетию. Безмолвные приносят клятву верности — своеобразный ключ к щитам невидимости. А дальше зависит от ранга. Королю подвластны все безмолвные во дворце. Третий, как глава службы внутренней безопасности, тоже имеет свои привилегии. Но это никак не объясняет внезапно обретенного дара.

— Пригласи ее ко мне, — распорядился.

Узнав о вызове к Третьему, наставник Ульгард нахмурился, но отпустил. Юля заскочила к себе, приняла душ, сменила спортивный костюм на платье и постучала в апартаменты Третьего.

Дверь открыл незнакомый молодой человек, поприветствовал, проводил на балкон, где и обнаружился его высочество в компании с солнцем, голубым небом и хорошей погодой. Вот сразу чувствовалось, что местная зима не чета питерской. По ощущениям — плюс пятнадцать, не меньше.

Юля встала рядом. Положила руки на перила, подставила лицо солнцу. Тело ныло после тренировки, и передышка пришлась кстати. Одно радовало — ее мучения вдохновляли Совенка на учебные подвиги, и наставники все меньше хмурили брови на занятиях с Шестым. Изгой, слабак и кандидат на выпинывание из дворца уверенно шел к цели. И только Юля видела, как ему непросто. Когда укладывала вечером спать. Когда растирала сведенные от напряжения мышцы. Когда рассказывала историю на ночь, а вымотанный деть засыпал на середине. А она, остро жалея, скрывала и жалость, и слезы. Целовала, обнимала, говорила, что он лучше всех и как она им гордится.

— Сегодня первый день предпраздника, — проговорил Харт, довольно шурясь на солнце, — через десять дней — наступит Сердце Зимы, тапуны называют его праздником Зимнего солнца. Они верят, что зимой солнце милостиво к их просьбам и, если сделать ему хорошие подарки, то летом оно не будет столь сильно выжигать землю.

— Предпраздника? — переспросила девушка.

— В году всего два таких, чья подготовка занимает десять дней: зимний и осенний. Сердце Зимы — время, когда Девятиликий спускается на землю и ходит среди нас. Мы чествуем его милость, принимаем строгость наказаний, благодарим за дары и молим о спокойном сне вулканов. А осенью, вместе с дождями, приветствуем наступление нового года и окончание самого засушливого месяца года. Разве вы еще не успели изучить наши праздники? — нахмурился Харт, поворачиваясь к девушке.

— Вы все равно рассказываете лучше, чем написано в учебнике, — улыбнулась Юля. Его высочество покачал головой, но похвала пришлась по душе, и он продолжил:

— Сегодня в горы отправятся дерзнувшие бросить вызов. На вальшгасах они доберутся до ледников, вырубят куски льда, спустят их вниз, чтобы потом оживить своим искусством. В день праздника его величество вместе с именитыми мастерами выберет лучшего и наградит.

Юля представила ледяные статуи, и внутри дрогнуло нетерпение. Кажется, она становится безумной Алисой, которой по душе и говорящая гусеница, и чаепитие у Шляпника, и улыбка Чеширского кота. Ей по душе безумство этого мира.

— А как же праздник огня? Разве он не главнее всех?

— Да и одновременно нет. Огонь не любит долгих приготовлений, ему достаточно ночи. Но какая это ночь, — Харт мечтательно улыбнулся, — самая светлая из всех в году,

ведь огонь будет гореть повсюду. У нас верят — чем больше ты зажжешь факелов, тем удачнее будет год. В небе устраивают целые баталии из огненных фигур. Все наряжаются в золотое и красное. Устраивают пляски у костров. Мне бы очень хотелось полюбоваться с вами на это зрелище, Юля.

Харт накрыл ладонью ее руку, легонько сжал.

Девушка вздрогнула, бросила недоуменный взгляд на высочество, уж больно двусмысленно прозвучала фраза. Когда у них праздник огня? В начале лета? Дожить бы...

— Вы ещё не решились?

Очередной выводящий из равновесия вопрос. И что ответить? Простите, но я уже переспала с вашим братом. Впрочем, мы тут же поссорились. Нет, — тряхнула головой, — надо думать о дипломатии.

— Простите, ваше высочество, но я не ищу сейчас отношений, — осторожно высвободила руку.

— Неужели? — недоверчиво вскинутая бровь, прищур желтых глаз. Юля почувствовала, что краснеет. Она же не виновата, что «не ищу», но постоянно натыкаюсь. Виноваты дурацкие традиции и капризная, не желающая подчиняться магия.

— Я одного не могу понять, — поджал губы Харт, — как вам удастся все переворачивать с ног на голову? Еще и не страдать от собственного упрямства. Идемте.

Они прошли в кабинет. Там ее усадили на стул, нацепили на голову какую-то сложную конструкцию из скрученной спирали с прозрачными кристаллами, и его высочество принялся, ругаясь и шипя сквозь зубы, что-то настраивать.

Выдохнул, вытирая пот со лба, и пожаловался:

— Когда я сдавал измерительную магию в академии, то надеялся, что никогда больше не буду этим заниматься.

Если его высочество рассчитывал вызвать угрызения совести, то зря.

— Пригласили бы кого-нибудь в помощь, — предложила.

— Ищете славы, госпожа ассара? — насмешливо уточнил Харт.

— Что вы, нет, конечно, — отмахнулась Юля. Слава и в своем мире тяжкий груз, а уж в чужом...

— Тогда обойдемся своими силами.

Неподвижно сидеть пришлось около получаса. Его высочество с ругани перешел на задумчивое хмыканье. Глаза Юля держала закрытыми, и потому присутствие мужчины воспринималось особенно остро. Еще и поцелуй с ним, точно вирус, лез в память, заставляя прислушиваться к звуку шагов, шороху одежды, улавливать прикосновения.

— Так, — вымолвил наконец, когда она вся извелась от нетерпения. Снял прибор с головы и скомандовал: — Вставайте.

Юля заморгала, привыкая к свету. Его высочество не торопился озвучивать результат. Но и так было понятно, что безмолвные донесли о ночном происшествии. Нет, в целом Юля против новой способности не возражала, напрягала только озвученная охраной просьба — не палить их присутствие. А вот это оказалось не так-то и просто.

— Вас бы исследовать, — протянул Харт, сканируя взглядом.

— Не надо, — мотнула головой Юля и на всякий случай сдвинулась к двери, — лучше скажите, что происходит.

— Вам так сильно не понравились щиты безмолвных? — спросил вместо ответа его высочество.

Юля кивнула. А кому понравится, когда рядом есть некто невидимый и наблюдающий за ней. Они же как скрытая камера, только живые.

Но между «не понравились» и «стала видеть» лежала большая разница. Одного желания мало. Что она и озвучила Харту.

— Вот и мне интересно, как вы додумались до такого. Я не заметил никакого воздействия на щиты. Вместо этого вы изменили зрение. Какое-то заклинание на глаза, которое позволило вам заглянуть за щиты.

— М-м-м, — озадачилась Юля, — магические линзы?

Харт недоуменно вздернул брови.

— Очки?

Снова недоумение.

— Такие штуки, которые исправляют зрение, когда глаза плохо видят.

— Когда глаза плохо видят, их лечат и все. Никаких штук не требуется, — раздраженно проговорил Харт.

Вот оно, — поймала идею Юля. Здесь не было ни очков, ни линз. Глаза просто исцелялись. Потому ее способ никому в голову и не пришел.

— Я правильно понял, вы использовали что-то вроде улучшателя зрения?

— Понятия не имею, — честно призналась Юля.

Высочество вздохнул, прошелся по кабинету, остановился, бросил на нее ехидный взгляд.

— Поздравить вас или посочувствовать, так как осознанно вы использовать это заклинание вряд ли сможете.

— Почему? — обиделась девушка.

— Потому что все ещё блокируете дар, зато ваше подсознание активно пытается его использовать, в обход вас, так сказать.

Весело! И зря высочество обвиняет ее в блокировке магии. Пол-литра виски — и у них полное взаимопонимание.

— Возвращайтесь на занятия, Юля, а я займусь переделкой вашей программы. Будем включать в работу подсознание, раз сознание сопротивляется. А то мне страшно представить, что вы там себе ещё напридумывали.

— Хотя нет, подождите, — остановил, когда она уже шагнула к двери, — это вам, — протянул две книги: одну тоненькую, вторую — внушительной толщины фолиант.

— Вот эту, — постучал пальцем по толстой, — изучите как можно скорее, чтение второй тоже не откладывайте.

Юля вчиталась в заголовки. «Дворцовый этикет для благородной госпожи» вопросов не вызвал, напрягала лишь срочность. Оно могло означать одно — ассару собрались допустить до птичника или птичник к ассаре. А высочества рискованные ребята... Интересно, захочет ли кто-нибудь с ней общаться или будут шараться как от прокаженной?

Присвистнула на толщину — читать придется долго. Глянула вторую книжку. И настроение резко испортилось.

— Это шутка? — спросила зло.

— Разве брак может быть шуткой? — мягко уточнил Харт, укоризненно нахмурился и пояснил: — У нас большая семья, Юля. Если раньше Шестой, гм, не получал приглашений на свадьбу, то сейчас, с учетом вашей растущей популярности, такого исключать нельзя. А вы что подумали?

Юля с ненавистью глянула на витиеватую надпись на обложке «Брачный обряд Асмаса. Наставления брачующимся». А что ещё она должна была подумать?!

— Ничего, — проговорила сквозь зубы и спросила, не скрывая сарказма: — Можно идти?

— Идите, — отпустил Харт.

Его высочество проследил, как за девушкой закрылась дверь. Покачал головой — интересно, перестанет ли его когда-нибудь удивлять ассара? Вот и сейчас. Спонтанные открытия у новичков случались и раньше, но большая часть их касалась собственного выживания. Магия накрепко связана с носителем и при угрозе жизни активировала скрытые ресурсы. Иными словами: захочешь жить — и не такое придумаешь.

Неужели Юля воспринимала безмолвных как угрозу? Скорее всего, да. Причем не только для себя, но и для Альгара. Придется исправлять ситуацию — нехорошо, что безмолвных отслеживает чужой человек, и он активировал браслет связи. Заодно проверит, как идет подготовка к первому выходу ассары в свет.

Вечером, когда едва живая Юля приползла в свою комнату, мечтая об одном — упасть и уснуть, там обнаружилась притоптывающая от нетерпения Зарьяна.

— Госпожа, — бросилась к ней, — я вас уже заждалась. Нам надо срочно примерить платье на завтра.

Юля моргнула, переваривая.

— Нам? — переспросила. — На завтра?

То есть фолиант ей вручили, чтобы она по нему к завтрашнему вечеру подготовилась? «Своевременно», ничего не скажешь. Зато с практикой тянуть не придется. А дальше — кто не спрятался, я не виновата.

— Вы завтра приглашены на вечер к ее величеству, — всплеснула руками девушка, — туда обычное платье не годится. Вот смотрите, что прислал Четвертый, — и она схватила с кровати длинное в пол платье, тряхнула черным бархатом с золотой вышивкой. Юля подобную роскошь видела в театральном музее за стеклом.

— Не слишком? — спросила с сомнением, оглядывая музейную вычурность. И тяжелое, наверное. А она после тренировок едва ноги переставляет. И с практикой придется быть осторожней. Огорчать королеву, да еще и беременную... Величество не простит.

— В самый раз, — заверила ее Зарьяна и заторопила: — Давайте я на вас подгоню, а то вас уже ждут.

Юля вздохнула. Дворец затягивал, превращая жизнь в крутящееся колесо. Вот ещё медитации нарисовались.

При мысли, кто будет учителем, сердце тревожно заволновалось. Видеть Четвертого хотелось и одновременно нет.

А нечего было спать с начальством, сейчас бы не паниковала, — ехидно заметил внутренний голос.

С таким начальством невозможно не спать, — возразила.

К ее удивлению, платье оказалось легким. Бархат мягким и приятным к телу. Вырез на груди небольшим, зато ткань местами была утягивающей и обрисовывала талию, грудь, пышной юбкой расходясь к полу.

Глянула в зеркало — принцесса. Вздернула подбородок — королева. Крутанулась и осталась довольна.

Зарьяна хлопотала вокруг, что-то подхватывая прозрачной липкой лентой и

поглядывая на дверь. Отпустила быстро. Юля шмыгнула в душ — с интенсивными занятиями приходилось принимать водные процедуры по два раза на дню. Задержалась у шкафа, рука сама потянулась к обтягивающим легинсам. Пришлось пристыдить наглую конечность. Но топик одела без майки. Накинула сверху кофту. Вышла в коридор.

Потопталась. Сердце тянуло налево, здравый смысл подталкивал направо. Безмолвные не поняли задержки. Посмотрели вопросительно. Как им объяснить, что видеть Четвертого после того, что между ними было... стремно. Потянула ворот кофты — жарко уже здесь, несмотря на прохладу коридора.

Рохас жестом показал, что пора двигаться, Юля сделала вид, что не поняла. Мужчина тяжело вздохнул и пошел на нарушение инструкций:

— Госпожа ассара, — поторопил вслух, — вас ждут.

Шагнула назад, мотнула головой. Лучше к Третьему. Спокойно, без эмоций провести занятие, чем подпрыгивать как на иголках, ловя себя на непотребных мыслях, все с маркером восемнадцать плюс.

Безмолвный обеспокоенно нахмурился, парни за спиной — сегодня их было двое, лишнюю тройку отправили домой, ещё одна осталась охранять Совенка, — сдвинулись, перекрывая проход.

— Вас ждут, — повторил с нажимом и предложил: — Проводить?

Еще и руку протянул. Прямо сводня, уговаривающая строптивую невесту. А она точно строптивая... Трое мужиков ждут, когда она соизволит отправиться на занятие.

Стиснула зубы. Постучала еле слышно в дверь, но Рохас открыл сам, чуть ли не впихнул внутрь. Юля постояла, оглядывая гостиную. Четвертого не наблюдалось. Зато наблюдались свечи на полу. Какая-то странная светящаяся конструкция-шатер, тарелка с фруктами, кувшин, бокалы, конфеты и куча подушек.

Во рту пересохло, нахлынули сомнения и сразу захотелось сбежать. Метнулась к двери, но тут раздались шаги, и в гостиную вошел Фильярг. Был он только что из душа — волосы мокрые — и явно торопился — рубашку лишь накинул, не застегивая, демонстрируя идеальные кубики пресса.

Юля зачарованно замерла. Или ее соблазняли... или талантливо играли.

— Прости, задержали на Совете, — извинился, и не думая застегиваться. Юля с усилием отвела залипший на мужской груди взгляд. Постаралась думать о чем-то отвлеченном. Например, о снеге. Интересно, пойдет ли он до праздника. Сейчас бы ей не помешал сугроб — охладиться. Нет, все же спать с его высочеством было недальновидно. В голове ни единой мысли об учебе. Максимум — хлопать влюбленными глазками и улыбаться.

Прикрылся бы, — подумала с раздражением. Или лучше паранджу надел. Ходит тут, обнаженными телесами завлекает. А она... живой человек, между прочим.

— Проходи, — пригласил и указал на конструкцию: — Присаживайся в центр.

Юля подошла, разглядывая висящие в воздухе стеклянные шары, размером с кулак. Между ними протянулись световые линии, и все вместе напоминало лазерную защиту от воров, колпаком накрывая их обычную площадку для занятий.

Наклонившись, втиснулась между шарами. Подгрести подушки, села удобнее. Покосилась на кувшин, но просить наливать не стала. Ее жажда все равно никуда не денется. Вон, смахнул мокрые волосы со лба, а у нее внутри от красивого жеста целый ураган из бабочек.

И какой кремень? Тут зубная эмаль крошится от напряжения.

— Мне доложили о твоих достижениях, — Фильярг упорно не замечал ни смущенного вида гостыи, ни покрасневших щек, — так что сегодня попробуем кое-что новенькое.

Юля цыкнула на тут же возбуждившееся воображение. Никаких новых поз! Она сюда за другим пришла и точка!

Четвертый сел позади, прижался к спине, обхватил ладони. Юля честно попыталась отстраниться, но не смогла. Не хватило силы воли нарушить их единение. Тело норовило расслабиться, откинуться назад, отдаться во власть умелых сильных рук.

— Ты слишком напряжена, — губы едва ощутимо коснулись шеи, — снова замучили? Потерпи, позанимаемся, и я обязательно сделаю тебе массаж.

Купол над ними вдруг полыхнул алым, тонкие нити утолстились, ячейки заполнились розовым светом.

— Это защита, — пояснил принц.

Понятно. Кто-то решил подстраховаться от сожженной гостиной.

— Первой под контроль берут магию стихии, — начал рассказывать Фильярг, — именно она проявляется вначале и требует больше всего контроля. Но ты сама это уже поняла. Кроме стихии есть основная сила, которая тоже торопится показать себя, поэтому нам придется ускорить твоё обучение.

Наконец-то! — выдохнула девушка. Да здравствуют профильные предметы, а не всякая муть первокурсников.

— Сейчас ты попробуешь призвать огонь. Медленно, не спеша. Поместишь между ладоней. Я помогу и проконтролирую. Ничего не бойся. Используй камни, раз ты их поставила.

Юля замерла.

— Когда догадался? — спросила глухо.

— Юля, — горячий шепот коснулся виска, — я не слепой и не глухой, а мой братец не столь силен, чтобы вырубить меня на всю ночь. Мне не хватило пары минут, чтобы вас остановить. Я не стал срывать следом, решил дождаться и не прогадал. Скажи, — пальцы сжали запястья, — если бы я не вмешался, ты действительно выбрала бы Кайлеса?

То есть этот супермен иномирного разлива все время, пока ей ставили камни, притворялся вырубленным? И только когда ее чуть не разложили на столе, решил вмешаться?! А сейчас мучился вопросом: что, если и дальше бы продолжал притворяться. Было или не было. Ревность ядовита.

— А если ли да? Ты бы не позволил? — зло тряхнула плечами, отстраняясь.

Позади тяжело вздохнули.

— Ты злишься на мое недоверие? — спросил задумчиво. — У меня было полночи, чтобы понять, как думают ваши женщины.

Юля хмыкнула. Покачала головой. Не просто ждал, а насмотрелся телевизора и сейчас пытается строить из себя знатока женских душ. Зато теперь понятен романтический антураж, слизанный с Земли.

— Даже наши мужчины, которые всю жизнь живут с нами, не могут понять.

— Но я попытаюсь, — пообещал Фильярг, — а теперь вернемся к занятию.

И они вернулись. Юля помнила, что огонь любит сильных. Затолкала глубоко внутрь сомнения и страхи, представила себя супергероем и с решимостью свернуть горы вызвала огонь. Абонент был недоступен. Тепло внутри. Тепло в ладонях. И дальше этого дело не шло.

— Не спеши. Закрой глаза. Представь внутри себя огонь.

Сейчас бы стаканчик виски и зажигательную песенку, — подумала с тоской. Она бы такой фейерверк устроила!

Прикрыла глаза. Сосредоточилась. Пальцы Фильярга сделались горячими, и это тепло отозвалось внутри, точно там зажгли маленький костер.

Осторожно, ещё не веря в удачу, потянула наружу.

— Смотри, — шепнули.

Распахнула глаза. Раздвинула ладони и между ними заиграл, вися в воздухе, крохотный огонек.

— Запомни это состояние. Следующий раз повторишь сама.

Фильярг дунул, и огонь устремился к куполу, дотронулся до стенки, впитался и пропал. Юля разочарованно выдохнула — ей хотелось подольше пообщаться с детищем. Но дальше ее отвлекли. Развернули, пересаживая лицом к себе, прижали тесно — не вдохнуть, и губы накрыл жадный, горячий поцелуй.

— Целый день об этом мечтал, — прошептал Фильярг, когда они оторвались друг от друга.

Медленно потянул вниз молнию на кофте. Скользнул жадным взглядом по топику, прошелся горячими пальцами по обнаженной коже.

— Ты потрясающая, — проговорил пылко, добавляя уверенно: — И только моя.

Сейчас Юля была согласна на все средневековые замашки варвара. Тело пылало, требуя большего, чем просто поцелуй, но тут его скрутило от резкой боли. Тревога включилась, внутри точно запылали красные лампочки «Аларм, аларм», сирена забила уши, оттесняя разум, и Юля вскочила, устремляясь туда, куда рвалась сущность ассары — к Шестому.

ГЛАВА 11

Шатер снесла, взмахом руки. Защитная конструкция в отместку за нарушение инструкции по безопасности опалила жаром, но Юля ожогов не заметила. Она действовала так, словно власть над телом перехватил кто-то чужой. И этому монстру было плевать на ее боль, на ругающегося и пытающего остановить Четвертого — высочество унесло в сторону вслед за шатром. Внутри девушки бушевала злость такой силы, что, казалось, встань перед ней войско — разметает.

Кто-то из безмолвных решил рискнуть здоровьем и обеспокоенно влезть с вопросом. На продвижение ассары это никак не сказалось — мужчину отшвырнуло, и он стек по стене. Не заморачиваясь, вынесла дверь. Ворвалась к себе. Взлетела на второй этаж и застыла у кровати Аля.

Шестой лежал бледный, дыша часто и прерывисто. Над его лицом плотным облаком висели антрацитово-глянцевые капли. Они мелко подрагивали, то опускаясь к самому рту, то поднимаясь выше. Понимание — Аля убивают — обожгло болью. Комната поплыла перед глазами, Юля покачнулась. Силы уходили с немыслимой скоростью, и девушка больше на автомате, чем осознанно поставила барьер. Если она сейчас потеряет сознание — Совенку не поможет.

Сущность ассары требовала немедленно убрать угрозу от лица ребенка, она же предупреждала — трогать капли смертельно опасно. Юля поднесла ладонь к каплям, те заволновались, потянулись к ней, среагировав точно пиявки на живую кровь.

— Не спеши, — на плечо легла, останавливая, рука Фильярга.

— Смерти ищешь? — Третий был более прямолинеен. Окинул раздраженным взглядом.

Оттеснил от кровати. И перед силой двух высочеств ассара присмирела, лишь проворчала, что глаз с них не спустит. Отступила в сторону, возвращая Юле контроль над телом. Только боль никуда не делась, продолжая разъедать кислотой внутренности.

Харт посмотрел на Аля. Нахмурился.

— Черная смерть, — скривился, добавив недовольно: — И ведь раздобыли где-то. Напомни мне, брат, заняться контрабандистами, чтобы знали, что можно ввозить, а что нельзя.

— Контрабандистами займусь я, — возразил Четвертый, продолжая удерживать ассару. Юля дернулась было, но Фильярг прижал крепче, проговорив успокаивающе:

— Не бойся, они еще не проббили защиту. Сколько у нас времени? — спросил у Харта.

Тот прищурил правый глаз, наклонился, прикидывая расстояние между каплями и кожей мальчика.

— Минут пять. Успеем. Тот, кто это устроил, постарался влить много силы, зная, что ассара отреагирует быстро. Не учли только, что Шестой окреп за эти дни и его защита возросла.

— Защита? — прошептала Юля. Голос подвел, все силы уходили на борьбу с собственным монстром, жаждавшим крови тех, кто посмел покуситься на Совенка. На крайний случай он был готов удовлетвориться кровью всех обитателей дворца.

«Давай убей, отомсти, перегрызи им глотки», — завывал, проклиная убийц. Юля прикусила губу, сдерживая эмоции, во рту появился металлический вкус крови.

— Королевские дети не так беззащитны, как кажется, — ответил Харт, беря подушку и вытряхивая ее из наволочки, — после рождения над каждым проводят ритуал. Защита растет вместе с наследником. Чем сильнее он, тем сильнее она.

И снова золотое правило — «Огонь любит сильных», — подумала Юля. Стиснула ладони. Движения высочества казались слишком медленными, а ей хотелось крикнуть «Быстрее!», стукнуть Третьего, чтобы пошевеливался. Или найти кого-нибудь порасторопней, а этого убить.

Харт почувствовал опасность. Обернулся, посмотрел в глаза, принимая вызов. Она рыкнула, посчитав этот взгляд угрозой, одним движением освободилась из захвата. Фильярг охнул, получив локтем в солнечное сплетение.

— Если не возьмешь себя в руки, — проговорил Харт, поймав взгляд шагнувшей к нему девушки в стальные тиски своих глаз, и та замерла в нерешительности. Чутье подсказывало — эта добыча может оказаться ей не по зубам, — завтра я велю приставить нож к горлу Шестого, а против тебя поставлю лучших людей и встану сам. Посмотрим, как ты справишься.

— С ума сошел? — прошипел Четвертый, после удара дыша шумно и часто.

— Ты меня поняла? — спросил Харт, не обратив внимания на слова брата. — Попробуешь помешать, и я выполню свое обещание.

Юлины глаза полыхнули ненавистью, но сама она осталась на месте. Внутри боролись двое: ассара и Юля.

«Убить всех», — твердила ассара.

«Совенок не простит, он их любит, — возражала Юля, — и я должна им доверять».

Мотнула головой, пытаясь сбросить кровавую пелену с глаз. «Я не чудовище», — проговорила как мантру, — и Харт не вкусный, мне вовсе не хочется перегрызть ему горло. Еще неизвестно, моет ли он шею».

— Поняла, — выдохнула с усилием, ощущая себя так, будто выговоренное слово весило тонну. Его высочество отпустил ее взгляд и позвал:

— Фильярг, приступим.

Они зашли с двух сторон, держа наволочку над головой мальчика.

— Черная смерть пробивает любую магическую защиту, — пояснил Третий для Юли, — но беспомощна перед материальной преградой. Начали медленно, — скомандовал. И наволочка поплыла над лицом, отсекая от черных капель. Юля затаила дыхание.

— Стой, — Фильярг выругался — одна из капель пошла вниз, и они вынуждены были ждать, когда она начнет движение вверх. Отсеченные капли, потеряв цель, принялись бестолково метаться из стороны в стороны, и мужчины заторопились.

— Все, — выдохнул наконец Харт. Они ловко соединили концы, превратив наволочку в мешок, в котором бултыхался отвратительный груз.

— Это я заберу с собой, — проговорил Третий, — а ты позаботься о Шестом и его ассаре.

Юля обеспокоенно вскинулась.

— Нет-нет, со мной все хорошо. Сначала Аль.

Третий только рукой махнул — разбирайтесь сами — и удалился.

Стоило открыться двери, как в комнату набились пятеро безмолвных вместе с парой притащенных ими целителей. Все время, пока целители убирали последствия атаки и стабилизировали состояние младшего принца, девушка провела, держа Совенка за руку. Целители недовольно хмурились, пытались возражать, но пара слов шепотом от Рохаса, многозначительный взгляд, и Юле позволили остаться рядом с Алем.

Она убрала блок и теперь могла по связи отслеживать, как улучшается состояние подопечного. Наблюдала за манипуляциями целителей, одновременно прислушиваясь к словам Четвертого.

— Вот здесь, — его высочество показал на окно, — они пробili защиту. Кто-то принес ломалку и спрятал ее на подоконнике. От нее осталась лишь пыль, но попробуйте выжать хоть что-нибудь. Опросите всех, кто входил сюда за последние дни. В первую очередь слуг. Отдел преступлений подключать не будем. Справимся сами. Было что-то странное за эти дни?

Безмолвцы переглянулись.

— Преступники воспользовались тем, что во время вашего отсутствия покои Шестого практически не охраняются, — проговорил с досадой Рохас, — а тот, кто осматривал спальню перед вашим возвращением... Я разберусь, ваше высочество. Что касается обстановки. Пятая вчера покинула дворец. Отправилась долечиваться на побережье. Уровень охраны Седьмой повышен на один пункт.

Фильярг вскинул брови, удовлетворенно хмыкнул:

— Отличная новость. Завтра поздравлю отца.

— Из чужих — два посольства Лохтиара и Андагры, но за ними плотно присматривают.

— Свои?

— Только Второй.

И Фильярг подумал, что Ларс был единственным из живущих вне дворца братьев, кого могла заинтересовать ассара. Первый слишком занят своими изысканиями, Пятый на пороге выпускных экзаменов усиленно готовится к ритуалу, а вот Второй... И хорошо, что женат, а то пришлось бы беспокоиться еще и на его счет.

Кинул взгляд на девушку. Да уж... Давно не было во дворце ассарства. Отвыкли, понимаешь, расслабились, забыли, как оно бывает, когда встаешь между ассаром и его подопечным. Даже король уважает этот закон, просто из чувства самосохранения, потому как ассару все равно, кто пытается его остановить.

А они вот попытались... Идиоты. Забыли, что внешняя хрупкость не помеха. Сила ассара в связи с его учеником. Не учли. По итогу один безмолвный в лазарете, снесенная дверь, да и ему — потер ноющие ребра — досталось.

Хорошо, что Юля не полностью потеряла контроль. Он помнил, как в истории описывались случаи, когда ассары не подпускали никого к подопечным и заканчивалось это не совсем хорошо.

Вспомнил и свои сомнения в тот момент, когда она готовилась атаковать Третьего. Повезло, что не пришлось вмешиваться, потому как не был уверен, что у него хватит решимости атаковать в ответ, чтобы не допустить кровопролития.

Но надо отдать должное — у Юли отличная сила воли, а ещё она прекрасно умеет держать удар и не впадать в панику. Обучить — сильный маг выйдет.

— Мы закончили, — поклонился целитель, и Фильярг указал на девушку:

— Осмотрите, пожалуйста, госпожу ассару.

Юля протестующе вскинулась, но его высочество был неумолим:

— Или ты позволяешь себя исцелить здесь, или я отправлю тебя в лазарет.

Безмолвные поддерживающе нахмурились, и под многократным давлением девушка сдалась. Позволила залечить ожоги, но потом категорично потребовала:

— Останусь ночевать здесь.

Фильярг не сдержал тяжелого вздоха — а у него такие были планы на эту ночь. Тело успело соскучиться. Хотелось до боли стиснуть в объятиях, вдохнуть родной запах. Исцеловать всю. Заставить стонать и просить пощады.

Сжал ладони. Попались бы ему сейчас убийцы... Никого бы не пощадил.

— Хорошо, — кивнул, соглашаясь. Нашел взглядом Рохаса, жестом изобразил цифру два. Безмолвный согласно склонил голову. Теперь рядом с Шестым всегда будет пара охранников. Даже в спальне.

А что касается ассары... Нахмурился. Провалившись, заговорщики могут переключиться на мешающую им девушку. Надо обеспечить круглосуточный присмотр, но допустить в спальню безмолвных... Нет, и еще раз нет. Лучше сам. Не понятно, правда, как уговорить строптивую девчонку, которая в каждом жесте видит ограничение своей свободы, но придется... И ведь никого не слушает, зараза. А идти на поклон к ее маме... Нет, оставим это на крайний случай.

Шестой... Слишком много недовольных его существованием, как и желающих убрать слабака из ветви. И даже появление ассары их не убедит. Пока десятки раз не докажет, что достоин стать Столпом, от пацана не отстанут. Третий работает, но так быстро репутацию не восстановишь.

Юля дождалась, пока целители покинут комнату и сказала:

— Можно спросить?

Фильярг кивком дал разрешение.

— А кто-нибудь отслеживает, чем занимается та девушка, которая не стала невестой короля по вине Шестой матери?

Вопрос явно не понравился высочеству. Мужчина нахмурился, недовольно поморщился.

Отвернулся к окну, махнул рукой, и комната опустела.

Некоторое время он молчал, Юля терпеливо ждала, рассеяно глядя спящего Совенка по руке. После пережитого накатило равнодушие. Хотелось лечь, закрыть глаза и стереть ужас последнего часа из памяти.

— Я познакомлю вас, — сказал наконец, — ты сама все поймешь.

Юля мысленно пожала плечами. Сейчас она готова была на все — хоть в преисподнюю прогуляться. Страх за Совенка перечеркнул собственную боязливость. Это было странное чувство — Джекил и Хайд в одном флаконе.

Самое отвратительное, ее новое внутреннее «я» имело лишь один стопор — Аль. А самым странным было то, что ситуация больше не напрягала. Она смирилась со своим чудовищем, ведь это чудовище защищало Совенка. Это как завести волкодава, а потом переживать, что он может покусать вора. Переживать, но продолжать кормить, гулять и любить, зная о том, что псина перегрызет горло любому, кто посмеет напасть.

Прикрыла глаза, вытягиваясь рядом с ребенком и обнимая. Она самая сумасшедшая воспитательница на свете. Хуже любой «яжматери».

— Он в порядке? — спросила глухо. Четвертый понял без лишних слов.

Присел рядом, с нежностью обнял, приподнимая и прижимая к себе.

— Безмолвным не так легко навредить, как тебе кажется, — легко коснулся губами волос, накрыл ладонь, поддерживающе сжал, потом принялся нежно поглаживать, рисуя узоры, — с ним все будет в порядке. И дай время, они научатся защищаться от твоих нестандартных атак.

Юля фыркнула. Прямо-таки ужас дворца. Скоро от нее не только птичник будет шарахаться, но и охрана. Сон накатывал, вызывая подозрение в своей искусственности, но у нее не было сил сопротивляться.

— Как она? — тихо спросил Харт, заходя в комнату. Девушка лежала на кровати, обнимая Шестого. В глаза бросились нахмуренные брови, бледное лицо, ранка на губе. Ассарство — нелегкий труд, а тут ещё и проблемы подопечного...

Внутри стало тяжело от давящего раздражения. Слишком много подозреваемых. Он вспомнил листы доносов. Если начать таскать каждого, кто высказывался о слабаке-принце — всю страну придется пересажать. Даже слуги и те не проявляли должного уважения к шестому высочеству. Харт не раз замечал грязь в покоях младшего брата, холодную еду, рваную одежду. Ругался, делал выговор, хватало на пару недель, а потом все возвращалось на круги своя.

Почему он ничего не предпринял, чтобы одернуть болтунов? Потому что сам был с ними согласен.

Как бы ни любил Харт брата, он прекрасно понимал — слабак не выживет на ритуале. Огонь не отличался ни добротой, ни милосердием. Потому милосердным было убрать мальчишку из дворца. Выслать с клеймом слабака и изгоя на материк без права вернуться на родину. Тяжкий выбор.

Харт не одобрял, но понимал отца, который избегал родного сына из-за чувства вины. Он и сам не часто бывал в покоях Шестого, оправдывая себя делами. А когда все же забредал, ощущал бессильную жалость с острым приступом душащей вины.

Но теперь все иначе. Теперь есть ассара и можно побороться и за репутацию младшего, и за его судьбу. Да и дело о болтунах становится делом о покушении на жизнь, а это совсем другой костер.

— Полчаса как уснула, — так же тихо ответил Фильярг, — целители постарались. Сама бы не смогла.

Харт понимающе кивнул. И правильно, что усыпили.

С завистью посмотрел на девушку. Устало вздохнул. Тело заранее ныло, представляя бессонные ночи. Дело точно не будет простым. Еще и своих проверять. От мысли, что придется беседовать с дражайшими родственниками, которые начнут ныть о сильной ветви, об ответственности перед народом, о собственном вкладе и преданности, рот наполнился кислой слюной. Захотелось плюнуть на все и уехать... а вот хотя бы ко Второму и его пиратам. Напиться, залезть на мачту и просидеть там всю ночь, встретив рассвет.

Тряхнул головой, прогоняя соблазнительную картинку и поделился с братом:

— Кристаллы отправил в академию, пусть там проверят.

Четвертый удивленно вскинул брови.

— Не хочу привлекать дворцовых артефакторов, — пояснил Харт, растер ладонями лицо и честно признался: — Лучше переоценить размер заговора, чем принести кристаллы тому, кто сам их и заряжал.

Зевнул, покосился на брата, который устроился рядом с девушкой, отслеживая по браслету доклады охраны — безмолвные уже начали работать, несмотря на ночь, — и признался:

— Сил нет совсем. Не против, если я составлю компанию?

Фильярг поморщился, вздохнул, посмотрел на лежащую под боком Юлю в обнимку с Альгаром и махнул рукой:

— Оставайся.

Утро не всегда бывает добрым. Особенно если вместе с ним просыпается совесть. Именно так думала Юля, прокручивая в голове прошлую ночь.

Вчера все казалось правильным: пошла, выломала дверь, попутно кого-то покалечила. Угрожала Третьему. Зарвалась ассара... И не пора ли начать паниковать?

При мысли о реакции высочеств внутри стало холодно и тоскливо. Вдруг они решат, что излишняя воинственность навредит имиджу государства? Домой не отправят, но ограничить могут.

— Не вздыхай, скажи прямо, что тебя беспокоит, — прошептали над ухом. Сильная рука прижала к горячему телу. И... муки совести были разом забыты, а мысли переключились на тег восемнадцать плюс.

Распахнула глаза, приподнялась, оглядываясь. Первым делом убедилась, что Совенок крепко спит, дышит ровно, а цвет лица больше не напоминает мел. Подняла голову, глаз нервно дернулся, встретившись взглядом с третьим высочеством. Хорошо, что на этот раз одетым, в застегнутой наполовину рубашке. В руках — записная книжка. Кто-то уже работал, пока она дрыхла.

В голове вихрем опавших листьев взметнулись суматошные мысли. Что он здесь делает? Все так плохо с покушением? Решил лично охранять? Или просто воспользовался ситуацией? И ведь не смутила даже одна, пусть и большая, но не на четверых кровать. Так понравилось смотреть на ее утренний растрепанный вид? На следы от подушки на лице?

А ещё за спиной Фильярг. Да и сама поза... Прикусила губу, сдерживая рвущиеся наружу ругательства. Щеки полыхнули румянцем. Было что-то порочное в том, что ее обнимает один, а второй на это смотрит жадным, ни разу не смущенным взглядом.

— Доброе утро, Юля, — склонил голову Третий, мягко улыбнулся и уточнил: — Так что

тебя беспокоит?

О! Ее беспокоило столь многое, и половину из этого она никогда не решится озвучить.

— Я сама себя беспокою, — расслабилась, смиряясь с ситуацией массового лежбища принцев в постели. Фильярг тут же воспользовался этим, крепче притягивая к себе. Видно, чтобы не сбежала раньше времени.

Харт перевернулся на бок, оказавшись лицом к девушке. Посерьезнел.

— Не вини себя. Это мы забыли о том, что нельзя вставать между ассаром и его подопечным. Больше этого не повторится.

— Но... — Юля прикусила губу. А если между ней и Совенком окажется его величество?

— Никто, запомни, не смеет мешать ассару выполнять его долг, даже правитель.

То есть король тоже подчиняется этому закону. Иными словами — встал на пути, сам дурак. И никаких обвинений в превышении полномочий. Уже легче.

— Но было бы неплохо, если бы ты научилась лучше контролировать свой дар, — проговорил Харт и тут же привел аргументы: — Согласись, у тебя нет опыта целительства. Ты не можешь полноценно оценить угрозу и быстро ее ликвидировать. Поэтому, Юля, умоляю, следующий раз постарайся вспомнить, что рядом есть те, кто готов помочь.

Щеки продолжали выдавать ее смущение. А здравый смысл безжалостно подтверждал: Харт прав. Она курицей-наседкой понеслась на помощь, совершенно не представляя, что станет делать, когда окажется рядом.

— Я молчу о том, что ловушка могла быть рассчитана на вас двоих, — объятия стали жестче, показывая, что Фильярг за нее переживал.

Юля медленно кивнула, соглашаясь. Неловкость ушла, осталась теплая признательность — за нее переживали, о ней заботились. И это новое чувство потихоньку вращалось в сердце, заставляя ощутить себя частью королевской семьи.

— Надеюсь, рано или поздно, мы заслужим твое доверие, госпожа ассара, — подвел черту под разговором Харт.

Юля медленно вела пальцем по странице, вчитываясь в текст. Сегодня физические занятия были лишь для нее — Аль восстанавливался после атаки. Наставники решили, что она готова на большее, чем просто упражнения, и загнали на стену — покорять «горы». Виной тому было, конечно, ночное происшествие, которое успело обрасти слухами.

— И это все? — иронично вскинул брови Ульгард, когда она застряла на середине, ощущая в руках противную слабость. — Только не говорите, что не можете больше после того, как справились с тремя безмолвными.

Юля скрипнула зубами, проклиная болтунов.

— Я слышал их было пять, — проговорил Ирлан, подходя и светясь довольной улыбкой, точно они золотой кубок взяли, — мы решительно недооценивали ваши способности.

Девушка мысленно застонала — началось. Разжала руки, спрыгнула на мягкий пол. Встала с колен. Вот не надо ее в супервумены записывать. С них и спрос такой же... супервысокий.

— Не стоит меня переоценивать, — процедила, буравя наставников недовольным взглядом, — это был один безмолвный, и он, гм, просто не стал защищаться.

— Хорошо, что вы не ставите себе это в заслугу, — кивнул Ирлан, окинул ее внимательным взглядом, потом внезапно подмигнул: — С нами можете быть честными, но для остальных — их было пять, и вы были сильны как калкалос.

Юля оторопело моргнула. То есть для птичника выгоднее представить ассару как можно более сильной? Интересная стратегия, но что-то в ней есть.

Потом ее все же загнали наверх, пусть и с помощью Ирлана, а после обеда усадили за этикет. Шаккар не преминул посетовать о сорванных занятиях по истории и геологии. Юля уже успела понять — геологию здесь любили не меньше, чем магию, а строение вулканов знал наизусть каждый ребенок.

— Ее величество сама приглашает к столу, даже если она находится в гостях, — прочитала Юля. Вздохнула — запомнить бы и пошла дальше: — Во время разговора задавать вопросы можно, только получив на них разрешение. Запрещено менять тему разговора, которую начала ее величество. Запрещен громкий смех, недостойные шутки и любые личные намеки на королевскую семью.

Юля поморщилась — неприятно осознавать, сколько раз она нарушала этикет во время их встреч с Седьмой. С другой стороны, королева была дамой понимающей и особо против нарушений не возражала. Шокировалась пару раз, было дело, но скандалить не стала. Но это она, а птичник такого может не потерпеть.

— Госпожа ассара, — позвала вдруг пустота. Юля озадаченно закрутила головой, а слева напряженно спросили:

— Вы нас все ещё видите?

Прищурилась. Пустота чуть уплотнилась до едва различимого силуэта, но безмолвных внезапно стало жаль. Старались же, улучшали, а она тут со своим иномирным подходом...

— Ничего не вижу, — призналась. И с трех сторон облегченно выдохнули.

ГЛАВА 12

Птичник старательно делал вид, что он спокоен, заносчив и высокомерен. Относительно хорошо удавались заносчивость с высокомерностью — нетрудно сохранять лицо, когда «благородные» манеры вбивались с детства. А вот со спокойствием получалось не очень. Выдавали осторожные взгляды, шепотки, нервно подрагивающие в руках обогревательные шарики — зима же! Местные дамы носили их на запястьях, прицепленными к браслетам, и использовали в качестве миниатюрных грелок. Внутри резных шариков красиво горело разноцветное пламя, и, оказавшись в тени, легко можно было создать романтик настрой.

Местное общество вообще любило свет, используя его где только можно и где нельзя. Бегающие огоньки по подолу платьев, играющие заколки в волосах, подмигивающие кольца, браслеты, серьги. Любые камни здесь мерцали, и потому освещение в гостиной было приглушено до легких сумерек, чтобы подчеркнуть красоту нарядов.

Юля подумала, что световой локдаун тут не вызвал бы паники — дамы легко идентифицировались. Да и выстрой их на поляне — и костры не понадобились, чтоб организовать взлетно-посадочную полосу. Сама Юля под причитания служанки «Ну хотя бы вот это ожерелье, госпожа!» отказалась от всего мерцающего и была единственной «затемненной» фигурой на вечеринки.

Около стен застыли безмолвные, и Юля старательно избегала коситься в их сторону.

В ожидании хозяйки приглашенные развлекались светской беседой и едой а-ля шведский стол. На столах были сервированы легкие закуски с напитками. Зачарованные тарелки по воздуху сопровождали гостей. Смотрелось дико — Юля зависла на пару минут, разглядывая летающую меж людей посуду, но удобство оценила быстро. Только нож с вилкой надо было класть в специальное углубление, чтоб не свалились.

Птичник собрался небольшой — штук двадцать особей. Естественно, все знакомы друг с другом. Еще более естественно — Юля не знала никого. На нее косились, однако подходить боялись. Ожидали Седьмую и ее реакцию.

Юля огляделась, полюбовалась на аристократичную подсветку нарядов и решила провести вечер с пользой, а именно — поесть. Их с Шестым кормили сытно, но без изысков, а тут... О да! Тут было на что положить глаз. Например, вот на те крохотные бутербродики с разными топперами. Или на мусс в стаканчиках. Выглядело соблазнительно, а все лишние калории она завтра отдаст в спортзале.

Тарелка активировалась прикосновением. Взмыла вверх и застыла на уровне талии.

Ну-с, — Юля мысленно потерла ладони, — начнем.

Щипчиками подцепила тартинку, положила на тарелку, точнее попыталась, потому как фарфоровая сволочь резко дернулась точно от щекотки. Юля чудом успела уберечь бутерброд от падения на пол.

Пробормотала:

— Не поняла.

Попыталась повторить. Тарелка в лучших традициях воздушного боя ушла от столкновения, изящно соскользнув вниз, чтобы тут же вернуться обратно.

— Однако.

Неужели ей досталась бракованная? Так и знала — магии доверять нельзя. Ухватила вредину, принудительно устроила на ней еду. Ровно на пару секунд, а потом тарелка встала вертикально, сбросив тартинку на пол.

Выругалась, уже понимая, что взбрыки не случайны. Интересно, кто настолько смелый? И кому жить надоело?

Обвела затемненный зал внимательным взглядом. Все упорно делали вид, что заняты разговорами, но азарт витал в воздухе.

Дурацкая ситуация... Шутка глупа и невинна. На помощь звать — только позориться. А навыков отследить автора и заблокировать — не хватает.

И что можно сделать? Прищурилась, разглядывая тарелку. Белый фарфор с хаотичными красными линиями — символизировавшими языки пламени. Ничего необычного. Обвела рукой по краю, и в одном месте ощутила — не препятствие, нет, так, легкое прикосновение чего-то инородного. Воображение тут же нарисовало нить контроля. И ощущение стало плотнее. В который раз убедилась, что магия и воображение связаны.

Подцепила пальцем нить, оторвала от тарелки и принялась наматывать. На коже от прикосновения ощущалось терпимое жжение. Нить натянулась, сопротивлялась, но Юля была настойчивей и сильнее, и рыбка потащилась к рыбаку.

За спиной раздался удивленный возглас. Шуршание. Звон посуды. Юля не оглядывалась. Лишь когда рядом послышалось возмущенное сопение, а в нос ударил запах чужих духов, произнесла:

— За смелость — отлично, а вот исполнение подкачало. И на что же вы поспорили, что решили рискнуть жизнью, госпожа?

Обернулась, встретив испуганный взгляд желтых — кто бы сомневался — глаз. Юное лицо. Красивое. Жесткие серые волосы подняты вверх и спереди изображают выстриженные уступы. На среднем уровне лежит — и как только держится — россыпь переливающихся красных камней, а сзади волосы спускаются до талии.

— Госпожа ассара, вам требуется помощь? — проникновенно осведомились сбоку.

Юное создание побледнело и попыталось отступить, куда там — нить держала крепко.

Юля мысленно фыркнула — как тарелку укрощать, они не вмещиваются, а как только потенциальная жертва нарисовалась — забеспокоились. Перестраховщики. Не съест она ее, разве что покусает.

— Сама справлюсь, — отказалась. Юное создание побледнело еще больше.

— Госпожа Софрана? — спросила пустота.

Госпожа моргнула, отвела взгляд от Юлиного лица, на которое неприлично пялилась, кивнула с усилием. Ощущение чужого присутствия исчезло.

— Госпожа Софрана, — задумчиво проговорила Юля.

— Софрана Лэя Ангальская, — проговорили вдруг знакомым голосом, и Седьмая шагнула из полумрака. Только сейчас Юля обратила внимание на странную тишину в гостиной. Ничего себе. Так увлеклась, что проворонила появление королевы.

Девчонка вжала голову в плечи и явно проклинала тот момент, когда решилась зачаровать тарелку.

— Ваше величество, — склонилась в поклоне Юля. Софрана повторила ее поклон с отточенным долгой практикой изяществом.

Королева склонила в ответ голову, провела пальцем по нити, по лицу скользнула тень воспоминаний.

— Мы так же развлекались в детстве, — произнесла задумчиво и тут же нахмурилась, — но сейчас шутка была неуместной, да и мне казалось, вы выросли из детских забав. Сколько вам лет, Софрана? Тридцать один?

Девушка опустила голову, на щеках запылали два алых пятна.

— Думаю, эти праздники вы проведете дома, — жестко заявила Седьмая, — пары месяцев будет достаточно, чтобы вы повзрослели.

Софрана склонила голову ещё ниже, но спорить с наказанием не посмела. Юля оценивающе посмотрела на юный талант по розыгрышам. Мила, наивна, нагла и безголова, а главное — у нее отлично получается зачаровывать предметы. Наставники или высочества такому точно не обучат.

— Хм, ваше величество, а можно я арендую госпожу Ангальскую? На пару вечеров?

Она ещё не знала, найдет ли время между основными занятиями и медитациями, но найти надо. У нее академия впереди. А там не только тарелочки возможны...

Седьмая удивленно вскинула брови. Прищурилась, просчитывая последствия.

В красивом ало-черном платье, с убранными в сложную прическу волосами, в королевских украшениях — от многоуровневого ожерелья глаз было не отвести, она казалась совершенно другим человеком. Куда только делась милая женщина, которая, краснея, принимала в подарок эротичное белье. От Эллианы фонило властью. Черты лица стали жестче. В глазах стыл холод. Такой стринги дарить точно не будешь или советовать носить скорпиона под платьем.

— Хорошо, — согласилась ее величество, — до праздников она ваша.

Юля благодарно склонилась, Софрана возмущенно булькнула, подалась вперед, но наткнулась на жесткость в королевском взгляде и стухла.

— Потом поделитесь зачем, — прошептала Седьмая, наклонившись к Юлиному лицу. Ассара понимающе ухмыльнулась — королева была совершенно не по-королевски любопытна. И это делало ее человеком, несмотря на все регалии.

Отстранилась, вновь надевая маску, обвела взглядом притихшую гостиную — дамы

честно пытались слиться со стенами, но во-первых, места там были заняты безмолвными, а во-вторых, новогодняя подсветка сводила на нет все попытки затеряться в полумраке. И сразу становилось понятно, что птичник королева держит под жестким контролем.

— Госпожа ассара, позвольте вас познакомить с моим ближним двором.

Юля прислушалась к неспешной беседе за столом. Женщины оставались собой даже в другом мире. Обсуждали наряды, какие-то брачные круги, которые отмечались весной. Сетовали на детей. Жаловались на прислугу. Мечтали о зимнем бале.

А Юля смотрела, оценивая птичник с точки зрения угрозы. И ничего не могла с этим поделать. Перед мысленным взглядом то и дело вставали черные каменные пиявки у лица Совенка, и внутри взметалась ярость. Тогда Юля плевала на запрет есть на ночь — клала себе что-нибудь вкусного и заедала злость.

Этот день, кроме утренних занятий спортом в зале, они провели вместе. Аль в постели, она рядом — в спальне поставили стол, чтобы Юля могла заниматься. Читали каждый свое: Совенок — математику и геологию, Юля — этикет. Но взгляд то и дело останавливался на Шестом. И до слез хотелось обнять детенка, прижать и не отпускать от себя. Страх душил, мешая заниматься. Когда становилось невмоготу, шла на постель, обнимала, гладила, шептала всякие глупости.

— Ты не бойся за меня, Юля, — говорил Совенок, жмурясь под лаской, — я сильный. Меня не так просто убить. Обещаю, ты не пожалеешь, что стала моей ассарой, я не подведу.

Юля кусала губы, сдерживая слезы. Вот чего больше всего боялся Совенок. Не быть убитым или покалеченным, а разочаровать в себе ассару. Долбаный мир. Дурацкие установки. Сколько они вместе, а деть все так же боится, что она уйдет, если он подведет или окажется слабаком.

— Никогда, слышишь, никогда ты меня не разочаруешь. Я буду тебя любить, даже если ты провалишь все экзамены на свете.

— Но если я провалю все, меня выгонят из дворца, — возразил Совенок, проявляя взрослую рассудительность.

— Плевать, — решительно отмахнулась Юля, — на одном дворце свет клином не сошелся. Будем жить у меня. Станешь ходить в обычную школу, сдашь ЕГЭ.

Совенок тяжело вздохнул. Ему тоже хотелось мороженого и мультяшек, но он оставался сыном своего народа даже под притягательной силой иномирных аттракционов.

— Не могу. Я — Столп.

Юля тоже вздохнула, кляня в душе долг, который висел над таким маленьким ребенком.

— Ты главное помни: мы команда. Я всегда прикрою твою спину, даже если весь дворец встанет против.

— А Четвертый? — ревниво осведомился Аль.

— И Четвертый, — согласилась Юля.

— Третий, Второй? — принялся перечислять любимых братьев.

— Куда мы без Третьего, — кивнула, запнулась на Втором, но расстраивать пережившего покушение Совенка не хотелось. — И Второго тоже берем в команду. Он у тебя з-заботливый.

Ага, такой заботливый, аж зубы сводит. Когда там отпущенный срок истекает? Начала считать, сбилась. Дня через три или четыре? Плевать. Она вроде как выбор сделала, так что пусть мечтающий о многоженстве товарищ идет лесом, ну или морем — он же пират.

— Слушай, а на Зимний праздник у вас принято собираться семьей? — озаботилась

вдруг.

— Конечно, — важно покивал деть, — приедут все. Даже, — помрачнел, — Пятый. И матери тоже.

То есть массовый сбор обеспечен. И ведь каждый, через одного, недолюбливает Совенка и мечтает о том, чтобы выпнуть слабого дѣтеньша из дворца. Тут одним пулеметом не обойдешься — заклинит. Да и массовый забой птичника — заманчиво, но не вариант.

— Прорвемся, твое высочество, — похлопала Аля по руке, — подумаешь, родственнички. Рядом теперь я. Есть куда сжеживать яд.

Точно. Побольше экспрессии, наглости и нездоровых улыбок, и она станет главным раздражителем птичника. Как говорила Раневская: «Жить надо так, чтоб запомнили даже сволочи». Вот и пусть запоминают... Ей не жалко.

— О чем задумались, госпожа ассара? — спросила ее величество.

О чем, о чем? О том, кто из птичника может быть замешан в покушении на Шестого и как их вывести на чистую воду. Нужна провокация, вот только портить вечер Седьмой не хотелось.

— О праздниках, — решила не обострять отношения, — у нас на зимние принято наряжать особое дерево — ель, петь про него песни и водить хороводы, а еще загадывать желания. Ну и считается, как праздник встретишь, так год и проведешь.

— Интересная традиция, — задумчиво отозвалась Эллиана, — я бы хотела летом немного зимнего льда в компанию.

Юлю посадили под обстрел взглядов справа от королевы, разом решив все вопросы со статусом. И птичник вел себя точно прирученный тигр: мило, по-домашнему. Только Софрана сидела с постной миной, уткнувшись взглядом в стол. Если бы она знала, какие планы бродят в голове у Юли — бежала бы из дворца, не оглядываясь.

Кое-кто из дам решился задать пару вопросов о том, нравится ли Юле их мир и сильно ли он отличается от ее родного.

Тема отличий оказалась благодатной, и следующий час все активно обсуждали казусы и конфликты межмировой торговли. Юля узнала, что где-то существует народ мелкорослых скупердяев — не гномы ли часом, есть и творцы прекрасного — за их скульптурами и картинами гоняются все. Кто-то славился своими целителями, кто-то мастерами оружейниками, кого-то особо воинственного любили нанимать в наемники. Но иммиграция здесь не приветствовалась, могли подписать контракт на пару лет, а после — изволь возвращаться в родной мир. Единственное исключение — брак и дети. С другой стороны — доступность иных миров могла породить хаос почище иммиграционного кризиса последних лет на Земле. Хотя с порталами проще, чем с границей — перекрыл и нет проблем.

— Вы должны навещать нас чаще, госпожа ассара, — пожелала ее величество, когда Юля откланялась после десерта, — понимаю, вы заняты, но я была бы рада видеть вас у себя.

Иными словами — птичник надоел, а свежий человек всегда интересен.

Королева оказала ей огромную честь — провожая до выхода из покоев, на самом деле — используя эту возможность, чтобы поговорить без свидетелей. Безмолвные не в счет.

— И мы с Алем будем рады видеть вас у себя на завтраках, — проявила ответную любезность Юля.

— Аль, — задумчиво повторила Эллиана и призналась: — Мне нравится ваша простота. Потом помрачнела.

— Слышала о покушении. Как он?

— Едва успели. Я чуть не умерла от страха, — честно призналась Юля. Ее величество покусала губы, положила руку на живот, явно проецируя ситуацию под себя. Проекция ей не понравилась. Черты лица стали жестче, рука сжалась.

— Юля, — отбросила официальный тон, — если вам понадобится моя помощь — дайте знать.

— А вы, — Юля помедлила, не решаясь сразу спросить прямо, — тоже считаете, Шестого надо заменить?

Ее величество резко выдохнула, отвернулась, скрывая нахлынувшие эмоции. И Юля поняла — да. Внутри обожгло разочарование — она-то считала эту женщину другом. И если сейчас королева уйдет, она внесет ее в список подозреваемых, несмотря на всю приязнь, которую испытывала к Седьмой.

Но королева не ушла. И через пару минут раздался ее глухой голос:

— Судить проще того, кого не видишь. Когда я услышала о том, что Альгар сбежал, то поняла, что ошибалась. Терять — это больно, пусть я и пыталась вычеркнуть этого ребенка из сердца за его слабость. А потом появились вы, и я научилась видеть не только силу. Я на вашей стороне, Юля.

В комнату к Совенку Юля входила полная противоречивых чувств. С одной стороны, позиция ее величества была понятна. Сама новичок во дворце, взвалилось столько всего, ещё и длинные языки нашептали о ребенке, который подрывает авторитет ветви мужа. Было ли другое решение проблемы? Должна ли она была принять решение сама, без оглядки на остальных? Наверное, да. Впрочем, она так и сделала, первой протянув руку помощи ассаре и Шестому. Без истерик и глупых обвинений, как Пятая.

— Устала? — талию обвили сильные мужские руки, щеку пощекотало теплое дыхание. — Он в порядке и уже спит, не переживай. Я оставлю здесь безмолвных, они присмотрят.

Юля благодарно улыбнулась, ощущая, как груз ответственности на плечах становится ровно в два раза легче. Развернулась, заглядывая в глаза Фильярга. Любуясь на золотые искорки. Вбирая в себя черты его лица. И позволила увлечь себя в коридор.

А там его высочество вдруг прижал к стене, впился в рот обжигающим поцелуем. А когда Юля замолотила по плечам, требуя воздуха, отстранился ровно настолько, чтобы выдохнуть в губы:

— Весь день об этом мечтал.

— Нет! — мотнула головой Юля. Нет у нее времени на личные отношения. Не сейчас, когда над Совенком нависла опасность. Вот разберется с врагами и подумает о себе.

— Нет? — изогнул брови Четвертый. Глаза полыхнули яростью. — Ты хоть понимаешь, кого дразнишь, наглая девчонка?

Всего лишь четвертое высочество. На которое она должна была подсесть как на наркотик. Не подсела. Фильярг привлекал, она много чего к нему чувствовала. Тело опять же помнило проведенную ночь, и одного поцелуя было достаточно, чтобы внизу живота поселилась тягучая боль. Но наркотик? Увольте. Ее разум ещё с ней.

Внезапно стало весело. До безбашенности.

Стряхнула невидимую пылинку с мужского плеча. Улыбнулась.

— И что ты сделаешь единственной ассаре во дворце?

Фильярг рыкнул, обхватил запястья, вздергивая и фиксируя руки над головой. Прошептал в губы.

— Я сделаю так, что завтра утром ты не сможешь встать с кровати. И никаких отговорок. Ты достаточно меня помучила. Поверь, дальше только хуже будет.

Ой. Кажется, наркотиком стала она сама. Посмотрела в потемневшие, полные решимости глаза и поняла — не врет. Дернулась, и Фильярг крепче сжал. Улыбнулся с намеком, что трепыхания бесполезны. И она замерла, не зная, что делать. Да и надо ли?

Лицо мужчины вдруг исказилось. Он отпустил запястья, прижался лбом к ее лбу. Прошептал, явно делая над собой усилие:

— Прошу, не отталкивай. Останься со мной.

Выдохнула, точно ныряя в прорубь. В голове зашумело как от бутылки сухого красного. Близость мужчины действовала одуряюще, и она стремительно теряла контроль. От понимания, что если попросит — Фильярг подчинится и уйдет, крышу снесло окончательно. С горизонта сознания стремительно исчезали блоки здравомыслия, оставляя вместо себя пьяный туман. И хотелось одного — побыть любимой женщиной хотя бы на эту ночь.

Сама обняла за шею. Сама нашла губы. Прижалась, плаваясь и пылая. И растворилась в ответной любви.

Четвертый точно стремился отыграть потерянное за эти дни. Был ненасытен. Нежен и одновременно груб. Растягивал удовольствие, чтобы потом ворваться с диким напором. И Юля сдалась, отдаваясь умелым рукам. Подставляя шею под горячие поцелуи. Доверяя словам, что за Совенком присмотрят.

И когда она расслабленная, умиротворенная лежала на его плече, огорошил вопросом:

— Ты где хотела бы сыграть свадьбу? Сначала на Земле или здесь?

Отвечать не хотелось. Хотелось послать. Куда подальше.

— Нигде, — буркнула. Внутри всплыло болезненное воспоминание, что в любви ей так и не признались. Роем взметнулись прежние подозрения: магия, контроль, опекунство... Нет, она так не играет. Для семьи нужно что-то большее, чем просто хороший секс. Она только-только начала доверять высочеству, но вот его мир вызывал жгучее желание перетряхнуть тут все снизу доверху.

— Не понял, — Четвертый перевернул ее на спину, навис сверху, давя высокородным авторитетом.

— Слушай, твое высочество, — проговорила лениво, прикрывая глаза — спать хотелось невероятно, — я приняла ваши правила. Ты хотел контроль над моей силой, ты его получил. Что еще?

— Что еще? — прошипели сверху. Приоткрыла один глаза, лицезря над собой взбешенного мужчину. В глазах — расплавленное золото. От тела идет злой жар. Две руки по краям — точно наручники. И как-то неудобно стало... Она же под ним полностью обнаженная.

— Дай поспать, а? — потянула на себя край одеяла.

Не станешь выпрашивать: «Ты меня любишь?». Фильярг не дурак. А ей честный ответ нужен, а не выдвигаемый обстоятельствами. Да и не представляет она себе замужество здесь. Вот через годик, два... Когда научится контролировать, когда примет магию, когда передушит всех врагов Совенка или сожжет. Н-да... Все же надо начинать с контроля, а не с замужества.

— Спать хочешь? — с угрозой в голосе спросил Фильярг, и Юля поняла, что годика у нее нет. Прикопают здесь, если она не даст ответ. Но Четвертый решил сменить тактику.

— Знаешь, моя упряmica, что слаще всех спят замужние женщины? Под защитой

мужчины? — мурлыкнул Фильярг, опустился на кровать, обнял, привлекая к себе. Поцеловал в шею, чуть прикусил, пустив мурашек по коже.

— А если мужчина храпит? — с сарказмом поинтересовалась Юля. Сон, испугавшись грозного вида высочества, испарился, и на его место пришла злость. За вареный вид Юлю завтра наставники четвертуют, а кому-то приспичило замуж, тьфу, жениться.

— Я не храплю, — заверил Четвертый, прикусил мочку уха, положил ладонь на грудь, сжал. И Юля прерывисто выдохнула от взметнувшихся эмоций.

— Все вы так говорите, — проворчала, возвращая себе контроль и запрещая обращать внимания на поцелуи, на скользнувшую вниз руку. Так незаметно окажется связанной иномирным браком. Ей и покровительства хватило, на которое бездумно согласилась.

— А ещё муж балует супругу, покупает ей самые красивые платья, драгоценности.

Юля зевнула. Скучота.

— Платья мне покупает корона. Деньги дает твой кузен. Так что я сама могу купить себе все, что захочу.

Объятия стали жестче, а поцелуи обжигают.

— А если захочешь детей?

Дети — аргумент. Вряд ли здесь дошли до искусственного оплодотворения. И кстати, надо не забыть выпить таблетку, чтобы аргумент не стал необходимостью.

— У меня уже есть один. Мне хватает. Ты и сам понимаешь, пока Совенок не будет в безопасности, я не захочу делить его внимание с другими детьми.

Вот только ревности Аля ей не хватает для полного счастья. Тут с одним взрослым ребенком справиться бы, который никак не может уgomониться.

— У вас пятилетний план по свадьбам? — спросила с насмешкой. — Какая-то традиция? Сроки? Ритуал? Нет? Тогда дай мне больше времени.

За спиной замолчали. Напряженно. Зло.

— Хочешь больше времени? — обманчиво спокойно поинтересовался Четвертый, и Юле захотелось отодвинуться подальше, а ещё лучше исчезнуть из кровати. Кто-то сейчас явно жаждет крови ассары.

— Пусть будет по-твоему. Только учти, я тебя никуда не отпущу. И разрешение на брак как твой покровитель не дам.

И стиснул так, что трудно стало дышать.

Юля уже засыпала, когда Четвертый прошептал обещание:

— Ты всё равно станешь моей.

ГЛАВА 13

Просыпаться утром в мужских объятиях, нежиться под лаской, получать легкий поцелуй в шею как намек, что кто-то не против перейти к активным действиям — что-то в этом есть.

Тело приятно ныло, в голове царил тот самый здоровый пофигизм, когда все проблемы мятыми фантиками валяются в уголках разума и ни разу не выглядят серьезными.

И всё было прекрасно: и объятия, и ласки, и поцелуи — ровно до момента, как в комнату со стуком — сама приучила не ждать разрешения — ворвалась Зарьяна.

— Госпожа ассара, вставайте скорее, вас Седьмая ждёт на завтрак.

Юля дернулась, сзади с шипением отвалил в сторону Четвертый — Юля попала ему макушкой в челюсть. Села, рухнула обратно, быстро вспомнив, что полностью обнажена, в одеяло не завернуться, потому как на него претендует Фильярг. А прятать принца поздно. Хана репутации...

— Ваше высочество, — склонилась в поклоне Зарьяна, — вам завтрак сюда подать или вы присоединитесь?

— Присоединюсь, — величественно кивнул этот... из кровати. Без малейшего смущения. Еще и за завтраком планирует себя продемонстрировать. Мол, смотрите, где я ночь провел и с кем.

Щеки горят. В горле пересохло. стыдоба... И вроде как взрослая женщина. Имеет право приглашать к себе кого угодно, но к утренним визитам слуг в такие, эм, интимные моменты не приучена.

Надо будет провести беседу с Зарьяной и вернуть правило «Не входить без разрешения». Правда, репутацию это не спасет... Ее теперь только усугубить можно. Например, Третьим.

Еще и Седьмая так «вовремя»... Она, конечно, приглашала её величество на завтраки, но не рассчитывала на столь оперативный отклик. Может, случилось чего-нибудь?

— Юля! — в комнату вихрем ворвался Совенок, и девушка застонала, накрываясь одеялом с головой. Не спальня, а проходной двор. Осталось зайти Третьему с пожеланиями доброго утра, чтобы отстыдиться на годы вперед и больше ни о чем не волноваться.

— Ты себя плохо чувствуешь? — встревожился Совенок.

— Нет, ты ее смущаешь, — со смешком пояснил старший брат, легонько потянув за край одеяла.

— Да? — озадачился деть и тут же озвучил следующий вопрос: — А свадьба будет? Вы же поженитесь? Я хочу гулять на свадьбе, там всегда вкусно кормят.

Юля закашлялась, маскируя смех, а сверху поинтересовались:

— Госпожа ассара, вы же выполните просьбу своего подопечного?

Вот же... Интриган дворцовый. Поднаторел на подданных, а теперь издевается.

— Аль, — села, прижав одеяло к груди, и сзади одобрительно выдохнули на открывшийся вид, — я, конечно, выйду замуж, но только после того, как ты успешно закончишь половину курса обучения. Так что с меня замужество, с тебя сдача экзаменов за, эм, седьмой курс. Договорились?

Нет, а что? Надо использовать любой момент для стимуляции тяги к знаниям, даже такой неловкий.

— Семь лет? — спину, точнее, нижнюю ее часть ожег возмущенный шепот. А вот нечего использовать детей в своих планах. И вообще, здесь живут в два раза дольше. Так что не будем торопиться.

— Семь лет, — расстроено повторил Аль.

— Ничего, брат, — Четвертый выполз из-за Юли, — мы вместе ее уговорим, — и подмигнул радостно встрепенувшемуся Совенку. Интриган!

Седьмая почтила визитом не одна, а в компании с Софраной. И кое-кто сейчас усиленно пытался держать лицо, но выдавала подрагивающая в руках чашка с травяным чаем. Юля только плечами пожала — трясется так, словно ее здесь съедят.

Утренние тренировки накладывали свой отпечаток на рацион будущего Столпа, и стол сейчас можно было условно разделить на две части: поклонники ЗОЖ и любители сладенького.

Не то чтобы его высочество кормили плохо, но... Юля с усилием отвела взгляд от корзинок с кремом, стоящих перед дамами, каждая из которых была произведением искусства. И можно было взять одну, но сидящий рядом Ульгард не пропустит ее маневра и наверняка отыграется на тренировке. Кстати, он был единственный из всех, кто получал

удовольствие, поедая мешанку — странного вида густую кашу, содержащую перемолотые семена, орехи, злаки и... много всего полезного.

Совенок ел кашу бодро — привык, Юля грустила над каждой ложкой. А когда рядом стояли аппетитные, но недоступные вкусы, иномирный ЗОЖ воспринимался особенной пыткой. Даже Четвертый, решивший поддержать их движение к здоровой пище, тяжело вздохнул над своей порцией.

— А что это вы едите? — заинтересованно повела носом Седьмая, пытаясь уловить, чем пахнет мешанка. На взгляд Юли — скошенной свежей травой. На вкус... трава однозначно улавливалась, но терялась на фоне преобладающей пресности.

— Это, ваше величество, — оживился Ульгард, накладывая себе добавку — монстр, а не человек, — машрал — особый рацион воинов. Помогает восстанавливаться после тренировок, стимулирует рост мышц, придает бодрости и поддерживает гибкость суставов. Его употребляют Столпы во время тренировочного процесса.

По мнению Юли, единственное, что тренировала мешанка, была сила воли. Потому как добровольно это есть... Надо быть очень упрямым человеком.

— Да? — задумалась королева. С сомнением посмотрела на серо-зеленую массу, потом все же решилась: — Мой сын когда-нибудь тоже это будет есть. Так что я, пожалуй, попробую.

И получила щедрую порцию от наставника.

Юля затаила дыхание. Совенок тоже замер, в широко распахнутых глазах читалось восхищение — в его мире Седьмая явно прибавила сегодня очков.

Ее величество набрала ложку, принялась, на лице были заметны сомнения в собственном разуме, однако отказываться было поздно — подданные не поняли бы заднего хода королевы.

Вздохнула и запихнула в рот ложку мешанки. Замерла, прислушиваясь к ощущениям. Прожевала. Промокнула рот тканевой салфеткой и одобрила:

— Я думала, хуже будет. Есть можно. Если это еще так полезно, как вы утверждаете, наставник Ульгард... — и вторая ложка отправилась в рот. В рядах ЗОЖистов произошло пополнение.

— Скажите, госпожа ассара, а зачем вам машрал? Разве вы Столп? — спросила Софрана, невинно хлопнув глазками. Надоело сидеть молча, решила плюнуть ядом.

— Конечно, нет, — Юля с облегчением отложила в сторону ложку. Она не настолько упряма, чтобы это доест, — но все, чему я сейчас научусь, Альгар освоит в разы быстрее. Именно так работает ассарство.

— И потому Юля проходит программу обучения Столпов вместе с Шестым, — подтвердил Ульгард.

— Проходит обучение? — зачарованно повторила Софрана.

— Например, сегодня, после разминки и пробежки, я надеюсь увидеть покорение стены, а не тот позор, что был до этого.

Юля поежилась — опять скалолазание. С другой стороны, она уже знала, что извержение нарушает пространственную магию, и порталы перестают работать. А потому до вулканов придется добираться на своих двоих.

— А после, — предвкушающе улыбнулся наставник, — мы начнем тренировать бой на мечах.

— Вы не можете! — Софрана вскочила со стула. Юля аж залюбовалась: брови сурово

сведены, грудь вздымается, в глазах — буря негодования. — Это шутка, да? Женщина не может учиться бою на мече. Это противоречит Уложению морали.

О! Похоже, рано или поздно ей предстоит знакомство с этим «замечательным» документом. Местная мораль? Посмотрим, — и Юля мысленно потерла ладошки. Будет забавно сравнить их белое и черное с земными вариациями.

— Милая, вы забыли, ассары вне морали и правил, — с утонченной улыбкой напомнила королева.

А вот это была отличная новость. Приятно знать, что она «вне» системы. Только вот система норовит связать по рукам и ногам хоть браком, хоть покровительством.

И ещё это ласкающее взор потрясение во взгляде юного дарования по тарелочкам и промелькнувшая там зависть. Ну да... птичник вряд ли учат бою на мече.

— Господин наставник, как вам кажется, не будут ли полезны парные тренировки с таким же новичком, как я? — небрежно, словно между делом, спросила Юля. На стол рухнула тишина. Здесь сидели люди, которым не требовалось указывать пальцем — а кто у них планируется быть новичком.

Ульгард откашлялся. Кинул внимательный взгляд на покрывшееся бледностью лицо Софраны и выдал всем известную истину, подписывая приговор:

— Всегда полезно учиться на чужих ошибках.

— Вы не посмеете, — выдохнула Софрана, падая обратно на стул.

— Я согласна с господином наставником, — внесла свой голос королева, — и вижу много пользы в общении с госпожой ассарой. А я надеюсь вы, — в голосе зазвучал металл, — не подведете меня, Софрана? Продемонстрируйте нашей гостье, что вы истинная дочь Асмаса?

Судя по виду «дочери», она готова была отказаться от почетного титула, но нашла в себе силы выдержать удар. Склонила голову, смиренно произнесла:

— Как вам будет угодно, ваше величество.

— Не погаси огонь, Софрана, — потребовала Седьмая. Видно, это было аналогом «не подведи».

Четвертый изогнул бровь, спрашивая взглядом: какого тут происходит. Юля и сама не знала, какого. Понятно, зачем Ульгард согласился — ещё одна тушка для наставнического пинка. Ее величество подыграла, а вот она сама... Никак черт дернул. Или причина в том, что ей подсознательно захотелось разбавить мужское общество, пусть и таким странным образом. Кто бы мог подумать... она и птичник. Как говорится, друзей надо держать близко, а врагов — ещё ближе.

— Я это не надену! — Софрана зло сверкнула глазами на предложенный костюм.

— Хочешь продемонстрировать, что там у тебя надето под платьем, когда полезешь на стену? — насмешливо спросила Юля. — И не переживай, он новый.

Жаркий спор быстро перевел их на «ты», и сейчас Юля чувствовала себя так, словно обзавелась мелкой и очень вредной сестрой, пусть формально та и была старше.

Переоделась и обронила, выходя из комнаты:

— Опоздавший бежит лишний круг.

За спиной зашуршали упаковкой.

Малый зал силы сегодня настораживал обилием народа. Во-первых, безмолвных подпирало стены раза в три больше, чем обычно, во-вторых, ее величество степенно беседовала о чем-то с наставниками, в-третьих, суматоха привлекла зрителей из соседнего

зала и в проеме двери постоянно мелькали чьи-то лица. Словом, к местным приехал цирк.

— Разминка, — махнул рукой Ульгард, и Юля с Совенком затрусилы по кругу. Софрана бросила умоляющий взгляд на ее величество, но помощь не пришла.

На втором круге они догнали новенькую. Та уже не бежала — плелась с красным лицом, дыша точно пережравший пони. Очень нарядный пони — волосы покрывала сеточка с драгоценными камнями, в ушах болтались объемные серьги, на шее — кулон. В сочетании со спортивным костюмом смотрелось феерично. Точно Золушку по ошибке вместо бала закинули в спортзал.

— Ну-с, надеюсь, вы меня порадуете, — Ульгард кивнул на стену. Совенок обезьянкой взлетел наверх. Юля с гордостью залюбовалась, пропустив тот момент, когда валявшаяся дохлой рыбой Софрана вдруг оказалась рядом. Более того, легко и непринужденно дотянулась ногой до уступа, сев почти на шпагат. Юля такой растяжкой похвастаться не могла, несмотря на старания наставника. А между тем истинная дочь Асмаса ящерницей ловко поползла наверх. Юля скрипнула зубами — гибкая зараза — и двинулась следом.

Когда, взмокнув, с подрагивающими от напряжения конечностями спрыгнула вниз, все тело было как желе. Но сегодня она смогла подняться чуть выше половины. И наставник прав — злость от успеха соперника придает сил.

— Лучше, — скупно похвалил Ульгард, протянул стакан с водой и объявил: — Десять минут перерыв и начнем урок.

Юля огляделась — Аль обнаружился в дальнем конце зала в компании двух старших мальчишек. Сердце вдруг кольнула тревога.

— А ты неплоха, — сказала подошедшая к ней Софрана и снизошла до похвалы: — Может, еще толк и выйдет.

— До тебя мне далеко, — честно призналась Юля, не выпуская троицу из вида.

Софрана польщено фыркнула. Проследила за ее взглядом и сказала:

— Близнецы Рихас из восьмого теората. Те еще поганцы. Не успели приехать, как что-то затевают.

— Ты их знаешь?

— Мы соседи, я из Седьмого. Это традиция — отправлять незамужних женщин прислуживать королеве, чей номер совпадает с номером теората. Шестому в этот раз не повезло, — не удержалась от шпильки, добавив: — Их выслали из дворца сразу со смертью Шестой королевы.

Юлю не слишком волновали традиции придворных дам, как и проблемы Шестого теората, а вот близнецы тревожили.

— Как думаешь, что они затевают?

— Это всем известно, — пожалала плечами Софрана, — будут уговаривать его высочество участвовать в Зимних играх. По возрасту он уже может играть.

Сердце екнуло, и Юля поняла — вот оно.

— И что за игры? — поинтересовалась небрежно, а внутри все каменело от тревоги.

— Просто игры. Ничего серьезного. Надо пройти через выстроенный городок. Мой брат в этом году отвечает за его строительство. Говорит, устроил пару знатных подстав. Обязательно пойду посмотреть, как детишки валяются в грязи. Интересно, в этом году кто-нибудь умрет?

Юля сглотнула. Детский городок. Игры. Но это же дурацкий мир, где даже дети должны доказывать, что они достойны огня.

— Покажешь вечером? — повернулась к девушке.

Софрана ответила вздернутой бровью. Оценивающе осмотрела, потом спросила:

— Ты правда дружишь с калкалосом? И чуть не прибила Пятую?

— Если я отвечу «да», ты поможешь?

Девушка задумчиво помолчала.

— Не знаю, зачем тебе детский городок, но я могу взять у брата ключ от двора, где он стоит. Взамен, — Софрана склонила голову набок, — ты попросишь калкалоса покатать меня.

А кто-то, оказывается, любит не только пошалить, но ещё и пощекотать нервы.

— Я могу его позвать, но катать тебя он вряд ли согласится.

Софрана кивнула.

— Хорошо, договорились. В пять я встречу тебя у западного выхода из башни принцев. Не опаздывай. Ждать не буду.

— Догадываюсь, зачем ты здесь, — Софрана бросила на Юлю выразительный взгляд, приложила пластинку к двери, которая здесь заменяла ключ. Защита пошла рябью и исчезла, девушка толкнула створки.

— Это не поможет. Со стороны все равно ничего не видно.

Юля пожалала плечами — она и не собиралась просто смотреть. Вдвоем они вышли на открытый двор. Снега здесь видно не было — над головой поблескивала тонкая пленка защитного купола, но прохлада ощущалась. Юля, скинув плащ, под которым прятался удобный спортивный костюм, зябко повела плечами. Ничего, сейчас согреется.

Сам двор представлял собой амфитеатр, в центре которого деревянной абorigineмов возвышался городок. Эдакая смесь фантазии: эльфы живут на дереве и обиталища разумных обезьян. Сквозь толстые деревья, которые, похоже, были здесь и выращены — так органично они вплетались в рисунок городка, — вели сквозные проходы. Веревоочные лестницы переплетались с ветвями. Настилы опоясывали уровни. Со стороны смотрелось нагромождением хаоса, но смысл в этом наверняка был.

Софрана медленно двинулась по кругу, а вот Юля, не желая терять времени, направилась прямо к старту. Натянула перчатки. Проверила шнурки на ботинках — надо будет заставить Совенка завтра выступать в земном. Ещё и тейпы наклеить, чтобы не растянул себе ничего. Затянула потуже резинку на волосах и шагнула на первую ступеньку.

— Ты! — взвыли внизу. — Тушенная мочой вальшгаса головешка.

От удивления — какой образ, вах! — Юля покачнулась, но успела перехватить веревку и удержать равновесие.

— Тупоголовый ерьк! Самка чаркса на яйцах. Чтоб тебя огневушки сожрали!

А местный птичник знал толк в ругательствах.

— Вот какую жырghвову задницу тебя понесло по детским забавам ползать?

Какого, какого... Если Совенок завтра проиграет — расстроится. Если покалечится — расстроятся остальные, потому как Юля озверевает и начнет винить всех подряд. Сделает в итоге лишь хуже, окончательно разрушив репутацию Аля.

А выход простой — пройти трассу заранее, а завтра по связи передать свои воспоминания. И пусть это читерство, но вынуждать малыша принимать заранее проигрышный спор... Грязная игра. Так что она имеет право ответить тем же.

Только кто знал, что местные детям устраивают не просто веревочный городок высшего уровня сложности, а ещё и ловушки похлеще южноамериканских индейцев.

— Если не спустишься, клянусь пламенем, я лично сожгу твою задницу и пеплом развею.

Юля вздохнула — и чего надрываться-то? Подумаешь, она один раз застряла между бревен, получила какой-то бадьей по голове, повисела на руках, пока ногами нащупывала капризное бревно, но ведь не упала же!

Глянула вниз, поморщилась — падать не хотелось. Там то грязь, то какое-то сено, то ещё что-то губчатое...

С безмолвными удалось договориться легко:

— Встанете между мной и подопечным? — спросила с насмешкой у тени, и та проворчала недовольно:

— Вы все-таки видите нас, госпожа ассара. И если вам так нужно, мы не будем мешать.

Они и не мешали. Контролировали. Пару раз Юля ощущала, как в опасные моменты воздух вокруг уплотнялся. Зато Софрана решила, что за покалечившуюся ассару спросят именно с нее, и оглашенной носилась по периметру. Сначала уговаривала, потом перешла к угрозам. Весьма впечатляющим, кстати, надо будет потом записать.

Видя, что не помогло, включилась в процесс.

— Там крюк есть. Как нет? Он просто в цвет доски покрашен. Ищи на ощупь. Йошш! Теперь аккуратно ставь ногу на левый круг.

Черт! Круг провалился. С ним провалилась и Юля, повиснув на руках. Растянутые связки обожгло болью. Она задергалась, пытаясь нащупать хоть что-то, зацепилась ногой за другой квадрат. Тяжело дыша, выбралась на подвесную тропу. Страховки здесь, естественно, не было. Она же, твою мать, признак слабости.

— Я говорила — на левую! Неужели это так сложно! Если решила убиться, сделай это красиво!

Аха! У них ещё и культ смерти. Ну конечно, сильные не могут умирать просто так в постели или на горшке, или запнувшись о грабли. Им обязательно битву подавай, подвиг. А она вот согласна на постель в глубокой старости.

Посмотрела на дыру. Потом на Софрану.

— Она и была левой, только с моей стороны.

Повисла неловкая тишина, потом снизу донеслось тихое:

— Прости.

Юля вздохнула — и полезла на другой уровень.

— Все! Это невозможно. На тебе живого места нет.

Софрана подала платок. Юля вытерла лицо, чтобы хоть как-то очистить глаза от залепивших их грязи. Упала она знатно — как бутерброд маслом вниз, и теперь под ногами в грязи был виден отпечаток иномирного тела.

— Ну проиграла, бывает. Ты чужачка и не обязана следовать путем Силы, — утешала ее Софрана.

Юля скрипнула зубами. С ненавистью посмотрела на качающийся наверху мешок. Не успела уклониться. Прилетел откуда-то сбоку. Просто возник на периферийном зрении, а в следующий миг она, получив удар в плечо, полетела вниз. Даже безмолвные не успели среагировать — мешок был в слепой от них зоне.

Встала на пошатывающихся ногах. Оттерла лицо. Посмотрела на одежду — свинья свиньей.

— Ты — молодец. Упрямая. И сильная.

На лице Софраны тревога перемежалась с облегчением. Ей явно хотелось, чтобы все закончилось, и чокнутая вернулась к себе. Интересно, почему до сих пор не сбежала? Почему решила помогать?

— Я бы давно уже сдалась. А ты сделала все, что могла. Если ты права, и ассарство работает, он завтра пройдет половину. Это уже хороший результат.

Хороший, но недостаточный. А потом Совенок полетит в грязь. И если чудом уклонится от мешка, что ждет его там, ближе к финишу?

— Эй? Ты куда? Стой, ненормальная!

Догнала уже у старта.

— Подожди, ты вся в грязи! Как ты полезешь?

Юля пожалала плечами. Молча. По-русски. Иногда матерясь. С матом оно как-то злее выходит.

— Дай очищу, — потянула за рукав, заставляя стоять смирно, — и не бойся, у меня с очищающими хорошо выходит. Почти.

Вышло действительно хорошо, а главное — сухо. Только один рукав сполз вниз — нитки расползлись, и Софрана пожертвовала шарфом, чтобы замотать плечо — кожа там была синей от ушибов. Смотрела она при этом на девушку так странно, точно видела впервые. Но хотя бы останавливать больше не пыталась.

— С Богом, — пожелала себе Юля и шагнула на первую ступеньку.

— Отдыхаешь? — Третий возник на пороге кабинета, осмотрелся, выбрал кресло у окна, сел, приглашающе махнув брату рукой на соседнее. — Где ассару потерял?

— Юля устанавливает межмировые связи. Софрана вызвалась показать ей дворец, — ответил Фильярг. Подумал, плеснул в бокалы на пару глотков Ледяной настойки.

— Дворец? — задумчиво повторил Харт, принимая бокал. Заглянул, одобрительно кивнул. — Конечно, ей должно быть интересно его посмотреть.

На лице промелькнула досада, точно он только что понял очевидное.

— Почему без Шестого? — поинтересовался, делая глоток.

— Пропустил часть занятий, теперь наверстывает, — пожал плечами Четвертый, — а Юле надо немного передохнуть. К тому же ты не считаешь, что она привыкла к подругам, а вокруг лишь наши рожи — Седьмая не в счет.

— Вижу, мой брат начал задумываться об удобстве своей женщины. Похвально. Надеюсь, прогулка пройдет спокойно.

— Я освободил от лишних глаз сад Цветов и пару Северных галерей. Добавил безмолвных. Если не будет проблем с Софраной, все пройдет без происшествий. Она ведь из Седьмого тэората?

— Из Седьмого, — подтвердил Харт, — в меру вспыльчива, любознательна, любит бунтовать, чем весьма напоминает нашу драгоценную ассару.

— Контроль семьи? — спросил Фильярг, доверяя выбору брата. Харт умел разбираться в людях, и если он выбрал эту девушку для сближения, значит у него были на то основания.

— С матерью и отцом не в ладах, а вот старшего брата обожает. Но с этой стороны проблем быть не должно.

Братья помолчали, каждый думая о своем. Фильярг о том, что сегодня ночью он снова будет сжимать в объятиях сладкое, податливое тело. В спальню должны были доставить букет лунных роз. В кармане ждало своего часа кольцо — по земной традиции помолвки. И пусть только попробует его не принять!

Харт размышлял о том, насколько хватит его терпения. И следует ли что-то делать или уже оставить, как есть. Мысли о Юле давно превратились в саднящую в сердце занозу. Он свыкся с этой болью и даже наслаждался ею. Можно было надавить на девушку, потребовать ответ, но впервые в жизни ему не хотелось определенности. Подвешенность собственных чувств дарила возможность, а определенность раз и навсегда ее убьет. Он даст ей и себе больше времени.

— Слышал, Шестой собирается завтра принять участие в играх. Не рановато ли? — обеспокоенно поинтересовался Фильярг.

— Ты же знаешь, для Столпов действуют особые правила, — пожал плечами Харт, — пусть будет уроком — нельзя поддаваться глупым спорам.

— Но ему всего лишь четырнадцать! — нахмурился Фильярг. — Будут участвовать те, кто старше его минимум на два года. Он не сможет победить.

— Я на это сильно рассчитываю, — Харт залпом допил Ледяную настойку, выдохнул, прикрыл глаза, переживая огненный взрыв в желудке, потом пояснил: — Как ни пытайся, огня не утаишь. Слухи об ассаре и Шестом расползаются, несмотря на усилия. Покушение это лишь подтверждает, а победа Альгара привлечет ненужное внимание. И даже те, кто не верят в ассарство, пересмотрят свои взгляды. И первым всплывет то, что Столпа учит женщина из другого мира. Если мы не сработаем на опережение, Юле этого не простят.

— Опасаешься новых покушений?

— Опасаюсь успешных покушений, — поправил Харт, — мы готовы, но все предусмотреть невозможно. К тому же мне сильно не нравится подготовленность наших врагов. Слуга, принесший отмычку в покои Шестого, найден мертвым. Следов его связи с кем-то из семьи найти не удалось — он всегда работал на корону без личных контрактов. Был незаметен и, похоже, внедрен давно. Использование спящих — дорогостоящее удовольствие. Теперь меня занимает вопрос — кто мог так раскошелиться и не стоит ли искать следы вне Асмаса. Так что пусть завтра Совенок повалится в грязи. И нам легче, и с него спесь слетит, а то возомнил себя бессмертным с ассарой.

Фильярг усмехнулся, уловив нотки зависти в голосе брата. Им всем в детстве не помешала бы такая ассара...

— Боюсь, Юля твоего решения не одобрит, — покачал головой.

— Так сделай так, чтобы завтра не возникло проблем, — жестко произнес Третий, — а Юле... придется смириться с некоторыми вещами, если она хочет и дальше наслаждаться жизнью.

ГЛАВА 14

— Осторожно, не торопитесь, госпожа ассара.

Юля с благодарностью ощутила, как ее поддержали за плечи. Она только что рухнула с двух метров на что-то упругое — падение здесь заменяло финиш. Рухнула в своей излюбленной манере — лицом вниз. Когда отдышалась — самой не верилось, что прошла — встала на четвереньки. Тело болезненно взвыло. Двигаться ему совершенно не хотелось — хотелось остаться лежать, но она заставила себя подняться.

Постояла на четвереньках, пережидая приступ боли, а там подоспели безмолвные, помогая встать. Вот кого стоило благодарить за все. И за то, что страховали, и за то, что не мешали. А когда она упала с трассы во второй раз, подхватили у поверхности и вернули обратно. Читерство, да, но она и не претендовала на чистую победу.

— Юля! — с радостным воплем подлетела Софрана, однако безмолвные благоразумно

не пустили. Юля сейчас точно не готова была к обнимашкам. Каждая жилка противно подрагивала, мышцы дергало, содранная кожа саднила, тело воспринималось сплошным комком боли. Но вроде ничего серьезного или сломанного.

— Вам пора, госпожа, — тактично напомнили охранники. И Юля разом вспомнила, что времени прошло... много. И надо быстрее возвращаться. Стянула превратившиеся в недоразумение перчатки. Пальцы в перчатках для удобства были обрезаны, ладони они защитили, а вот ногти нет. Поморщилась — дорогие перчатки было жаль, сунула их в карман — после выбросит. Сейчас накинёт плащ и медленно поползет к себе.

— Госпожа, я смогу убрать часть синяков и ссадин, но вам надо в лазарет, — настойчиво посоветовал стоящий рядом безмолвный.

— Я могу очистить одежду, — тут же предложила Софрана.

— Нет, — ответили хором безмолвные.

Юля чуть не прослезилась — прямо заговор по прикрытие задницы ассары. И кто сказал, что в птичнике нет людей? Есть. Да и безмолвные оказались понимающими ребятами.

Посмотрела на погрустневшее лицо девушки, мысленно махнула рукой на костюм — все равно одного рукава нет, и согласилась:

— Чисти.

Но безмолвные вдруг отступили, утягивая за собой Софрану, а за спиной раздался знакомый голос. Юля испуганно обернулась.

Его высочество говорил спокойно, выглядел спокойно, но почему-то захотелось вернуться на опасную трассу, затеряться среди деревьев или просто исчезнуть.

— Сначала я думал, тебе так понравился сад Лунных Цветов, что ты забыла о времени. Потом я решил, тебя увлекли картины Северной галереи. Затем, что ты заболталась с Софраной и забыла счет пламени. Но тут я вспомнил, что вы из разных миров и вряд ли у вас найдется столько общих тем. И решил проверить. Но вас не было в садах. Я обошел, — Фильярг шагнул ближе, Юля отступила, — все СЕМЬ Северных галерей и ПЯТЬ Южных — вдруг вы решили насладиться искусством и там.

На самом деле Фильярг сразу связался с охраной и офигел, не получив быстрый ответ. Проявил настойчивость, потому как кое-кто тянул время... И сейчас мстил, добиваясь нужного эффект — вдруг у ассары проснется совесть?

Юля нервно сглотнула. Вид его высочества ей совсем не понравился. Какой-то он неадекватный... Неужели так сильно расстроился? Подумаешь, опоздала немного.

— А когда я не знал, что мне думать и где искать твой труп, и кого убивать за тебя, моя собственная охрана все-таки соизволила мне сообщить, где стоит искать заблудившуюся ассару.

Охрана напряглась и заслоном встала между ней и Четвертым.

Черт, все-таки расстроился.

— Не убили меня, я жива, все в порядке, — попыталась сгладить ситуацию Юля.

— Молчи, — выдохнул Фильярг, делая к ней шаг, наткнулся на безмолвного, рыкнул: — В сторону, а то из дворца вышвырнут твой труп.

И Юля поняла, надо срочно всех спасать, и себя в том числе.

— М-м-м, — простонала, привлекая внимание к насущному — ей плохо, больно, голодно, холодно и требуется срочно пожалеть, а не ругать. Изобразила обморок, медленно заваливаясь назад и надеясь, что кто-нибудь поймают.

— Она же сейчас упадет! — громко заволновалась Софрана, пока мужчины были заняты собой. И выяснением, кто круче — злой высочество или безмолвные.

В следующий миг безмолвного перед его высочеством снесло, а ее бережно обхватили, прижали к груди родные руки. И сразу так хорошо стало и спокойно, аж глаза защипало от набежавших слез.

— Где болит? Тебе плохо? — лихорадило Фильярга.

— Не убью я ее, — с рыком кому-то из сунувшихся безмолвных.

— Хотя и очень хочется, — тихо ей на ухо, многообещающе добавив: — Но точно отшлепаю.

— Все нормально, пара синяков, ничего страшного, — Юля обвила шею руками, чтоб не вырвался и попросила: — Ты ведь вылечишь меня, правда? И не станешь никого наказывать? Это я всех заставила. Честное-пречестное.

— Юля! — выдохнул он ей в губы. — Ты меня с ума сведешь.

— Ага! — радостно подтвердила, и высочество застонал в ответ.

Третий планировал сегодня лечь пораньше. День выдался заморочным, подготовка к праздникам отнимала много сил. Вдобавок эти дурацкие соревнования завтра... Никогда раньше он не воспринимал их всерьез, разве что когда сам участвовал в них ребенком.

Сколько ему тогда было? Семнадцать? На пару лет старше Совенка, тьфу, прицепилось иномирное словечко. Наставник тогда одобрил его участие, посчитав готовым. Он и оказался готов — пришел первым среди младших. Отделался парой сломанных ребер, вывихнутым запястьем, но победу заслужил.

Шестому завтра придется хуже. После Харт лично объяснит ему смысл урока.

Скинул штаны, рубашку, лег в кровать. Перевернулся — тревога внутри не отпускала, и Харт подумал, что заранее уже ненавидит все испытания, где предстоит принять участие младшему брату. Потому как адекватность ассары доверия не вызывала... А без риска, без закалки, без проверки на прочность какое обучение Столпа? Вот и лабиринт между водой и огнем.

Пискнул браслет связи. Харт даже обрадовался — все равно сон не шел. Подключился и выругался. С первого раза не попал в штаны, выругался повторно. Выскочил из покоев, на ходу застегивая рубашку. Влетел в соседние.

— Доклад, — потребовал у ближайшего безмолвного. Зацепил удивленным взглядом находившуюся в гостиной Софрану. Вскинул брови — а эта почему здесь? Но слава Девятиликому — жива и невредима.

Доклад слушал молча, стиснув зубы, чтобы не сорваться, не подняться наверх и не наорать на одну сумасшедшую, а ещё лучше пристегнуть к кровати и оставить на пару дней, чтоб поуменела.

Он и так позволил ей многое — ходить на выходные домой, отправлять сообщения родным, учиться как наследному принцу, а она, решив, что этого мало, захотела свернуть себе шею. И вроде бы решил все проблемы — заставил блокировать связь с подопечным, наладил отношения с покровителем. Нет, в ней точно огневушка сидит. Не женщина, а огонь в одном месте.

— Я понял, — процедил, делая себе мысленную пометку внести больше подробностей в распоряжение «Не вставать между ассарой и ее подопечным», а то некоторые себе шею готовы свернуть от усердия, а другие на это смотрят как на костер и ничего не делают.

— Свободны, — отпустил охрану, и внизу осталась лишь ночная смена.

— Госпожа Софрана, — подошел к девушке, с удивлением отметив покрасневшие глаза, бледность на лице.

— С ней все будет в порядке? — едва слышно прошептала та, подняв на него заплаканные глаза. Симпатичные, кстати.

Третий кашлянул, почему-то смутился, разом растеряв весь запал сделать строгий выговор. Но сказать что-то надо было, а то распустились все... Такое ощущение, что влияние ассары распространялось по дворцу со скоростью пожара.

— Госпожа Софрана, — повторил, добавляя строгости в голос, — я оценил ваш способ выполнить мое поручение. Вы меня удивили, решив задачу с первого раза. Честно сказать, я не ожидал от вас подобной оперативности, но сегодня...

Снова кашлянул. Кинул оценивающий взгляд на нервно мнущую край меховой жилетки девушку.

— Я разочарован. Полностью и бесповоротно. Боюсь, ваше безответное поведение вынуждает меня написать вашему отцу с просьбой забрать вас из дворца.

Девушка вспыхнула, бросила на него полный ужаса взгляд, прикусила губу, опуская голову. Харт наслаждался покаянным видом и продолжил давить:

— Скажите, зачем вы позволили ассаре рисковать жизнью? Почему не связались со мной?

— Я не могла, — еле слышно прошептала Софрана, — она шла путем Силы.

Харт поморщился. Только последователя этого спорного верования ему не хватает для полного счастья. Зря отец их тогда не запретил, хотя и сильно прижал.

Повернулся, заслышав шаги. Брат спускался, чуть пошатываясь, взгляд в одну точку, и целитель, который следовал за ним, бросал обеспокоенные взгляды на спину высочества.

— Что там? — спросил Харт, когда за целителем закрылась дверь.

— Ничего серьезного, — медленно и словно не веря самому себе, ответил брат, — ушибы, ссадины, пара гематом, легкое сотрясение мозга. Я попросил усыпить. Пусть поспит завтра до обеда.

Харт одобрительно кивнул. До обеда — это значит, что Альгар к этому времени закончит соревнования — младшие выступали первыми. Что же... Отличное решение проблемы.

— Нет! — эмоционально воскликнули рядом. Харт поморщился от резанувшего слух отчаяния в женском голосе. — Вы не можете так поступить! После всего, что она сделала, вы позволите ей пропустить игру?

Братья удивленно переглянулись. Фильярг моргнул и с раздражением, точно на насекомое, посмотрел на девушку.

— Вы еще здесь? — озвучил он вопрос Харта. — Я просил вас покинуть покои.

Софрана снова покраснела, но голову опускать не стала. Наоборот, подобралась, сжала ладони, вздернула подбородок.

— Да, я здесь. И здесь останусь, пока вы не пообещаете, что ассара завтра будет рядом с Шестым. Это ее место, ее долг, ее путь Силы. Вы не можете ей запрещать идти по нему!

— Что? — сузил глаза Фильярг, и Харт успокаивающе положил ему руку на плечо.

— Вон! — приказал, не оборачиваясь. Малолетняя дурочка! Понабралась от ассары манеры злить принцев. Неужели не понимает, насколько это опасно?

— Я уйду, — согласились сзади. И Харт с удивлением обнаружил, что покорности или паники в голосе Софраны не было, — но, клянусь пламенем, если завтра не увижу ассару во

дворе, я... — голос все-таки дрогнул, но тут же окреп, — я обращусь с прошением к ее величеству. Я пойду к наставникам Шестого. Я...

— Достаточно, — прорычал Харт, чувствуя, как каменеет плечо брата под рукой. Да он и сам ощущал стойкое желание свернуть шею идиотке.

— Уберите ее, — приказал охране, — иначе я сейчас тоже поклянусь пламенем, что в свою комнату ты не вернешься.

Прозвучало двусмысленно, хоть он имел в виду лишь камеру, а не что-то личное.

Слава Девятиликому, за спиной раздался шум — безмолвные работали оперативно, возмущенный писк, а после хлопнула дверь и наконец-то наступила тишина.

Харт отпустил плечо брата, обеспокоенно посмотрел на осунувшегося Четвертого. В голове мелькнуло с облегчением, что не ему завтра принимать решение, но Харт тут же прогнал глупую мысль. Пусть окончательное решение и за братом, ответственность разделят все.

— Нет, ты слышал? Меня ни во что не ставят, — наигранно возмутился. Каменное лицо Фильярга ему категорически не нравилось и захотелось отвлечь, поддержать.

— Понаедут во дворец из тэоратов, никакого понятия об уважение к власти. Путь Силы, — передразнил тонким голосом и добавил, скривившись: — Уж сколько боролись с этой гадостью, а вот живучая зараза. И ведь хватит упрямства пойти завтра к королеве. Если хочешь, я распоряжусь, чтобы ее заперли в покоях...

— Нет, — оборвал Фильярг, — не будем доводить ситуацию до абсурда. Девушку выбрал ты, тебе с ней и разбираться. Хочешь запирай, хочешь убирай из дворца...

Развернулся и ушел навёрх, не попрощавшись. Харт только головой покачал... Он не стал говорить, что одна сторона решения будет опасна для жизни ассары, другая — обострит отношения. Брат не дурак, понимает сам. Оттого и злой, как проснувшийся вулкан.

Вздыхнул, предвидя, что ассара победит, а разбираться с последствиями ему. Еще это расследование... Местные контрабандисты дружно разводят руками — черная смерть через них не проходила. Да и не их это уровень. Тут стоимость заказа равняется цене их посуды. Нужно искать кого-то наглого, жирного и не боящегося Асмаса. Придется идти на поклон ко Второму. Пусть поднимает связи среди такийцев.

А это мысль... В голове все равно сна нет. Лучше прогуляться, чем ворочаться в постели.

Второй не спал. Ответил на вызов через минуту. На заднем плане слышалась музыка, чьи-то крики, дробный стук каблуков.

— Швартуйся, — кивнул на просьбу о визите, тут же отключаясь, и Харт направился к выходу из башни Принцев — выстраивать портал во Второй тэорат.

Дворец высочества гудел — провожали дорогих гостей в дальнюю дорогу. Ярко пылали огни. Носились слуги с уставленными едой и напитками подносами. Под столами валялись отвалившиеся пирующие, наполняя пространство руладами храпа. Музыканты с усталыми лицами ожесточенно драли струны, выдавая одну мелодию за другой. Супруга Ларса, успев оправиться после родов, лихо отплясывала с каким-то мужиком. Харт только головой покачал. Ничего не изменилось. Удивительно, как брат успевал с делами разбираться между своими бесчисленными гулянками, ещё и жену себе нашел под стать.

На рассказ о покушении Ларс помрачнел, выругался и приказал принести выпить. Напиваться у Харта в планах не было — а пить со Вторым он давно уже зарекся, и потому попросил себе что-нибудь легкого, перейдя к остальным новостям.

— Нет, какие поганцы, — стукнул кулаком по столу брат, выслушав о завтрашней игре, — лично уши пообрываю.

— Считаешь, сами додумались? — Харт осторожно плотнул из стоящей перед ним кружки. Посудина устрашала габаритами — в ней голову мыть, а не пить, но местный взвар — легкий алкогольный напиток из плодов диких яблок — здесь пили только так. Напиток оказался сладким, слегка шипучим и обманчиво легким.

— Или сами, наслушавшись разговоров взрослых, на слабо решили подбить, или подсказал кто. Вот завтра и спросим, — мрачно подвел итог Второй и вдруг ухмыльнулся: — Не надоело ещё возиться с ассарой? А то я готов взять ее к себе на перевоспитание. Смотрю, вы вдвоем не справляетесь.

Харт прищурился. В голове приятно шумело, однако мысли были ясными.

— Ты уже нашел свою гавань, — скопировал говор брата, чувствуя, как сильно ему не нравится блеск в глазах Ларса, — да и за ассарой есть кому присмотреть.

— Неужели Четвертый взял наконец на бордаж? — вскинул брови Ларс.

— Разве тебе не доложили? Вот с чего, скажи, было оставлять своих людей? — спросил с легким раздражением. Недоверие брата вызывало злость, а взвар мешал ее контролировать.

— Не только тебе дорог Шестой, — посерьезнел Ларс, — должен же я был проверить, в чьи женские руки он попал.

— Твои проверки... — стиснул ладони Харт, внутри крепло желание надеть глиняный горшок с взваром на голову брата, но он сдержался, ограничившись предупреждением: — Не стоит так больше делать.

— Завязал на узел, — кивнул тот и обернулся к гудящей за столом толпе: — Эй, Фаррай, тащи сюда свою симпатичную задницу, дело есть.

Первым делом они выпили. Вторым тоже — за попутный ветер в парусах жизни. Третьим — за добрый нрав океана, четвертым — за вулканы — сто лет им спячки. Дальше Харт был просто свидетелем, как эти двое принялись с руганью, ором и стуком кружек по столу разрабатывать план по поиску плохих парней, обидевших ребенка. От взвара в голове царил легкая муть, и он великодушно позволил себе плыть по течению, обещая завтра все исправить: такойца вышвырнуть наконец из Асмаса, брату запретить даже приближаться к ассаре, а Шестому — принимать участие в играх. И все будет правильно и хорошо.

Из давящего липкого сна Харт выныривал долго. Когда вынырнул, с удивлением обнаружил у себя на груди ногу. Нога была чужой, вдобавок обутой в высокий кожаный сапог.

Харт с отвращением — зрелище грязной подошвы под носом настроения не добавляло — двумя пальцами подцепил край голенища и отшвырнул подальше. Раздался глухой стук, послышалась невнятная ругань, и нога с сапогом ровно по той же дуге прилетела обратно, пребольно ударив каблуком в грудь.

Харт раздраженно зашипел, помянул жыргову задницу и снова отправил сапог в полет, пожелав тому больше не возвращаться. Знакомый голос в ответ послал всех сдохнуть, а потом ему вернули обувь обратно. Однако Харт был готов и отбил подарочек на подлете.

Откатился, сел, прикрыл глаза, пережидая приступ головокружения. Во рту точно костер дров спалили. Огляделся — спальня его. Уже хорошо. На нем рубашка, только почему-то — приподнял руку — со странными порезами, словно его дикий зверь на ленточки пытался пустить. Штанов не было, они, аккуратно сложенные, лежали на полу рядом с ботинками.

За спиной всхрапнули. Харт ругнулся, растер ладонями лицо, обернулся и застонал... Второй, почему-то полностью голый, лежал на другой половине кровати — на груди красный отпечаток по форме каблука. Там же, в постели, обнаружился обладатель грязных сапог — голова где-то потерялась, были видны лишь голая в расстегнутой рубашке грудь, ярко-алые штаны и черные сапоги, вопиющим оскорблением смотрящиеся на белоснежном белье.

Харт поднялся, обошел кровать, заглянул в лицо обладателя красных штанов. Выругался и пошел умываться. Кажется, сегодня такойский корабль не покинет порт Второго тэората по причине отсутствия капитана на борту и присутствия его у Харта в спальне.

— Ассара, — легкий поцелуй вырвал из сна. Юля потянулась, ощущая боль в задеревеневшем теле. Сон был хлопотным... Всю ночь куда-то бежала, падала и жутко боялась опоздать.

— Опоздаешь, — подтвердили сбоку и прикусили кожу на шее. Тело отозвалось внутренней дрожью, Юля прогнулась, прижимаясь. Ее тут же крепко обняли, сладко сжимая и прогоняя ночные страхи. Потерлась носом о широкую грудь. Потом лизнула кожу, прикусила. Сверху рыкнули:

— Так мы точно никуда не пойдём.

Идти никуда и не хотелось. Хотелось раствориться в мужских объятиях, но в дверь заколотили.

— Юля, ты еще не встала? Опоздаем же!

И в памяти вспышками пронеслось: Совенок! Игры! И вчерашний разнос.

— Ой, — покраснела, прикусила губу.

— Неужели кому-то стыдно? — насмешливо поинтересовался Четвертый. — Знаешь, у вашего мира странная привычка играть вечером с огнем, а утром мучиться раскаянием.

Юля фыркнула:

— У вас нет?

— У нас договариваются с совестью сразу. Утро ничего не меняет. И если хочешь успеть выполнить свой план, поторопись с завтраком. Голодной я тебя не отпущу.

Фильярг притянул к себе, поцеловал, и Юля смущенно пробормотала:

— Прости, ты вчера за меня волновался.

— Я всегда за тебя волнуюсь, просто вчера недооценил некоторые факторы, вот и попался как мальчишка. А теперь беги, пока я не пожалел о том, что отпускаю тебя из кровати.

За завтраком Аль подпрыгивал как на иголках. Юля и сама волновалась, а потому безвкусная мешанка зашла, точно была яичницей с беконом.

Сегодня двор с игрушечной деревней был полон. Не считая приема в честь Шестого, Юля впервые видела столько местных. Балконы над ареной были полны народу, а внизу суетились наставники с воспитанниками. Мелькнули братцы — виновники сегодняшнего участия высочества в играх.

— Юля, — Совенок дернул за рукав, виновато шмыгнув носом, — если хочешь, я откажусь.

Юля вздохнула — она уже высказала вчера все, что думает по поводу глупых споров, но королевская честь — такое дело... От нее нельзя так просто отмахнуться. Степень позора тех, кто стоит наверху, пропорциональна возвышению над толпой.

— Следующий раз будешь умнее, а теперь послушай меня. Я — твоя ассара, ты в меня

веришь — и это здорово. Но мы с тобой не боги, а простые люди. Ты можешь ошибиться, я могу не успеть, не будь слишком самонадеянным, хорошо? Ты не бессмертный, даже если я рядом. Понятно?

Совенок кивнул. Вздохнул по-взрослому, и Юля ободряюще потрепала его по волосам.

— Но есть и отличная новость. Ты сегодня победишь. Если поверишь в себя, в меня — у тебя все получится. Доверься нашей связи, я подскажу, что делать.

Она присела на корточки, проверяя снаряжение. Как знала, что пригодится. Запали ей в душу слова Третьего о ползании по скалам, вот и купила снаряжение на себя и Совенка — перчатки, костюм с защитой, шлем, кроссовки с рифленой подошвой.

— Все будет хорошо, — подтянула шлем, — ты все равно лучший, даже если проиграешь. А теперь на старт.

Проводила взглядом стареющего шагать уверенно и независимо Совенка — взрослеет деть. Эти игры ему лишь на пользу. Главное, не паниковать самой и не сорваться, если что-то пойдет не так.

Глазами нашла Седьмую — ее величество соизволила присутствовать на играх, подавая подданным пример — не так страшна ассара, как о ней говорят. Потрясающая женщина. Надо будет сделать ей подарок и, кажется, она даже знает какой.

— Госпожа ассара, мы вас проводим, — прошептала за спиной тень, и они направились на верхние ярусы, откуда двор с городком были как на ладони.

— У вас все в порядке? Не было проблем из-за меня? — тихо поинтересовалась Юля. Мужчина вздохнул и проворчал:

— Мало того, что вы нас видите, так ещё и оскорбляете своей жалостью.

— Простите, — смутилась девушка.

— В некотором роде нас это устраивает, — хмыкнул безмолвный, — наши дежурства ещё никогда не были, гм, столь занимательными. Но позвольте нам решать наши проблемы с начальством самостоятельно. Не вмешивайтесь.

— Хорошо, — пообещала Юля.

ГЛАВА 15

Ей с Четвертым выделили отдельный балкон — разумно. Юля встала у ограждения, вцепилась в поручень. Внутри ядовитым комком разрасталось напряжение. Ужасно хотелось кофе. А ещё спуститься и поддать ускоряющего пинка организаторам. Неторопливым. Ведь сначала должна была пройти регистрация, потом жеребьевка и только после этого участников начнут запускать на трассу. Выматывающее ожидание.

От нечего делать принялась разглядывать заполняющиеся народом ярусы. Сплошняком сероволосые и загорелые. Лишь внизу мелькали чернокожие слуги. Знакомое разделение общества по цвету кожи. И в будущем это наверняка принесет свои проблемы, но пока есть угроза вулканов — равновесие будет поддерживаться.

— Волнуешься? — спросил знакомый голос, и, беря в кольцо, легли на поручень мужские руки.

— Ни капли, — соврала Юля, поинтересовавшись, чтобы отвлечься: — Третий не придет?

Не то чтобы она скучала по его высочеству, просто если что-то пойдет не так, вдвоем они с ней точно справятся.

— Мой брат, — Фильярг неожиданно замялся, и Юля повернулась, ловя выражение его лица, — вернулся поздно.

И перевел взгляд, не желая вдаваться в подробности.

Юля задумалась, но отвлеклась на жеребьевку. Алю достался один из последних номеров, а это означало почти час ожидания. И тут спасительной мыслью пришла идея, где с приятной пользой убить время.

Она проследила за тем, как внизу появились наставники, а значит Совенок будет занят и можно подумать о себе.

— Проводишь в лабораторию к Кайлесу? Так кофе хочется — сил нет.

Четвертый вопросительно вскинул брови — он не знал о секрете кузена, но спорить не стал, согласившись:

— Провожу.

— Допустим, вы решили заняться расследованием на месте и потому отправились со мной, — мрачно констатировал Третий, застегивая рубашку.

— Мы решили, — поправил Ларс. Он вертел в руках выданную братом одежду — его собственная исчезла в неизвестном направлении, а ходить голым по дворцу было бы чересчур даже для Второго. Вдохнул, накинул рубашку на широкие плечи, свел и ткань протестующе затрещала.

Харт раздраженно дернул уголок губ.

— Хорошо, мы решили. Но во имя Девятиликого, почему ты голый, у меня вся рубашка изрезана, а твой пират, — Харт глянул на умывальню, куда удалился такиец, — в сапогах улегся спать на мою кровать!

Последний кусок фразы Харт, не сдержавшись, практически проорал.

— Не дыми, — поморщился Ларс, — сейчас Фаррай появится, у него и спросим. Он трезвый был.

Харт только головой покачал — этот трезвый зажигал почище пьяного. И оттого с особенной силой хотелось его прибить. Нет, Харт понимал, что сам виноват, но жажда такой крови от этого меньше не становилась. И чтобы он ещё раз пил со старшим братом!

Через полчаса ситуация прояснилась:

— Тебе жена запретила отлучаться из дворца. Сказала, что шкуру спустит, вот ты и оставил одежду вместо себя. Ты, — прищур наглых зеленых глаз, возмутительное тыканье, но Харт сдержался. Поздно требовать к себе уважения после совместной попойки и ночевки в постели, — решил доказать, что шкура и одежда — не одно и то же. Еле нож у тебя отобрал, — и Фаррай осуждающе вздохнул. Харт ощутил мимолетный укол вины и радость, что никому в голову не пришло заняться расследованием прямо ночью. Притащить там на допрос Шестого или ассару... Потряс головой, прогоняя соблазнительно видение Юли в собственной постели. Не в такой компании...

Ларс растер грудь, поморщился и проворчал:

— Прибью ту скотину, что меня лягнула.

Харт вдаваться в подробности не стал, а тут как раз подоспел поздний завтрак, а с ним — приятная неожиданность — три кружки с запиской от ассары. Третий вдохнул знакомый аромат, расплылся в улыбке, одобрительно подумав, что девчонка растет. Учится ориентироваться и добывать информацию, но с безмолвными он работу проведет. Нечего потакать ассаре. Нашли подопечную, сожги их пламя. Еще и информацией делятся...

Развернул записку, прочитал, скомкал. Взял одну кружку, сделал первый глоток, с блаженством ощущая, как отпускает голову, а в мыслях появляется ясность.

— Что это? — с подозрением осведомился Второй, приняюхиваясь, а вот Фаррай сомневаться не стал. Взглянул на лицо Харта, заграбастал кружку, сделал глоток. Долго думал. Прислушивался к ощущениям. Потом выхлебал за один раз и выдал:

— Молоко лишнее, и я бы предпочел крепче, но бодрит неплохо.

Ларс после такой рекомендации не утерпел, схватил последнюю кружку, пригубил и одобрительно хмыкнул:

— Неплохо, неплохо. Никогда такого не пробовал.

— Подарок от ассары, — пояснил Третий, с мстительной радостью наблюдая, как меняется в лице старший брат, как с подозрением смотрит на кружку, окончательно утверждаясь в том, что между этими двумя не все гладко.

Третий появился, когда Юля вся извелась. Поклонился приветственно, устроился по соседству. Обвел окружающее пространство тяжелым взглядом, и на соседние балконы напала немота. Выглядел Харт так, словно обеими ногами угодил в кучу навоза, и Юля понадеялась, что это не из-за кофе. Вдруг ее инициатива пришлась не к месту? И ей только показалось, что Третий оценил земной напиток, а все восторги были лишь вежливостью.

Рядом с недовольным Хартом нарисовался знакомый громила, в котором Юля с содроганием опознала Второе высочество, и еще один смутно-знакомый красавчик в непривычном наряде — ярко-алых штанах и белой рубашке.

Юлин балкон внезапно пополз вниз, и появившиеся высочества пропали из виду, зато рядом оказалась королева.

— Игры в этом году очень популярны, — проворковала Седьмая, кидая выразительный взгляд наверх. Появление принцев не прошло незамеченным, а перемещение их балкона можно было отслеживать по флеру стихающих вокруг разговоров.

Система перемещающихся по кругу, вверх и вниз зрительских трибун Юле понравилась. Площадь деревни была большой — все не рассмотришь, а так, перемещаясь, можно было наблюдать за участниками. Она подсчитала, что одновременно на трассе находилось не меньше десяти детей. Шоу было активным — срывались и падали здесь часто. И трибуны в ответ разочарованно гудели.

Болели за своих, изредка выпуская в воздух взрывающиеся, осыпающиеся искрами мелкие звезды. Что-то вроде земных салютов. Но до фанатов футбола местным было далеко — слишком пресно, мало подбадриваний, если хорош, — и так сойдет. А если упал — не достоин ничего.

И очень хотелось взорвать местный птичник. Не удержалась. Крикнула: «Молодец! Так держать! Следующий раз победишь!» упавшему мальчишке. Парнишка нашел ее взглядом, поклонился, придерживая поврежденную руку.

— Думал, ты болеешь за Шестого, — удивился Фильярг.

— Ты не понимаешь, — покачала головой Юля и заорала повисшему на руках пацану: — Давай держись! Мы в тебя верим.

Четвертый вздохнул и вдруг крикнул:

— Пламя с тобой!

Парнишка так удивился, что задергался с удвоенной силой и смог взобраться обратно.

— Вот видишь, — Юля победно оглянулась на высочество.

— Вижу, — кивнул Фильярг и указал взглядом на взобравшегося пацана — тот продёржался ровно минуту, на этот раз бесповоротно загремев вниз.

— Все равно, — упрямо поджала губы девушка и продолжила подбадривать.

На них начали оглядываться, шушукаться. В итоге над двором ползли два балкона: один окруженный напряженной тишиной, второй — удивленными говорками птичника. Так продолжалось ровно до тех пор, пока из балкона высочеств не донеслось:

— А ну держать равновесие, малек. Да! Ты. Давай. А ты куда рванул, выкормыш медузы?

Юля прислушалась, начиная понимать, где она встречала незнакомца, пришедшего с Ларсом. И кто может столь занятно выражаться, не поминая пламя. Но тут все перекрыл бас Второго:

— Давай! Вперед!

Пацаны, не ожидавшие столь весомой поддержки, удвоили усилия, а Юля поймала взглядом фигурку Шестого на старте. Вот оно. Прикрыла глаза, погружаясь в себя. Попыталась уловить ощущения Совенка. Зацепила страх, предвкушение, азарт. Азарта было больше. Двинулась дальше, прощаясь с сознанием ребенка, сливаясь с ним.

— Не торопись, — прошептала, передавая свой первый шаг по трассе. И пожелание. Вперед. С пламенем. С Богом. Им обоим нужна эта победа.

Не было больше Юли и Аля. Они стали единым целым. Это было так странно, что Юля запретила себя задумываться, иначе сойдет с ума. Доверилась интуиции. Задвинула здравый смысл. Оставила лишь инстинкты и память. У нее была цель — довести Совенка, все остальное было неважным.

Деть сомнений не испытывал, принимая ассарство как нечто естественное. Он верил Юле, и это доверие работало лучше любой установки.

Сначала были лишь ощущения — веревки под руками, скользкой доски под ногой, но постепенно она смогла видеть происходящее глазами Совенка — смутно, словно сквозь грязное окно, слышать, что происходит вокруг. Эмоций было больше. И все чаще в них сквозило удивление, а вокруг нарастал шум. Кажется, птичник разогрелся, отбросив в сторону аристократичную сдержанность.

Шаг за шагом двигался Аль. И Юля вместе с ним кривилась от боли в ушибленном колене, морщилась от задевшего по кривой мешка. Напряженно цеплялась за крюк. Падала, пропуская бревно над собой. Прыгала через провал. Протискивалась в щель. И когда красиво — на одно колено — спрыгнула вниз, не поверила себе. Неужели прошла? Нет, не она. Аль.

— Юля! — ее затрясли, затормозили, и она очнулась. Обвела ошалелым взглядом вопящие трибуны. Перегнувшихся через перила и надсаживающихся безмолвных. Облака взрывающихся звезд. Ревущего раненым слоном Второго. Самодовольно ухмыляющегося Третьего. Хлопающую в ладони Седьмую — судьба, словно специально, свела их балконы.

— Удивлена? — спросил Фильярг, заглядывая в лицо и проверяя ее состояние. — Мы такие. Долго разгораемся, но когда начинаем гореть — нас сложно остановить.

Альгар все ещё пребывал в эйфории от победы, и Третий с раздражением подумал, что надо брать ситуацию под контроль, иначе ассара вконец избалует подопечного. Он специально увел его из толпы детей, чтобы сказать пару слов и сбить радужный настрой.

— Ты понимаешь, что это не твоя победа? — спросил, глядя, как Юля о чем-то переговаривается с ее величеством. Потом ищет взглядом подопечного. Находит. Хмурится. Но тут ее отвлек подошедший Фаррай, и теперь уже нахмурился Харт. Безмолвные вмешаются, если такиец позволит себе лишнего, но все же нехорошо, что он встретился с объектом своей пьяной страсти.

— Почему? — задиристо — победа ударила в голову — спросил брат, и Харт едва

сдержался, чтобы не встряхнуть зарвавшегося мальчика.

Отвернулся, успокаиваясь. Посмотрел на грязевую лужу с отпечатками упавших тел, а перед глазами вставала описанная безмолвными картинка: «Мы не успели ее поймать — закрытая зона. Она с трех метров — и в грязь. Неудачно упала — лицом вниз, с головой ушла. Был уверен — сдастся. Нет, обратно полезла».

— Сотрясение, гематомы, вывих, синяки — и это все ради тебя, — спокойствие в голосе далось с трудом, — она вчера с третьего раза прошла трассу, чтобы сегодня подарить тебе победу. И только из уважения к усилиям госпожи ассары, я не расскажу об этом судьям. Что касается отца — решать тебе. Он наверняка захочет поздравить. Надеюсь, ты поступишь верно и мне не придется вмешиваться.

Повернулся, оценивая результат своих слов. Альгар стоял красный, губы крепко сжаты, в широко распахнутых глазах — потрясение.

— Нет, — помотал головой. И Харт легко прочитал во взгляде порыв — пойти всем признаться и отказаться от победы. Нахмурился — дурак малолетний.

— Не вздумай оскорблять признанием свою наставницу. Это единственное решение, которое она смогла найти, чтобы помочь тебе с глупым спором. Лучше поблагодари и не ставь больше в такое положение, когда по-другому она не может помочь. Ясно?

Шестой опустил голову, шмыгнув носом, кивнул. И Харт посчитал свой братский долг выполненным.

— А на досуге подумай, достоин ли ты столь самоотверженной ассары. Ты — мужчина. И должен ее защищать, а не наоборот.

Альгар вскинулся. В глазах заблестели слезы. Шагнув вперед, крепко стискивая ладони.

— Я буду ее достоин, обещаю.

— Вот и хорошо, — благосклонно кивнул Харт, потрепал малого по волосам. Снова нашел взглядом ассару.

— Иди к наставникам, — приказал, а сам поспешил спасти Юлю от своей протее.

— Скажи, у тебя вчера не было из-за меня проблем? — спросила Юля у Софраны. Девушка помотала головой.

— Ты была в своем праве, даже в двух. Никто не смеет вставать между ассаром и его подопечным, как никто не должен мешать идущему путем Силы.

Юля нахмурилась. Что ещё за путь Силы? Явно какая-то местная заморочка, в которую ее активно пытаются вписать. Потребовала подробностей.

Софрана только и ждала этого вопроса, чтобы пуститься в рассуждения. И что огонь любит сильных, и что сила тела помогает силе духа, и что магию подчинит себе сильнейший. И все в таком духе.

— То есть путь Силы — это путь боевого мага?

— Не совсем, — покачала головой Софрана, — путь Силы открыт для каждого. Даже для женщин, но чаще всего ему следуют мужчины. Любое испытание ты встречаешь с радостью, а боль воспринимаешь подарком. Никогда не прячешь лицо от дождя и ветра. Не кутаешься от холода. И все невзгоды — твои друзья, потому что помогают обрести силу.

То есть ищем неприятности, которые нас ждут, — мысленно подвела итог Юля. И чем труднее, тем круче. Занятная философия. Отдает мазохизмом.

— И много у вас последователей этого пути? — поинтересовалась.

Софрана помрачнела. Вздохнула. Почесала кончик носа и честно призналась:

— Раньше да, но после того как Сифр Железный был казнен его величеством, об этом

стараятся не говорить открыто.

Юля моргнула. Напряглась.

— Какой именно величество?

— Его величество Рельгар Тафар Ангальский, сорок два года тому назад.

Юля припомнила спокойного и интеллигентного короля, с которым она мило обсуждала погоду и вопросы воспитания детей. И вот... казнил кого-то. Верь после этого добрым королям...

— А за что?

Софрана снова завздохала.

— Сифр не просто шел путем силы, а хотел добиться идеальных результатов от других.

Найти тот способ тренировок, который позволяет вырастить сильнейшего мага.

— И что именно он делал? — осторожно спросила Юля. Не верилось, что его величество казнил кого-то за тренировки.

— Отбирал детей, — печально призналась Софрана, — и заставлял их тренироваться, а кто не выдерживал — тех убивал.

Холод стиснул сердце. Юле стало нехорошо. Отбор. Всего лишь отбор ради идеи создать сильнейшего мага. Прямо Спарта местного разлива. И Юля целиком поддержала решение его величества. Таким уродам не место в нормальном обществе.

— Ты не думай, я тоже считаю, Сифр был не прав. Путь силы должен быть добровольным. Только если желаешь чего-то сам, сможешь этого добиться.

— Да, — согласилась Юля, — но не уверена, что мне нравится ваш путь. Давай больше не будем об этом.

Софрана с улыбкой согласилась. Сама она была уверена, что не важно, знает ли вставший на путь о его существовании. Следовать ему можно и вслепую. Сила сама тебя направит.

— Госпожа Софрана, позвольте мне переговорить с госпожой ассарой?

— Ваше высочество, — обе женщины ответили на поклон Третьего. Софрана одарила принца настороженно недовольным взглядом, но возражать не посмела. Покинула балкон, оставив их одних.

— Для начала позволь поздравить с победой Шестого. Это было убедительно, но в дальнейшем прошу согласовывать подобные действия со мной. И не нарушать честной борьбы. Ты оказываешь Альгару плохую услугу.

— Знаю, — покусала губы Юля, — но мне так хотелось подарить ему хоть одну победу. Просто для того, чтобы Совенок поверил в себя.

— Я понимаю. И не буду ругать. У меня только один вопрос: о чем с тобой говорил Фаррай?

Юля непонимающе нахмурилась.

— Такиец. Капитан корабля.

— Ах этот. Станный он какой-то. Сказал, что безмерно рад меня снова встретить. Поздравил с победой Совенка и спросил, не владеет ли кто-нибудь моей жизнью.

Харт стиснул зубы, выдохнул и осторожно уточнил:

— И что ему ответила драгоценная наша ассара?

— Что я не рабыня и никому не принадлежу, — раздраженно дернула плечом девушка.

Третий возвел глаза к потолку и попросил у Деветиликого немного терпения. Совсем чуть-чуть, чтобы сдержаться и не наорать на глупую девчонку.

Со Вторым Харт встретился после обеда. Ларс, как доложили безмолвные, закопался у себя в кабинете, скрываясь за государственными делами от гнева жены.

Брата он принял благосклонно и вообще выглядел довольным. Когда Харт зашел, Ларс, насвистывая задорный мотив, заполнял лист бумаги широким ровным почерком.

— Где он? — спросил Харт, проходя и усаживаясь без разрешения в кресло.

— Интересно, я потерял твое уважение или ты настолько обнаглел? — поинтересовался брат, не отвлекаясь от письма.

— Ты потерял мое уважение, когда удрал из дома.

Ларс все-таки отвлекся, отложил самопишущее перо, откинулся в кресле. Вздернул брови, ожидая продолжения.

— И обнаглел я тогда же, когда на меня взвалили твои обязанности во дворце. Но тебе же было плевать? Как всегда на семью.

— Обвиняешь? — искренне удивился Второй.

— Предупреждаю, — усмехнулся Харт, подался вперед и произнес, весомо роняя слова: — Не вздумай лезть к ассаре. И такойцу своему передай — ещё раз увижу рядом с девушкой — оборву все, что торчит.

Ларс угрозами не впечатлился. Почесал кончик носа, вздохнул:

— Ты всегда был занудой, Харт. С детства. И только такому зануде могло понравиться во дворце. Меня же эти стены душили. Никогда не любил историю, а от политики тошнило. Не всем быть королями, братец. Меня звали другие паруса.

— Конечно, — дернул уголок губ Харт, не впечатлившись речью брата, — не паруса, а юбки. Потому и с такими спелся. А за другом своим все-таки проследи. Где он, кстати?

Ларс напрягся, в груди запеклась злость, но он взял себя в руки, отвел взгляд ко окну и ссориться с младшим не стал. К тому же мелкий прав — он действительно скинул на него свои обязанности и ни разу не уточнил, как тот справлялся. Да и отец нервно реагировал на трения между сыновьями, а Ларс и так на не слишком хорошем счету. Он спустит Третьему его дерзость. В этот раз.

— Фаррай ушел в город встретиться с парой знакомых. Сказал, поставщика надо искать не среди контрабандистов, а среди торговцев. Могли поймать на крючок и заставить привезти черную смерть. Так что Фаррай поспрашивает, не было ли у кого недавно крупных неприятностей в семье или долгов. А за ассару не переживай. Такойцы, несмотря на все разговоры, имеют свой кодекс чести и никогда не покусятся на несвободную женщину. Так что ассаре ничего не грозит. Ведь она принадлежит Четвертому.

— Принадлежит, — подтвердил, вставая с кресла Харт. Конечно, принадлежит, даже если сама не знает об этом. Глупая девчонка.

— Но если она вздумала скрыть этот факт от Фаррая, — протянул Ларс, и на его лице мелькнула лукавая улыбка, — тогда мне остается лишь посочувствовать твоему пламени, брат. Еще никому не удавалось спрятать женщину от такойца. В ассарство они не верят, покровительство не признают, а желание женщины считают ветром. Сегодня он дует с запада, завтра с востока, главное, направить в нужную сторону паруса, и тогда ты его поймашь и подчинишь своим желаниям.

— Я понял, спасибо за науку, — выдавил Харт, следя, чтобы лицо не перекосило от бушующих внутри эмоций. Поздновато Второй вздумал его учить обращаться с женщинами. Чаше бы дома бывал — заметил бы, что Харт давно вырос и не нуждается в подобной науке.

— Слушай старших, брат, а то дождешься — отец женит одним днем, — щедро

посоветовал Второй.

— Разберусь как-нибудь сам... без старших, — буркнул Харт раздраженно. Ларс ухитрился наступить на больное. Если сейчас Фильярг женится, отец может перейти от намеков к действиям.

Направился к двери, но на пороге остановился, обернулся и пообещал:

— Если твой парусный друг вдруг решит поймать ветер ассары, клянусь, я переломаю ему все паруса к жыргхвовой заднице.

Вышел в коридор, потер виски. Внутри зрело желание пойти и запереть ассару где-нибудь в подвале. И чтобы никаких мужчин рядом. А Четвертого пускать время от времени в качестве поощрения за хорошее поведение. Обоих.

А то развели непонятно что. Не дворец, а лечебница душевнобольных. Чтобы он, Третий Столп, занимался отваживанием ухажеров от женщины, причем не своей?! Будто других дел нет.

— Четвертому ни слова, — предупредил безмолвных, — проследить, чтобы не столкнулся с таким-цем. Кто не уследит — лично будет прятать труп. Понятно?

Братец не станет задумываться об осложнениях, просто прибьет соперника и все.

Безмолвные кивнули. Обменялись жестами, распределяя обязанности. Они тоже были в курсе, что если такийец запал на женщину, его сложно заставить передумать. Но вот Второй явно расстроится из-за смерти друга... Это Харт еще не просчитал последствия в отношениях двух стран.

Скривился. Все он уже просчитал, просто не хотел видеть очевидное. Придется импровизировать, и как можно быстрее.

— Доложить, как Фаррай появится во дворце. Нет, лучше найдите его в городе. И попросите Четвертого зайти ко мне.

ГЛАВА 16

На послеобеденных занятиях Совенок вел себя странно. Отвлекался, ерзал, отвечал невпопад. Наставники хмурились, ругались, но помогало слабо. Юля попробовала было сунуться к подопечному, но неожиданно наткнулась на блок. Удивилась. Потом сообразила, что не только она может закрыть связь. Открытие настроения не прибавило.

Внутри ощущалась обида как от предательства. Словно деть вырос, женился и собрался навсегда покинуть отчий дом. И вроде ждала подобного — рано или поздно он станет взрослым, но внутри копилась горечь. И было непонятно, что произошло и зачем Совенок поставил блок. Что скрывает?

Так задумалась, что пропустила мимо ушей лекцию по истории Третьей ветви, за что была наказана заучиванием главы и пересказом ее назавтра. Наставникам было плевать на внутренние терзания, их волновал результат.

Перед ужином поймала детя, утащила на второй этаж и потребовала:

— Выкладывай.

Совенок сначала пошел в отказ. Более того, попытался врать и увилить. Юля вскипела:

— Ты хоть понимаешь, кому вешаешь лапшу?!

Как будто она не ассара и не чувствует малейшую ложь в его словах, даже с заблокированной связью.

Деть скис. Поник. И сердце девушки тронула жалость.

— Запомни раз и навсегда, ты никогда меня не разочаруешь. А вот если начнешь копить

проблемы...

— Нет, — замотал головой Аль, — никаких больше проблем, Юля. Прости, я тебя подвел... Ты вчера из-за меня пострадала, — и добавил еле слышно: — Я плохой подопечный и не заслуживаю тебя.

— Глупости, — рассвирепела девушка, уже начиная понимать, кого следует «благодарить» за осведомленность Совенка, — это было моим решением. Считай его подарком к новогодним праздникам. И знай, твоя победа радует меня больше, чем тебя самого. Так что хватит извиняться, просто следующий раз думай о цене спора.

А к ужину их ждал сюрприз.

— Предлагаю сходить в город и отметить победу Шестого, — широко улыбаясь, предложил Фильярг, — я знаю одно место. Там подают отличный фракс.

Что такое «фракс» Юля не знала, но вырваться из дворца всегда была рада.

Из-за экономии времени его высочество открыл портал прямо в городе. Они вышли из огороженной площадки в тупике улицы, и на их месте тут же возникло шумное семейство с тремя дочерьми разного возраста.

— Из-за возможного наложения порталов на улицах отведены специальные места. Иначе по центральным площадям нельзя будет ни проехать, ни пройти, — пояснил Фильярг. Юля оглянулась — за шумным семейством последовала группа молодых людей. Н-да, действительно один за другим. И если вспомнить, что портал, возникая, выталкивает все лишнее из зоны своего воздействия... Ни проехать, ни пройти.

Принц потянул за руку. С другой стороны уцепился Совенок, азартно вертя головой. В отдалении их сопровождали трое безмолвных. Практически семейная прогулка. Почти свидание.

Они шли по улицам, наслаждаясь погодой. Было тихо и безветренно. Легкий холод даже не щипал за щеки. Световики парили над дорогой, щедро заливая мостовую теплым светом. Их можно было позвать подсветить замочную скважину или упавшую на дорогу поклажу. Очень удобно.

Юля жадно впитывала в себя подробности чужого города. Сейчас, когда за спиной десятки лекций, все было понятнее и оттого ближе. Она больше не чувствовала себя лишней.

Поймала взглядом в витрине лавки картину, опознала извержение Тихони — вулкана Пятого тэората. И появилось чувство сопричастности, точно она все это знала раньше, но забыла, а сейчас восстанавливала по крупяцам в памяти.

Ресторан встретил живой музыкой — плавно заунывной, как и положено в дорогих местах. Хозяин ожидал лично. Кланяясь и воспевая мудрость с щедростью королевской семьи, сопроводил на второй этаж в отдельный кабинет. Тот широким окном выходил в общий зал, и Юля не стала задергивать штору — вид чужой жизни завораживал. Но еще больше притягивала простота, с которой сидящие в зале люди применяли магию. Зажигали свечи за столом без спичек, передавали друг другу блюда по воздуху, показывали оживающие картинки на страницах книг.

Она ловила эти бытовые мелочи точно чудо. Приучала себя к ним. Заставляла осознать — ничего страшного в магии нет. Все вокруг ее используют: женщины, мужчины, подростки. И никто не превращается в чудовище. Пора окончательно отринуть страхи и подчинить себе живущую внутри силу.

Внезапно музыка ожила, сменив тягучий мотив на торжественно фанфарный. Явно что-то значимое для всех, так как Совенок подпрыгнул, оторвался от поедания блюда из мяса и

овощей и восторженно выдохнул:

— Растопи лед!

Юля перевела вопросительный взгляд на Фильярга. Тот с неодобрительным вздохом пояснил:

— Одна из ипостасей Десятиугольного — любовь. Дни перед Сердцем зимы считаются лучшими для проверки пар, которые ещё не сочетались браком, но уже попробовали себя в покровительстве, — потом пожал плечами и добавил: — Всего лишь традиция.

Судя по виду высочества — не очень им одобряемая.

Юля, перегнувшись через перила, смотрела, как в освобожденном центре зала собираются пары. Народ реагировал одобрительно и явно собирался насладиться шоу.

И она подумала, что занятные здесь традиции — взяли, прервали ужин. И никто не возмущается, наоборот радость на лицах такая, словно сейчас Дед Мороз войдет и будет раздавать подарки.

— А разве вы не пойдете? — спросил подавальщик, убирая со стола грязную посуду. Он кивнул на Юлин браслет, намекая, что ее статус для него не секрет. — Говорят, сегодня сам настоятель Храма на Холме участвует. Хотя если ваше высочество не уверен в выборе подопечной...

— Мы пойдем, — невозмутимо проговорил Фильярг, точно не выражал только что недовольство глупой традицией.

Парень просиял, одарил широкой улыбкой и пожелал:

— Пламя вам в помощь.

— Юль, — затеребил Альгар, — ты ведь покажешь всем, что ваша магия сильнее? Правда?

И взгляд полный слепого обожания, от которого она ощутила себя если не Богом, то кем-то причастным. Горы сдвинуть? Легко. Сжечь тут все — пожалуйста.

Вот вырастет, поганец, и берегитесь девки — против такого обаяния вам не устоять.

— Мы пойдем? — уточнила для проформы. Вряд ли там что-то опасное или неприятное. Хотя любовь можно проверять по-всякому... Вот привяжут к столбу, приставят нож к горлу, а Четвертого заставят спасать.

Его высочество виновато вздохнул и согласился с таким видом: «Можем и не идти, если не хочешь», что сразу стало понятно, своим отказом она бросает тень позора на всю королевскую семью. Третий будет выразительно молчать, Второй ныть о чести и достоинстве ассары, Седьмая укоризненно улыбаться. Да ну их всех! Не зря Меган Маркл из Виндзора сбежала. Она бы тоже сбежала, если бы не Совенок...

— Что делать-то надо? — спросила с легким раздражением, и Фильярг успокаивающе положил руку на ее ладонь, сжал, погладил. Поднес к губам, поцеловал.

— Ничего сложного. Всего лишь растопить магией лед.

Уф... Всего-то. Лед растопить. А она уже вообразила демонстрацию силы страсти на столе или сто и один вопрос о возлюбленном. Хотя о каких чувствах речь?

— Погоди, ты сказал магией?

— Да, Юля, ритуал объединит наши потенциалы и направит их в лед. Чем удачнее подобралась пара, тем эффективнее будет результат. Нам самим ничего делать не надо будет.

Отобрала руку. Нервно побарабанила пальцами по столу. Вот как у них здесь все устроено... Через магию. Какие чувства, взаимная симпатия или любовь, когда во главе угла сидит магия и скрещивает потенциалы. Плюс с минусом, чтобы выдать устойчивый поток

тока. Селекция...

— Вижу, тебе это не нравится.

Фильярг заметил ее недовольство.

— Прости, это мои личные заморочки. Не привыкла, что вы руководствуетесь отнюдь не чувствами для создания семьи.

С другой стороны, еще лет сто назад на Земле для создания семьи тоже руководствовались чем угодно: волей родителей, богатством жениха или приданным невесты, политической выгодой, дойной коровой и землей, а чувства шли прицепом.

Его высочество кивнул:

— Понимаю, непривычно. Прости, что заставляю проходить через это. Но знаешь, даже если сейчас потенциалы покажут нулевой результат, я тебя все равно не отпущу.

И во взгляде высочества легко читалось обещание — не просто не отпустить, а ещё и привязать на ночь к кровати, чтобы точно не сбежала.

На душе полегчало. Приятно было осознавать, что не только магия привлекает Четвертое высочество, а ещё ум, красота, природное обаяние и скромность, конечно.

В зале появился высокий седобородый старик, прошелся взглядом по собравшимся парам, и Юля поежилась — взгляд давил, призывая к подчинению.

— Дети мои, — зычный голос разнесся по залу, — да снизойдет милость Девятиликого на вас! Порадуем его. Зажжем пламя в сердцах. Прогоним стужу недостойных помыслов и трусливых порывов. Укрепим стойкость. И покажем нашу силу над магией.

Иными словами: продемонстрируйте мне, смертные, что вы можете контролировать данную вам силу. И контролировать именно женскую, потому как мужчины и так неплохо справляются.

Юля стиснула зубы и призвала себя забыть о толерантности. Нет ее здесь и не будет.

Внесли ледяные пластины, каждая — высотой с человеческий рост и толщиной примерно с палец. Установили на особые подставки. И настоятель подал знак — начинайте.

— Что делать-то? — шепотом спросила Юля.

— Думай обо мне и желай прикоснуться, — так же шепотом пояснил Фильярг.

Они стали по разные стороны от своей пластины. И Юля с удовольствием полюбовалась на искаженное лицо Четвертого высочества. Лед сделал его бледно-синими точно у покойника.

Бросила взгляд вокруг — соревнующиеся парочки прижались ко льду, прикасаясь ладонями, губами, всем телом.

Фильярг тоже положил свои ладони на лед. Взгляд потемнел, призывая ответить.

А в Юлиной голове зашевелились сомнения. Оно ей надо? Каждый вот такой шаг подпихивает ее к известному финалу — замужеству. А у нее куча нерешенных проблем. И эмиграция в другой мир в планы не входит. Третий в мыслях укоризненно покачал головой — «Позорите корону своим малодушием, госпожа ассара. На вас же смотрят!».

Зашипела, послала Третьего, выдохнула и... положила ладони на лед.

Растопи... Легко сказать. Тут бы в голове порядок навести и понять, чего она хочет. Желает ли быть с этим мужчиной? Чтобы и дальше привязывал к себе. Терпеть его тараканов, а с ним всю безумную семейку и птичник.

Прижалась губами, ощущая замораживающую прохладу льда. Поймала темный, полный желания мужской взгляд, и тело налилось слабостью. Память подкинула минуты их близости, как им хорошо было вдвоем, а здравый смысл нашептывал, что Фильярг не только

тараканы и корона, но ещё и защита. Ласковые руки. Поддержка с пониманием. Готовность убить любого, кто посмеет обидеть.

И она расслабилась, поддаваясь притяжению к этому мужчине. Пусть местные называют это совпадением потенциалов, она будет считать это любовью.

Лед под ее губами нагрелся, но не потек, а начал испаряться, и через пару мгновений ее губы накрыли мужские. Обожгли с такой силой, что она сама начала таять, проваливаясь в сладостный дурман. У льда не было ни единого шанса устоять.

— Так вот, господин Фаррай, мне доподлинно известно, что господин Аршайн в прошлом году потерпел серьезные убытки и до сих пор не поправил свое состояние, а господин Харкан жаловался на болезнь жены, от которой та никак не может поправиться. Судя по всему, это проклятие.

Тучный мужчина нервно промокнул лицо салфеткой. Несмотря на холод, царивший снаружи, внутри было жарко. Предпраздничные дни толкали людей провести время в приятной компании, и ресторан был полон.

Такиец с раздражением проследил, как собеседник пододвигает к себе очередное, пятое по счету, блюдо. Удивление — как он может столько есть? — сменилось раздражением и пожеланием лопнуть тому от обжорства.

Внезапно тянувшая все это время за душу мелодия сменила темп, и он отвлекся от зрелища — набивающего себе брюхо мужчины. Глянул в зал. Там собирались парочки, чтобы испытать совместимость магии. На взгляд Фаррая, жителям Асмаса следовало больше верить своей стихии, а не устраивать брачные игрища. Женщины Такии в сложных случаях всегда обращались к морю. Мать-вода с радостью принимала своих детей, смывала печали, давала силу и поддержку. Но асмасцы поклонялись и одновременно боялись лишней раз привлечь внимания огня. Их поведение напоминало такийцу рака-отшельника, который прятался в раковине большую часть своей жизни.

Происходящее внизу не мешало Фарраю внимательно прислушиваться к болтовне толстяка. По большей части бесполезной, но проверить сказанное придется. Отвлекся он только когда в зале появилась она — жажда его последних ночей. Та, которую он собирался забрать к себе, приручить и сделать личным маяком.

— Господин Фаррай, вы меня слышите?

Такиец с трудом оторвал взгляд от черных волос, гибкой фигурки. Внутри зажглась ярость. Что она там делает? И кто этот мужчина рядом?

Понимание пришло быстро, — и гнев бросился в голову. Запели паруса, вскипела кровь, призывая к бою. Убить соперника. Забрать свое.

— Господин Фаррай, вы побледнели. Вам нехорошо?

В ушах стоял звон стали. Сабля просилась испить горячей крови. Его сдерживало лишь опасение разозлить названного брата убийством. Осторожность нашептывала подкараулить соперника на улице и разобраться по-тихому, а потом сбросить улики в воду.

— Вижу, вам интересно. Смотрите, какая красивая пара.

Фаррай стиснул зубы так, что закрипела эмаль. Рука легла на ножны. В мыслях он убил уже с десятков раз. Но все еще сдерживался.

— Слава Деятиликому, поцелуй! Первыми растопили лед. Уверен, не пройдет и месяца, как они сочетаются браком. Давно я не встречал такого совпадения сил.

Фаррай уже не слышал навязчивую болтовню толстяка. В голове закручивались огненные вихри, выжигая навечно в памяти сцену ее поцелуя с другим. Он забыл про свои

опасения, отринул осторожность. Внутри осталась лишь жажда крови. Необузданная потребность уничтожить того, кто посмел поцеловать его женщину.

Подобрался, готовясь перескочить через балюстраду балкона, спрыгнуть вниз. Выхватить на ходу саблю, вонзить в тело соперника.

Но тут сзади навалились, скрутили сразу четверо, и он забился пойманным зверем. Завыл в тряпку, заткнувшую ему рот.

— Спокойно, господин Фаррай, — знакомый голос с трудом пробился сквозь охватившее его безумие, — мы друзья.

Его потащили куда-то по коридору, подальше от толпы и праздника. Бросили на пол. Рядом присел тот, в ком Фаррай опознал Третьего.

— Понимаю ваши чувства и в чем-то даже сочувствую, но госпожа ассара сделала свой выбор. Вы сами все видели. Не обманывайтесь. Юлия ценит свои чувства и не ответит на ваши. Попробуйте действовать силой — получите лишь ненависть в ответ.

Фаррай замычал, забился в магических путах, но безмолвные знали свое дело и вязали на совесть. Его высочество поморщился, сухо добавил:

— Вынужден просить вас покинуть Асмас завтра на рассвете. Если останетесь, буду расценивать это как покушение на государственную безопасность и попытку помешать браку моего брата и госпожи ассары. Сами понимаете, король вам этого не простит. И мой совет как вашего друга, забудьте об ассаре. Она человек другого мира, и ваши обычаи ей чужды. Боюсь, она никогда не оценит вашей попытки ее выкрасть. Вы же не хотите, чтобы она в гневе сожгла ваш корабль?

Фаррай с ненавистью посмотрел на Третьего. Проигрывать он не любил. Но сейчас ветра дули не в его сторону, и такиец прикрыл глаза, соглашаясь. Он оставит эту женщину другому так, как этого хочет Третий. Но забыть? Никогда.

— Наши победители, — зычно возвестил голос рядом, и Юля очнулась, вспомнила, что вокруг полно зрителей, хотела отшатнуться, но ей не позволили. Прижали крепче и прошептали:

— Поздно стесняться. Ты моя женщина. Любимая и единственная. У нас нет помолвок, зато они есть у вас. Примешь мое кольцо вместе с рукой и сердцем?

Юля ошеломленно выдохнула, а Фильярг уже опускался на колени, зажав между пальцев кольцо.

Рядом восторженно завопил Совенок. Заинтересованно притихли зрители. Еще бы — небывалое зрелище: Четвертый признается в чувствах своей подопечной. И судя по тому, как заблестели глаза у женщин, они станут родоначальниками новой традиции. А вот это правильно. Развели, понимаешь, магический домострой. Чувства им не важны. Любовь — несущественное приложение к браку, а романтика никого не волнует. Волнует, ещё как. Дайте только правильный настрой, убавьте ограничения и расширьте свободу, и молодежь сама придет к нормальным отношениям, построенным на любви, симпатии и доверии. Тогда и селекция не нужна будет. И дурацкие проверки с растоплением льда.

Тишина каменела. Лицо Фильярга наливалось тьмой. А невеста... все думала. И не могла решиться. Брак — это без детей просто. Влюбился — и вперед, к алтарю. А когда есть дети, жених идет с прицепом в виде «греческой» королевской семейки. Еще и корона, по закону подлости, может выбрать Четвертого... Тут любой задумается. Просила ведь дать больше времени! Нет, «замуж» невтерпеж. Почти решила отказаться, как тут сверху выразительно кашлянули.

Подняла взгляд — Третий. Смотрит так... предупреждающе. И ощущение западни удавкой затянулось на шее.

Задумалась, решив не поддаваться первому порыву.

Отказать при всех? Фильярг может и не простить пинка своей гордости. В итоге она наживет врагов не только себе, но и Совенку. Второй вспомнит обещание забрать к себе младшей женой. Седьмая не одобрит жестокости к ее четвертому сыну. Вдобавок отказ сломает едва возникшую традицию... А ей так хотелось привнести хоть немного романтики в сердца асмасцев. Вот так и вырастаешь в чужое государство, и начинаешь думать не только о себе, но и о других.

Выдохнула, уговаривая, что это лишь помолвка. Договоренность о намерениях. Кольцо и статус невесты, который мало чем отличается от статуса подопечной. Но кого она обманывает?! Это для местных — не отличается, а для нее самой разница колоссальная.

Но Четвертый... жук. Нашел способ прижать к стенке. Сделать выбор при свидетелях. Ничего... она ещё отыграется. Но сегодня пусть празднует.

Улыбнулась. Прижала руки к груди, ощущая, как взволнованно бьется сердце. Как тают сомнения. Дворец, корона, деть... Со всем можно справиться. В крайнем случае — попросит политическое убежище у калкалоса. Тот личинку в обиду не даст.

— Да, — прошептала. Кашлянула, укрепляя голос, и уже громче добавила: — Да, я приму кольцо и выйду за тебя замуж.

И тише, едва слышно:

— Только не прямо сейчас.

Фильярг расслабился, улыбнулся, сбрасывая напряжение, и на душе у Юли стало совсем легко — раз волновался, значит не был уверен в ответе. И ответ ему был важен — аж побледнел, бедняга.

Поднялся с колен, поднес к губам ее руку, поцеловал, держа в плену взгляд, и сердце затрепетало, столько тепла было в глазах его высочества. Бабочки взметнулись, вытанцовывая танец страсти. Юля сглотнула, уже понимая, что ждет ее ночью. И чем она будет расплачиваться за промедление с ответом. Кто-то отомстит... И мстя будет сладкой.

Медленно, смакуя, его высочество надел кольцо на палец. Торжествуя улынулся, и зал взорвался одобрительными возгласами.

Харт отвернулся, ощущая, как боль сжимает сердце. Растер грудь. Дело сделано, только почему на душе погано? И хочется залить внутрь что-нибудь покрепче. Пламя ему в глотку, он за год столько не выпивал, сколько за последнее время. А все эта женщина... Покачал головой. Шестой никогда не расплатится за то, что он терпит ради него.

— Бутылку Драконьего жара, — бросил охране, подумал, исправился: — Лучше три. И закусить чего-нибудь.

Распахнул дверь комнаты, Фаррай поднял голову от пола, удивленно вскинул брови. Он не ожидал увидеть Третьего столь скоро.

— Знаешь, — Харт взял стул за спинку, пододвинул ближе, — у нас с тобой больше общего, чем ты можешь себе представить.

ГЛАВА 17

— Ваше высочество, — его затрясли за плечо. Голова отозвалась болезненным звоном. Харт замычал, отпихнул от себя чужую руку. И сон снова затянул к себе пьяным омутом.

— Ваше высочество, — настойчиво позвали. Внутри отозвалось что-то похожее на долг. Заставило разлепить глаза. Оглядеться. Брезгливо спихнуть с себя голову Фаррая. С

ненавистью отбросить в сторону ногу, которую тот посмел забросить на него — нет, как он посмел! — и в который раз заречься пить со Вторым или такими.

— Что там еще? — выразил недовольство, сел, растер ладонями лицо, стараясь собрать разбегающиеся мысли в кучу.

Посмевающий разбудить молча протянул стакан травяного настоя. Ярко-синий цвет намекал на то, что разбудили отнюдь не с добрыми новостями. И трезвый высочество кому-то был нужен. Позарез.

Харт вздохнул — синий отрезвитель работал жестко. И следующие минуты придется провести в уборной. Но надо, значит, надо.

Заглотил, не дыша, половину. Остановился перевести дух и переждать первую ледяную волну, смывшую сонливость.

— Так, что там? — спросил гораздо более благожелательно, чтобы безмолвный убедился в вернувшейся адекватности.

— Ассара пропала, — опустив голову, сообщил тот.

Харт закашлялся. Прохрипел:

— Как?

Рядом завозился, садясь, Фаррай, сумевший каким-то чудом среагировать даже сквозь сон. Забрал стакан из рук Харта, забулькал, вливая в себя отрезвитель.

Безмолвный виновато вздохнул и доложил по существу:

— Выманили, прикрывшись аудиенцией к его величеству. Так как слуга действительно был из секретариата, подозрения не вызвал. Вместе с порталом сработал разрыв.

— Что? — выдохнул Фаррай. Харт оказался более сдержанным, стиснул ладони, прикрыл глаза, вознося короткую молитву Девятиликому об одной глупой ассаре. И ведь знал, что не пройдет даром победа Шестого... Впрочем, рано или поздно по ней нанесли бы удар. Слишком... пожалуй, слишком все, что было связано с этой женщиной.

— Жива? — уточнил Харт самое главное.

— Шестой утверждает, что да, хотя связь и заблокировалась сразу после ее падения в портал.

— Слуга? — хищно подался вперед такийец.

— Мертв, — с сожалением подтвердил безмолвный и добавил мрачно: — Разрыв покалечил двоих, сбил настройки пути. Восстановить не смогли.

Харт поморщился, прогоняя появившееся чувство беспомощности: он здесь, в тепле и безопасности, а она... Стиснул зубы. Если жива — еще не поздно. Ничего не поздно.

Фаррай был более конкретен:

— На корм рыбам. Выпущу кишки. Всем.

И Харт не нашел возражений.

Поднялся, чувствуя, как желудок скручивается острым спазмом.

— Во дворец.

Застонал, прижимая ладонь к животу.

— Через пять минут.

Пол больно ударил по ладоням и коленкам. В ушах зазвенело от взрыва.

Юля не слишком удивилась желанию его величества уделить внимание ассаре. После победы Совенка ждала вызов. Но к чему оказалась совершенно не готова, так это к сильному, отправившему ее на пол, толчку в спину, жару, вырвавшемуся из портала, и грохоту взрыва, точно на той стороне разорвалась граната.

Рухнула, зашипела от боли, уже понимая, что влипла. А утро так хорошо начиналось... Сладко, с неторопливыми поцелуями и глупостями на ушко. Так сладко, что любовный дурман сопровождал все утро, а взгляд то и дело цеплялся за кольцо. И не мешали пошлые шутки наставников и намеки, что беременным ползать по стенам будет непросто.

Фильярг все-таки добился своего. Стребовал признание. Не отступил, измотав жаркой, бесстыдной лаской, пока не произнесла заветные слова «люблю». И только потом взял, наполнив собой и доведя до взрывного пика. Наглое, настойчивое, но такое любимое высочество...

Юля встала, огляделась. Ее окружал незнакомый зал в стиле местного гигантизма. Пустой. Лишь у стены виднелось какое-то сооружение, покрытое тканью. Цвет стен и пола терялся под пылью. Здесь явно давно никого не было, как и уборки. Обернулась — на полу отпечатались лишь ее следы.

Странное похищение. Засунуть в пустой заброшенный зал. И что дальше? Заставит ли подумать о своем поведении? Или это не все приколы птичника?

Потянулась к Совенку и ничего не ощутила. Зато на попытку связаться из пола вымахнули зеленые гибкие прутья и в одно мгновение соорудили клетку над девушкой.

Юля тронула один из прутьев, зашипела — кожу обожгло. Зеленые прутья жглись сильнее крапивы.

— Осторожнее, госпожа ассара.

Голос донесся из-за спины, и Юля обернулась, стараясь не касаться тесной клетки.

— Шальфа не безобидна для нежной кожи.

К ней неторопливо шел мужчина, габаритами напоминающий Второго. На лице плавала подвижная серебристая маска, отчего казалось, что лицо незнакомца покрывает тонкий слой ртути.

— Думаю, клетка не все, что вы мне приготовили, — иронично усмехнулась. Внутри нарастало чувство опасности. Хотелось сжечь все к чертовой бабушке, но огонь не торопился отзываться.

— Вы проникательны, — мягко подтвердил мужчина. Он был слишком спокоен для того, кто похитил невесту Четвертого и ассару Шестого. Слишком уверен в успехе. Юля напряглась, ожидая худшего. Дождалась.

— Знаете, кому принадлежал этот зал? — спросил незнакомец, подойдя ближе и сам же ответил: — Хотя откуда вам знать? Вы же из другого мира. Этот зал когда-то принадлежал Третьей ветви. В народе ее прозвали Гнилой.

Болтливость похитителя заставила Юлю поморщиться. Вряд ли ее сюда позвали, чтобы угостить чаем. Вежливость тоже настораживала. Такие сначала расшаркиваются, потом достают из кармана нож и начинают отрезать по кусочку. Гнилость бывших хозяев оптимизма опять же не внушала. В такие места приличных девушек не водят.

Юля снова попробовала достучаться до Совенка. Потом позвать огонь. Мешал страх, постепенно сковывающий сознание. Но нарастающую панику стряхнула мысль о том, что ее смерть убьет Аля. И она ухватилась за этот гнев. Взрастила в себе ненависть. Море ненависти. Достаточной, чтобы сжечь здесь все дотла.

— Зря стараетесь, — ее потуги были замечены, — эти камни, — кивок на светлые, наливающиеся мерцанием камни вокруг клетки, которые она поначалу не заметила под слоем пыли, — не дадут пробудиться стихии, как и связаться с кем-нибудь. Знаете, правитель Третьей ветви был занятым человеком и мечтал иметь полную власть над

подчиненными. Отсюда и узор на полу из алькостовых камней. Его величество не желал во время разноса подданных получить в ответ что-нибудь неприятное. Он вообще много чего опасался, а страх — плохой помощник правителю. Вам так не кажется?

Юля выдохнула сквозь стиснутые зубы. Покосилась на камни.

— Я тут при чем? — спросила зло, наплевав на пиетет.

— Совершенно ни при чем, — подтвердил мужчина, отступая. Оглядел свою добычу в клетке. Остался доволен.

— Так вышло, что вы мешаете моим планам. А я, знаете ли, очень не люблю, когда мне мешают. Но вы задаете не те вопросы, госпожа ассара.

Она задает не те вопросы, связалась не с тем ребенком и мешается у всех под ногами... Картинка ясна, но маньяк в серебряной маске жаждал внимания.

— Почему вы выбрали этот зал? — спросила хмуро, подыгрывая. Попробовала активировать браслет, но железка имела нулевую активность и защищать хозяйку не собиралась. Да и темное пламя не торопилось себя показывать. Вот и хваленый арсенал местного мира. Надо было у кузена пистолет попросить. С двух метров она бы точно не промахнулась.

— Вы умны, — одобрительно кивнул похититель, — даже жаль, такой материал пропадает. Если бы можно было обойтись без вашей смерти...

И он огорченно покачал головой. Юля похолодела. Вот они и сказаны. Те слова, которые она ждала, но отказывалась верить. А маньяк между тем продолжал лекцию:

— У седьмого по счету наследника Гнилой ветви мать умерла родами. Не выдержала ритуала. Отца уговаривали исключить ребенка из семьи, но тот проявил слабость. И так одна слабость породила целую цепочку других. Ребенок всю жизнь шел по грани. Едва вытянул на испытаниях. С трудом учился в академии. Чудом выжил на ритуале совершеннолетия. Его огонь был слаб, но правящая семья предпочла не замечать очевидного. А потом Гнилая ветвь приняла власть. И все шло хорошо, ровно до пробуждения Тихони. Уже знаете, почему его так прозвали?

— Его извержения сложно предсказать, — буркнула Юля, понимая, к чему идет речь. Слишком явственной была аналогия.

Мужчина одобрительно кивнул.

— А ещё его извержения отличаются большой силой, хоть и случаются реже остальных. В тот раз Тихоня превзошел сам себя, а ветвь... Не смогла его усмирить. Седьмой оказался недостаточно сильным, чтобы выдержать ритуал слияния и передачи силы. Он знал, что умрет, и в надежде спастись бежал из страны. Трусливый идиот. Сила короля настигла его в море. Говорят, он так кричал перед смертью, что люди на корабле сошли с ума. Но время было потеряно. Силы не хватило. Пламя убило троих из ветви, выжившим с трудом удалось удержать остальные вулканы в спячке, а потом создать новую ветвь с помощью кузенов. Ну а Тихоня собрал кровавый урожай. Девяносто тысяч. Целый город был погребен под лавой.

Мужчина помолчал. Вздохнул, оглядел зал. Стряхнул с себя картины прошлого и хорошо поставленным голосом продолжил:

— Такова цена наших ошибок, госпожа ассара. Надеюсь, вы поймете, что я не могу допустить повторения этой истории. Шестой должен покинуть дворец. А с вами он этого не сделает.

Юля скривилась. Теперь в полной мере становились ясны опасения его величества и братьев. Как они вообще рискнули принять ее в семью? Бедный Шестой. Но она его ассара, а

значит, будет бороться до конца.

Усмехнулась зло, с вызовом. Пусть не убить, но задеть словами.

— Вы сейчас похожи на замшелый пень, который живет прошлым и ищет там намеки на будущее. Кто дал вам право судить Шестого из-за одного трусливого идиота? Ставить клеймо слабака, даже не дав пройти ни одной проверки? Вижу, считаете себя единственным экспертом? Готовы предсказать его будущее?

Слова рвались наружу. Юля ощущала себя тем самым неукротенным вулканом. Забывшись, положила ладони на зеленые прутья, отдернула, зашипев от боли.

— Считаю себя тем, кто может взять на себя ответственность и сделать грязную работу, — с достоинством ответил мужчина, — в происходящем есть и ваша вина, госпожа ассара. Если бы вы не появились, Шестой был бы уже на пути на материк. И жил бы там, не зная забот.

Жил бы... с клеймом слабака. Вне родины. Выкинутый, как шелудивый пес.

Прикусила губу, спросила устало:

— А вы не думаете, что я и есть шанс для Шестого не только выжить, но и стать достойным пламени?

Мужчина подарил ей долгий, изучающий взгляд.

— Возможно, — кивнул задумчиво, — но я не могу рисковать. Его величество выберет сильную супругу, та родит ему достойного наследника. Это лучший вариант для всех. Не волнуйтесь, ваша смерть не будет болезненной. Вы заснете и все.

Он достал из кармана нечто похожее на пирамидку, поставил ее рядом с клеткой.

— Я в курсе о темном пламени. Это ещё одна причина, по которой я считаю у Шестого нет шансов выжить. Для укрощения подобной силы даже ассары недостаточно. При всем моем уважении.

Присел, повернул грани на пирамидке.

— Темное пламя активируется при угрозе жизни. Ожоги шальфы вас не убьют. Вы заснете через пару часов и уже не проснетесь. Если пламя и среагирует, будет слишком поздно, чтобы вас спасти.

Мужчина поднялся и похвалился:

— Крайне редкий яд. И мое личное изобретение, как обойти защиту. Приятно было с вами познакомиться, госпожа ассара. Жаль, знакомство вышло коротким. Еще раз прошу извинить за доставленные неудобства.

И он исчез в открывшемся портале.

Юля осталась одна. Разом навалилась тишина. И страстно захотелось ее нарушить. Она была согласна даже на идиота Второго. На Пятую с ее истерикой. На кого угодно лишь бы не слушать окружающую пустоту.

Раздался щелчок. Обернулась — над пирамидкой закурился тонкий дымок.

Черт! Черт! Черт!

Рванула подол платья. К его величеству ее вытащили из-за стола, и потому — да здравствует местная мода. Со спортивными штанами было бы сложнее.

Оторвала кривую полоску. Замотала нижнюю часть лица. И хоть к маскам доверие слабое — пусть будет какой-никакой шанс замедлить проникновение яда.

Оставшийся подол накинула на прутья. Попыталась выломать, но те и не думали поддаваться. Потом начала биться плечом, пробуя расшатать.

Когда поняла, что бесполезно, решила ускорить пробуждение пламени. Шипя от боли и

кусая губы, положила ладони на ядовитую зелень. Сначала кожу пекло терпимо, потом яд проник глубже, и ладони превратились в пылающий сгусток боли. Но Юлия терпела, прислушиваясь к себе. Однако внутри нарастала лишь равнодушная усталость. И мысли текли... сплошь философские.

Неужели это все? Вот сейчас закончится ее жизнь? И мама получит сообщение на телефон, когда она уже будет мертва. Хорошо, что была уверена — Кайлес их не бросит. И после ее смерти поможет. Не просто денег даст, а устроит отца на хорошую работу, да и брату дело найдет. И с этой стороны можно быть спокойной.

Четвертый... Сердце кольнуло жалостью к себе. Только начало что-то получаться. Нашла достойного мужчину. А что горло перерезал... Так она давно его простила. Русские женщины они вообще сострадательны и любят прощать. Как там было? «Она его за муки полюбила, а он ее за сострадание к ним».

Умирать было не жалко. Эти недели по яркости затмили всю прошлую жизнь. словно и не жила до встречи с Совенком.

Аль... Ее самая большая любовь в жизни. Прикрыла глаза, слатывая появившийся в горле ком. И самая большая вина. Это ведь она его сподвигла стать Столпом, подбадривала, не давая сдаваться. Подарила уверенность.

А что в итоге? Если деть переживет ее смерть, вряд ли оправится полностью. Его величество подпишет-таки указ, и Совенка вышвырнут из дворца.

Сволочи! Какие же сволочи те, кто, прикрываясь радением за государство, решает собственные проблемы. Так она и поверила этому... в серебряной маске. Им всегда плевать на народ, на чужие смерти. Их волнует лишь собственная выгода и власть. И отличает железная уверенность в правильности выбранного решения вне зависимости от того, сколько крови прольется.

Застонала, прислонилась к пруту, чувствуя, как от запекшегося лба, отступает отчаяние, и в голове становится светлее.

Скосила глаза. Нахмурилась. Потерла темное пятно, и твердая поверхность поддалась, промявшись под пальцем. Юлия могла поклясться, раньше там не было никакого пятна.

Дернула себя за волосы, призывая собраться. Что-то разрушало это дрянь. Что? Слезы? Кровь? Осмотрела себя, и взгляд остановился на браслете. Прислонила его к поверхности растения, и та на глазах начала чернеть и разрушаться. Ай молодца. Не все так плохо с защитой в королевстве. На что-то да сгодились железяка.

Но следовало поторопиться. В голове уже мутнело и дышать становилось тяжело. Может, конечно, это было психосоматика, но рисковать не стоило.

Она прислоняла браслет к сочленениям клетки. Коже на запястье доставалось, но Юлия давно перестала обращать внимание на боль. Главное — впереди забрезжил просвет. Браслету тоже приходилось нелегко. Он темнел. Терял камни. А в конце просто развалился на части, однако свою роль отыграл.

Юлия рванула поддающиеся прутья. Царапаясь и рвя платье, вылезла из клетки.

И первым делом, задержав дыхание, отшвырнула пирамидку прочь. Потому что не была уверена, что у нее хватит сил отойти в сторону. Разве что отползти. Яд или камни высасывали силы, а может, она просто устала бороться.

— Нет, Юлечка, ты не можешь сдаться, — прошептала запекшимися губами. Только не теперь.

Надо найти способ выключить блокировку камней. Связаться с кем-нибудь и дождаться

помощи.

Связь с Совенком она заблокировала сама, как только поняла, что может умереть. Заблокировала жестко, чтобы смягчить откат от смерти. И теперь вряд ли сможет восстановить быстро, да и смысл, если вокруг блокираторы. А выход из зала... Не просматривался. Сил идти уже не было.

Ноги не держали, и она опустилась на пол. Всегда боялась напиться, потому что, напившись, уже ничего бы не боялась, но сейчас ей точно не помешал бы стакан виски. Чтобы подчинить чертово пламя.

Мужчина в маске сказал — камни блокируют пламя. Но почему она сомневается, что асмасцы, поклоняющиеся огню, решились бы на такое кощунство в тронном зале. Скорее, похититель сыграл на ее проблемах с контролем.

Надо попробовать призвать непослушную стихию. Хорошо, если пламя не хочет приходить к Юле, она придет к нему сама. Уйдет в себя. И вытащит огонь наружу. Прикрыла глаза. Усталый, сиплый голос шелестом разнесся по залу.

— Давай, сволочь, подчиняйся. Сколько можно упрямиться?! Алкоголя нет. Фильярга тоже. Есть только мы с тобой. И если не хочешь сейчас сдохнуть, придется поработать.

Камни на животе запекло, а потом от них потек жар. Юля неверяще распахнула глаза. Направила огонь через ладони, и тот послушно скользнул вниз, на камни. О чудо. Один из камней почернел. Юля усилила напор. Огонь обдавал жаром. Камни чернели, а она пыталась пробиться сквозь блок. Дозваться того, кто выручал уже не раз.

И в очередной отчаянный вопль услышала долгожданное:

— Личинка! Как ты тут оказалась? Так далеко от гнезда?

Умаявшийся мозг вяло отметил, что ее занесло куда-то за Третий тэорат. Силы таяли, а камни, почернев раз, начинали мерцать с удвоенной силой и через некоторое время восстанавливали защиту.

— Помоги, — прохрипела, чувствуя, что ещё немного и закончится все.

— Ты говоришь словно из воды, — «обрадовал» калкалос, — но я поймал направление, держись, скоро буду.

И она держалась. Еще немного. А потом ещё чуть-чуть. Отсчитывая секунды своего упрямства.

Когда дошла до сотни, огромное витражное окно взорвалось на сотни осколков, и внутрь скользнуло чешуйчатое тело.

Ударилось крылом о колонну, отчего та пошла крупными трещинами. Шарахнулось в сторону, хвостом стряхнув ткань с возвышения, заодно подсократив трон на пару камней. С грацией подбитого истребителя плюхнулось на брюхо и, подняв кучу пыли, заскользило к ней. Остановилось в десятке метров.

Калкалос замер в клубках пыли, неловко растопырив крылья и, кажется, боялся лишний раз дернуться, чтобы не обрушить потолок. Как бы не так. Пыль не оставила чешуйчатому носу ни единого шанса. Калкалос дернул головой, попробовал спрятать ее под крыло, потом не выдержал, чихнул громко, с чувством, и эхо заметалось по залу, превратив одного чихающего дракона в десяток. Зазвенели стекла, с потрепанного трона свалилось что-то еще, прогрохотав по полу. Калкалос виновато оглянулся, прикрыл лапой нос, сдерживаясь. Юлю пока спасала тряпка на лице, но глаза уже начали слезиться.

— Ненавижу тесноту ваших пещер, — недовольно рыкнул в ее голове Драго. Юля согласно кивнула. Этот зал она тоже ненавидела.

Камни вокруг дракона, среагировав, налились мерцающим светом.

— Пламя мне в зад, что за дрянь? — недовольство чешуйчатого усилилось, и по залу прокатилась, обдавая жаром, волна жидкого огня. Камни под ее напором лопались, точно яйца в микроволновке.

Юля испуганно зажмурилась, прикрыв ладонями от жара лицо, но волна обтекла место, где она сидела, словно риф. Плеснулась о стены, покрывая те слоем копоти, и затихла, выпустив напоследок облако сизого дыма.

Пропитанный горелой пылью воздух лез в легкие, невыносимо хотелось кашлять и чихать.

— Слышь, личинка, ты здесь зачем? — с паузами, дыша через раз, пророкотал калкалос. — К тому, что не против убраться отсюда?

— Только за, — вымолвила, чувствуя, как кружится голова, как тело перестает ей принадлежать, а чернота оказывается совсем близко.

Но сил хватило предупредить:

— Здесь яд. В воздухе.

Калкалос со скрежетом подтянулся когтями по полу, демонстрируя стиль баттерфляй в сухом бассейне.

— Вы, двуногие, вечно о ерунде беспокоитесь, — ворчание в голове успокаивало, и Юля сдалась, опуская голову на пол. Прикрыла глаза, ощущая, как отступает страх, как тело расслабляется. Закашлялась, прижимая тряпку к лицу. Та почему-то намокла, и Юля стащила ее, потом сдернула, отбрасывая в сторону.

— Лучше думай, как я найду тебя в этой грязи. Не самка, а вошь на блюде.

В лицо дохнули вонючей рыбой и морскими водорослями.

— Дохлая вошь, — добавил озабоченно Драго. Тело перекатали на что-то упругое, потом подняли вверх и словно на горке спустили вниз, прижав лицом к теплomu, чешуйчатому боку. Оплели нитями силы, а потом пыль ударила в лицо, чтобы через пару секунд смениться прохладной свежестью.

— Сдохнешь, скормлю рыбам, — пригрозили в голове, и Юля отключилась.

Очнулась от нагрузки, придавившей тело. Повернула голову — они неслись в паре метров от беснующихся волн. Соленые брызги попали на лицо, и сознание прояснилось. В голове развлекался калкалос.

— Да-а-а. Что? Съел свой хвост? Пернатый дурень.

И море с небом поменялись местами. Юля проглотила тошноту, отправив мысленный вопрос Драго.

— Блохи в гости пожаловали, — весело пояснил калкалос, — за пещеру свою обиделись. Одного уже стряхнул, сейчас второго притопим.

Кульбит в воздухе и восторженное:

— Нырнул? Похлебай водички, дурень. Счастливо поплавать.

— Все, личинка, мы почти на месте. С пернатыми туда нельзя, а вернуть тебя из-за грани может лишь оно.

Что имел в виду Драго, Юля спросить не успела, провалившись очередной раз в темноту. Очнулась от того, что летит куда-то со скоростью свободного падения. Крик застрял в легких, а потом его и вовсе вышибла встретившая тело вода. Юля рухнула, сразу уйдя под воду, и медленно заскользила вниз ко дну. Вода была теплой, обнимала ласково, и Юля расслабилась, отдавшись ее объятиям.

— Приди в себя! — Третий встряхнул брата, но тот не отреагировал, продолжая смотреть в себя.

Харт поморщился, надавил на плечо и зло прошипел в лицо младшему:

— То, что ее браслет разрушился, не означает, что она мертва. Это значит — защита сработала. Но сама она вполне может остаться в живых. Не веришь? Посмотри на Альгара, он не валяется без сознания.

Фильярг скользнул взглядом по зареванному лицу Шестого, пожал плечами, спросил тяжело:

— И где ее искать? Мы перевернули дворец. В Третьем тэорате ее нет. Но я готов поднять на ноги всю страну. Пока есть надежда.

— Вот и хорошо, — Харт похлопал брата по спине, повернулся к Альгару, приказал: — Не переставай связываться с ней, понял? Пробивайся, если хочешь вернуть свою ассару.

Альгар всхлипнул, утер нос и спросил с надеждой:

— Мы ведь вернем ее, правда?

— Конечно, мелкий, — соврал Харт.

— Ваше высочество, — его окликнул безмолвный, дождался кивка, вытянулся и доложил: — Вы просили сообщать обо всех происшествиях. Только что пришла весть из Первого тэората. Там калкалос вломился в зал Третьей ветви.

— И с чего его туда понесло? — недовольно спросил у себя Харт. В академии давно обещали соорудить пугалку для крылатых, только не торопятся что-то. — Свободен, докладывайте дальше.

— Подожди, — Фильярг положил ладонь на плечо, сжал. Проговорил задумчиво: — Зал Третьей ветви давно пуст. Там нет ничего, что могло бы привлечь калкалоса.

— А заброшенный зал — идеальное место, чтобы кое-кого спрятать, — медленно, осознавая сказанное, вымолвил Харт. Шестой с надеждой уставился на них.

— И я знаю калкалоса, который помог бы Юле, — подтвердил Четвертый. Они переглянулись, одновременно потянулись к браслетам связи, чтобы отдать распоряжения, но их опередил вызов на браслет Харта.

— Слушаю, — ответил Третий.

В комнате зазвучал голос Первого.

— Брат, я сейчас в зале Третьей ветви. Думаю, тебе надо на это взглянуть.

ГЛАВА 18

Первый встретил их на выходе из портала. Обменялся приветственными поклонами с братьями, удивленно вскинул брови при виде Шестого, недовольно поджал губы на Фаррая, но комментировать не стал.

— Отследили калкалоса? — первым делом спросил Харт.

Лиестр лишь раздраженно махнул рукой:

— Бесполезно. Они, как видят чарксов, считают своей обязанностью устроить гонки. Хорошо, хоть перестали нападать и хвосты выщипывать. А все их давняя грызня из-за рыбы, которую кто-то вылавливал не на своей территории!

— То есть потеряли, — свел брови Фильярг, явно горя желанием найти виновного. Фаррай скопировал его выражение. Харт и подумать не мог, что эти двое так быстро найдут общий язык, но пять минут обмена подозрительными взглядами, присматриваний, принюхиваний, и между мужчинами было заключено безмолвное перемирие. И Харт уже знал, чем все закончится: хорошей дракой, а потом не менее впечатляющей попойкой.

Фильярг, несмотря на взрывной характер, был справедлив и чужую помощь ценил.

Лиестр вместо ответа протянул всем полоски ткани. Харт успел просмотреть доклад патруля и понимал — хвастать нечем. Один из патрульных чуть не утоп, второй, пока доставал товарища, потерял цель.

— Воздух еще не очистили, берем пробы. Ткань защищена, пару часов сдержит любую дрянь, — пояснил Первый, раздавая треугольные куски материи.

Харт тут же насторожился.

— Есть подозрение на яд?

— Сложно сказать, — покачал головой Лиестр, — там такой хаос... Но трое моих людей, первыми вошедшие в зал, попали в целительскую. Так что защита лишней не будет.

Они обмотали лица, и старший брат открыл проход. Из-за давних событий и в память о них зал был законсервирован. Дверь заложили камнями, оставив лишь эвакуационный проход, который открывался с помощью силы.

В лицо всем пятерым ударил жар, нос забился вонью горелой пыли, а под ногами захрустела каменная крошка.

— Жыргхвова задница, что тут произошло? — потрясенно спросил Фильярг, оглядывая закопченный, частично разрушенный зал с выбитым витражным окном и выжженным полом.

— Калкалос тут случился, — глухо из-за маски отозвался Первый, — но я позвал вас не за этим.

И он двинулся в противоположную от выбитого витража сторону. Ткнул носком сапога в кучку зеленого пепла, которая по цвету отличалась от остальной пыли.

— Анализы ещё не готовы, но готов поклясться, это что-то растительное. И находиться здесь не должно.

Мужчины склонились, рассматривая зеленый пепел.

Фаррай присел, прикинул размер и выдал:

— Что-то большое было.

Поворошил рукой, растер пальцами, стащил платок, понюхал под неодобрительным взглядом Первого.

— Если и ядовитое, то не сильно.

Харт хмыкнул — и как определил? Нет, определенно к такойцу следовало присмотреться повнимательней.

Фильярг внезапно нагнулся и вытащил из зеленого пепла кусок металла. Обтер рукавом, сжал в ладони и выдал глухо:

— Она была здесь.

Харт понимающе кивнул — Четвертый нашел остатки браслета. Это хорошая новость. Раз рядом не валяется труп ассары, значит, есть ещё шанс.

— Мы говорим о девчонке, из-за которой весь дворец сходит с ума, а новости напоминают пожар в пустыне? — уточнил Первый, заработал четыре мрачных взгляда и продолжать тему не стал. Махнул рукой:

— Это ещё не все.

И повел их в сторону, где в воздухе висела магическая метка.

— Юля! — крик Альгара приморозил их к полу. Фильярг медленно повернулся. Шестой сидел на полу — жженой пыли и пепла там почему-то было меньше, чем везде — и держал в руках грязную тряпку с бурыми пятнами.

— Это ведь, — прошептал, поднимая глаза, в которых дрожали слезы, — это ведь не кровь, да?

Мужчины переглянулись. Вернулись. Третий присел рядом, мягко забрал из рук брата найденную вещь.

— Разве можно что-то утверждать без анализа? — спросил укоряюще. — Вот давай спросим у Первого. Он же у нас ученый.

Лиестр, накладывая сохранный заклинание на обнаруженную тряпку, подтвердил:

— Во всем должна быть точность, Шестой. Даже если тебе кажется, не обязательно, что так оно и есть. Проверим, убедимся и тогда дам ответ. А пока глупо строить какие-либо предположения.

— Нет, — Альгар опустил голову на грудь, горестно вскрикнул, — это ее кровь. Я чувствую.

Мужчины переглянулись. Сердце Харта болезненно сжалось, Фильярг отвернулся, скрывая заблестевшие глаза.

Фаррай забрал тряпку из рук Первого, растянул на свет, принялся и выдал:

— Это кровь.

Харт посмотрел на него с ненавистью. И чего лезет, спрашивается? Самый честный, да? А то они все не поняли.

— Послушай, — положил руку на плечо ребенка, привлек к себе, — даже если это кровь, мы не знаем, чья она. Да и разве Юля даст себя убить? Она сильная. Уверен, это кровь ее врага.

— Так и было, — рядом опустился Фильярг, — она его ранила и отправилась в погоню. Потому ее здесь и нет. Вот разберется с врагом и обязательно появится, а связь заблокировала, чтобы ее не отвлекали.

По мере слов братьев Альгар всхлипывал все реже, потом решительно вытер лицо рукавом и проговорил со злостью:

— Вырасту и всех-всех злодеев казню.

Братья снова переглянулись.

— Мы будем рядом, — потрепал его по голове Харт, чувствуя что-то похожее на единение. Словно они все сейчас ощущали одно. И желали тоже одного.

— И что будем делать? — спросил Фаррай, не проникшись братским настроением.

— Где в последний раз видели калкалоса?

— У Белых скал, — подумав, ответил Первый.

— Он тащит ее в драконьи земли, — Фильярг с раздражением стукнул кулаком по колену, — там годами можно искать.

— Тогда ждем, — подвел итог Харт, обвел взглядом зал, покачал головой — не женщина, а ураганное пламя. Впрочем, он готов простить ей все, лишь бы осталась в живых.

Вода обнимала, мягко укачивая, точно мать в колыбели. Страшно не было, сил на борьбу не осталось. Юля медленно опускалась, чтобы в конце улечься на каменистом дне. Расслабиться. Довериться решению калкалоса.

Сознание стремительно мутнело. Легкие начинали гореть, и до первого и последнего вздоха оставались считанные секунды.

Водоем ожил. Вода резко нагрелась, буквально взорвавшись бурлением. Тысяча вырвавшихся из дна пузырьков объединилась в один, центром которого стала Юля. Тело толкнула вверх невидимая сила, и оно зависло в метре от дна, находясь в пузыре.

Спину обожгло, точно внизу включили обогреватель. Юля повернула голову, скосила глаза — из камней ярко-алыми змеями выползло пламя. А кто-то всю жизнь верил, что вода и огонь — противоположности. Нет же. Вполне мирно себе сосуществуют, нарушая законы физики. Вода не вскипает паром, огонь не гаснет. Более того, активничать начинает. В странную сторону. Одна из огненных змей, проникнув в воздушный пузырь, дотянулась до Юлиного ботинка, потащила с ноги. Но помешала шнуровка.

Юля даже пришла в себя от такой наглости. Подозрение в разумности отринула сразу — ибо нервная система дороже. Можно допустить разумность собаки, дракона, но пламени? Нет, в эту секту ее не заманишь.

Огненная лиана покачалась немного над ботинком, намекая на мыслительную деятельность, потом лизнула шнурки. Юля дернула ногой. Не успела. Лишившись шнурков, ботинок полетел на пол.

В голове прояснилось, и мысли выстроились в цепочку: от понимания, что пламя ведет себя слишком... логично, до необходимости разуться — кто станет спорить с огнем? На него вон даже вода не действует.

— Подавись! — второй ботинок сняла сама. Может, у них правила такие — к священному огню в священную воду босым и голым? Точно, голым. Огненная лиана потянулась к платью.

— Забирай!

Пуговицы не поддавались, и Юля рванула ткань. Стянула через голову. Сбросила вниз, и платье было мигом поглощено огнем. Хм, может, он так питается?

Девушка осталась в нижней рубашке, чулках и белье. Впрочем, кого стесняться?

— Мне не жалко, ты не думай.

Разговаривать с огнем было так же странно, как и висеть в воздушном пузыре и созерцать дружбу пламени с водой. Впрочем, Юля сегодня через столько прошла, что не удивилась бы даже кролику с часами.

— Но как я потом возвращаться домой буду?

Огню было плевать. Ему хотелось полного стриптиза. Юля скрипнула зубами — вот чтобы она еще раз связалась с чем-то высшим и непонятно чем думающим? Действительно, чем? Головы нет. Мозга тоже. Или у них коллективный разум? И где-то там внизу живет огненный супермозг? Надо будет Третьего попытать на эту тему. Нет, Кайлеса лучше. Тот если и обидится, виду не покажет и не будет нудеть о поправленных святынях и оскорбляющих домыслах.

Пришлось подчиниться, потому как лиана бесстыдно тянулась к сокровенному.

— Доволен? — прорычала, когда трусики были пожраны огнем. Откуда только силы взялись на злость? Действительно, откуда? Еще недавно была чуть живее тупа.

Прислушалась к себе. В теле чувствовалась поразительная бодрость. Словно выпалась часов двенадцать, а накануне угулялась на свежем воздухе.

— Знаешь, — проговорила задумчиво, глядя вниз и любуясь огненным серпентарием — для этого пришлось перевернуться на живот, — если ты так обожаешь одежду, я готова весь гардероб тебе скормить.

Показалось или внизу раздался смешок? Похоже, пришла пора лечить нервы.

Словно в ответ на ее мысли лиана кончиком коснулась камней на животе девушки, и те вспыхнули ярко, точно гирлянды на елке, а по коже расплзлись, покрывая тело невидимой сеткой, горячие нити.

Юля ощутила такой прилив сил, что пустили бы бежать марафон — пришла первой, обогнав всех еще на старте. И вообще — горы свернуть в тот момент не казалось проблемой.

— Гори! — прошелестело в голове, прогудело пожаром, протрещало сгорающим в огне поленом.

— Живи! — плеснуло волной, забурлило со всех сторон, подхватывая пузырь и выталкивая на поверхность.

Юля замерла в позе звезды, покачиваясь на поверхности озера. Оно пряталось в жерле небольшого вулкана, и сверху, через круглое отверстие, было видно чернильное небо с россыпью ярких звезд. Сбоку желтым засвечивала луна.

Надо же... она провела под водой целый день. Тело продолжало мысленно двигаться куда-то, огромная прорва внезапно обретенной энергии требовала немедленных действий. Хотелось осчастливить все человечество разом. Сделать что-нибудь значимое. Иначе... ее разорвет на части. Спасибо огню, вечного ему горения. В голове вместо мыслей один гул, как от пожара. Черт, она даже имя свое вспомнить не может, точно не человек, а обретшая сверхспособности супервумен.

— Ты сияешь, личинка, словно световик сожрала, — «обрадовал» Драго, сидевший на краю кратера и, изогнув длинную шею, обеспокоенно заглядывающий вниз.

Юля хмыкнула. Сияние не проблема, а вот горение внутри... пугало.

— Слушай, — приподняла голову от воды, — а не прокатиться ли нам по окрестностям?

Первый внезапно отвлекся на вызов с браслета. Прочитал сообщение, нахмурился, активировал голосовую связь и бросил:

— Наблюдать издалека, не приближаться, а то вспугнете.

Повернулся к вопросительно замершим братьям и сообщил:

— Только что пограничный патруль заметил калкалоса. Стремительно приближается с северо-запада. Возможно, это наш.

Фильярг подался вперед, потребовал:

— Дай мне чаркса.

Лиестр отрицательно покачал головой. Хмуро посмотрел на брата.

— Ты знаешь — нельзя. Либо себя угробишь, либо птицу. Не дам.

Чарксы приручались с трудом. Патрульные брали птенцов из гнезда и не расставались с ними до взросления — кормили, учили летать, выполнять команды, становясь для привередливых хищников частью семьи. И те никого, кроме хозяина, не терпели в седле.

— Брат, «Покоритель» будет здесь через полчаса. Я могу взять тебя на борт, — Фаррай панибратски хлопнул Четвертого по плечу, заставив поморщиться — Фильярг слишком мало общался с такойцем, чтобы успеть проникнуться соленым духом морской вольницы.

— И что? — не сдержал издевки. — Будем догонять калкалоса по воде?

— Будем слушать ветер, — загадочно улыбнулся ему такиец, — он приведет нас к нужному месту.

Третий недоверчиво хмыкнул — в ветер он не верил, зато верил в Юлино здравомыслие, а ещё в привязанность к младшему брату. Как только сможет — вернется, а гоняться за ней по всему Асмасу — пустая трага огня. Лучше сосредоточиться на личности похитителя. Первый уже посокрушался о том, как мало осталось улик. Харт был с ним согласен — сам видел выжженный зал.

Алькастовые камни. Не удивительно, что похититель выбрал зал Гнилой ветви для убийства. Удивительно, как Юля смогла дозваться до крылатого друга. Эта женщина не

переставала поражать.

Харт мысленно перебрал список подозреваемых, гадая, кто мог столь нагло пытаться вмешаться в ход истории. Вздохнул — слишком большой список получался, начиная от дедов, которые считали себя самыми умными в королевстве, переходя к дядям, которым вечно мало власти, и заканчивая родственниками жен его величества. Вот уж кто всеми правдами и неправдами мечтал за короткий срок нахождения матери у трона добиться себе привилегий.

Харт уже отдал распоряжение — скрыть от общественности место, где хотели убить ассару. Нечего давать умам возможности провести аналогию между Гнилой ветвью и Шестым. Тут и без исторических аналогий проблем хватает.

Поднялся, зашел в соседнюю комнату. Пара безмолвных знаками показала, что у Шестого все нормально. Харт и сам видел, что брат спокойно спит в кресле. Не выдержал переживаний — уснул. Хоть и упрямылся, заявляя, что не будет спать, пока не вернется ассара.

Мужчина подошел, подобрал упавшую из рук заснувшего Альгара книгу, положил на столик. Поднял ребенка на руки, тот заворочался, забормотал:

— Юля, Юля.

Харт постоял, прислушиваясь, но мальчик лишь ровно сопел. Отнес, положил на диван, прикрыл пледом. Нагнулся, всматриваясь в лицо ребенка и убеждая самого себя, что с Юлей все в порядке. Должно быть.

— Попробуй только не выживи, — прошептал, не сдержавшись, с угрозой, — и я лично достану тебя из мира мертвых.

Безмолвные одобрительно поддержали знаками. Мол, они всегда в деле.

Юля не знала, кого больше напоминает: ведьму на метле, летящую на шабаш, или ту же Маргариту на метле, которая тоже недалеко от ведьмы ушла.

Ночь. Мерцающие звезды. Луна. Дорожка блистающего серебра на воде. Стихший шторм. Вяло текущие волны. Крылатая тень, скользящая по поверхности моря. Свист ветра в ушах. Мурашки по телу. Жесткая чешуя под нежной кожей. Хаос в голове. И желание перекроить мир.

Сняла блокировку. Потянулась к своей любви. Выдохнула с облегчением — деть был расстроен, встревожен, но крепко спал. И она не стала его будить. Не сейчас.

Внутри что-то резко восставало против возвращения, считая саму себя угрозой для Аля. «Возвращаться нельзя, — твердило оно, — сначала пара подвигов. Потом кого-нибудь погонять. Но, главное, успокоиться и перестать искрить, точно закоротивший фен».

Виной кольнула мысль о Фильярге. Но Четвертый большой мальчик. Будет злиться, обещать запереть, но лучше так, чем начнет бояться ее силы. Почему бояться? Потому что она сама ее боится. Не дай Бог вспылит — и половину дворца перестраивать. Поэтому сегодня ночью она выбирает социальное дистанцирование...

— Давай сюда, — и махнула рукой на одинокий остров.

Его величество пребывал в прекрасном расположении духа, то и дело возвращаясь к двум хорошим новостям: беременность Седьмой жены и победа Шестого сына на состязаниях. Он уже назначил награду для ассары и выбрал подарок для сына. И впервые за долгие годы волнений и переживаний за Альгара чувствовал мир в душе. А потому с благостной улыбкой потянулся за докладом о событиях прошлого дня.

И первая же новость заставила свести брови.

— Почему не доложили раньше?

Секретарь виновато пожал плечами:

— Третий просил не тревожить. Вы вчера целый день были заняты приемом делегаций и переговорами.

— Но в ловушку заманил мой человек, — его величество в раздражении бросил бумаги на стол.

— Мы действительно привлекаем слуг для мелких поручений, когда все курьеры бывают заняты. Для безопасности используем одних и тех же. Все прошли проверку и служат не один год во дворце.

— Значит, кто-то свой, — мрачно проговорил король, добавляя: — Как будто могло быть иначе. Никак не угомонятся. Везде им «Гнилая ветвь» мерещится.

А ведь он столько всего сделал... Признал ассару матерью Шестого. Подтвердил ее статус при дворце, разрешил учиться как Столпу. Нет, все равно. Его подданные продолжают цепляться за предрассудки. Не принимать женщину как ассару. Вопить об иномирянке при дворе, допущенной к принцам. Оставаться слепыми к ее силе. Не замечать выгоды для Асмаса. И вся эта закоренелость непрошибаема.

— Что с поиском пропавшей?

— Пробовали и по крови, и по ауре. Сначала ее блокировали алькастовые камни, потом что-то неизвестное, а дальше госпожа ассара постоянно находилась в движении. Но она жива. И, ваше величество, прошу, посмотрите дальше. Вас точно заинтересуют листы с пометкой «огненно».

Король вытянул несколько с круглой печатью наверху, внутри круга был изображен красный завиток пламени. Вчитался. Поднял ошарашенный взгляд.

— Серьезно? Голая светящаяся женщина? Верхом на калкалосе?

Секретарь скорбно кивнул.

— Это еще не все.

Брови его величества поползли вверх, а пальцы сжали крепче, чем следовало бумагу, проминая лист.

— И много свидетелей?

— Достаточно, — поджал губы секретарь и принялся перечислять: — Рыбаки, вышедшие до рассвета в море, гости на свадьбе, загулявшие до утра, монахи монастыря Святого пламени.

— Я понял, — прервал его король, морщась, точно от зубной боли, — опросили?

Секретарь кивнул.

— Большинство сходится к мысли, что нас посетила богиня лунного света. Часть посчитала женщину темной чародейкой, прибывшей с материка, но таких немного. Все же калкалос не стал бы служить темным.

— Он вообще не стал бы служить людям, — возразил его величество.

Над следующим листом король задумался надолго. Посмотрел на карту. Пожевал губы, прикидывая. Потом осторожно спросил:

— Это точно?

Лицо секретаря смогло прибавить скорби к своему выражению.

— Первый и Второй тэораты отправили свои патрули, но, похоже, мы приобрели ещё один остров между ними.

— Это же неплохо, — откинулся на спинку король. Секретарь не разделял его

ОПТИМИЗМА:

— Если только подъем почвы не разбудит вулканы.

Король нервно побарабанил пальцами по краю стола, покачал головой — утро стремительно теряло свою благостность — и распорядился:

— Усилить группы наблюдателей и провести внеплановую проверку всех вулканов.

Светящаяся женщина... Кто бы мог подумать. И его величество потянулся за следующим листом.

Рельгар считал себя неплохим правителем. Да и было чем гордиться. Подрастали шесть наследников, седьмой на подходе. Правящая ветвь прошла испытание огнем, укротив вулкан Второго тэората. Ну а рутина... Всегда останется такой. Где-то прибудет, где-то убудет.

Асмас никогда не был легким наследством. Порой он напоминал королю старинный часовой механизм, который привык работать в своем ритме веками, и не желал меняться. Только время не спрашивало разрешения, подкидывая новые задачи. Например, ассару.

Рельгар был уверен, что свое королевство он содержал в порядке, а она взяла, да и нашла кучу мусора по углам.

— Как узнала о гнездовьях? — потрясенно спросил у секретаря.

— Думаю, калкалос подсказал. Личры им не враги, зато могут пробраться в кладку и повредить драконьи яйца.

Его величество представил юрких крылатых хищников, размером с ребенка и длинной пастью, полной острых зубов. Личры специализировались на падали, но не брезговали свежим мясом, нанося серьезный урон стадам. А ещё были крайне плодовиты, откладывая яйца по два-три раза в год. Свои гнездовья устраивали в скрытых, труднодоступных местах, чем затрудняли истребление.

— Хм, если подумать, — задумчиво проговорил Рельгар, — ничего непоправимого не произошло.

Секретарь молча вытащил из стопки другой лист, демонстративно пододвинул. На лице — с трудом сдерживаемые эмоции. Его величество вчитался в текст. Выругался, понимая, кто принял ночную гостью за темную чародейку. Спросил, не ожидая ответ:

— И чем ей не понравилась башня монастыря Святого пламени?

Секретарь ожидаемо пожал плечами, высказал осторожное предположение:

— Цветом?

Рельгар тяжело вздохнул, мельком глянул остальные бумаги, ежедневную сводку о состоянии вулканов и распорядился:

— Отправьте кого-нибудь в монастырь оценить ущерб, корона все возместит. Отчеты патрулей о новой земле мне на стол. Если появятся любые признаки активности вулканов — сообщить. Результаты расследования о покушении жду в любое время. И когда наша, гм, госпожа ассара нагуляется... Пригласите ее ко мне.

— Пригласить? — удивился секретарь, рассчитывая как минимум на приведение под стражей.

— Да, — кивнул король, внося уточнения: — После того как отдохнет, поест и придет в себя. И знаешь, я искренне рад, что она смогла остаться в живых.

Бессонная ночь тяжким грузом ложилась на плечи. Сон давно уже приглашал к себе, но Третий держался. Рядом зевал Первый. Растер ладонями бледное от недосыпа лицо. Вылил себе на голову воды из кувшина. Встряхнулся. Поднял мутные глаза, прищурился, находя розовую полоску на горизонте. Вымолвил:

— Рассвет. Должна уже уgomониться. Если не она, то калкалос точно. Даже с подпиткой.

Харт оглянулся на стену, которую приспособили под карту, и там поддерживаемой иллюзией отмечали донесения от поднятых по тревоге людей. В охоту включились все — от патрульных до пограничных войск. А между ними по морю метался всполохом пламени корабль Фаррая. И сообщения от Четвертого приходили все злее.

Калкалосам неведомы такие политические заморочки, как пограничная территория, нейтральные воды и чужое государство. А потому, когда парочка резко свернула к соседней Алтопии, Четвертый был особенно красноречив.

Ночью Фильярг первым ощутил ее появление. Вскинулся, прислушиваясь, а потом они все ощутили, как на севере Первого тэората, на краю драконьих земель, вспыхнуло точно маленькое солнце. Харт поначалу встревожился — не вулкан ли? Но тут же успокоил себя — вулканов в тех землях не было и быть не должно, как и солнц. Только это такое солнце, которое никого не слушает.

Он ещё сомневался. Ровно до первого доклада встретившего их патруля. И дальше не знал — то ли смеяться, то ли плакать.

— Знаешь, я ведь не верил, что выживет, — проговорил Первый, смотря в светлеющее небо, — после такого яда...

Харт согласно прикрыл глаза. Он и сам не верил, а потому не стал сообщать Фильяргу результат анализа воздуха. Пусть верит, пусть ищет. До утра. До того, как свалится Шестой, корчась в агонии от смерти ассары. Не свалился. Спит спокойно, он проверял.

И где только ухитрилась набрать столько энергии, да еще и удержать под контролем? И где одежду потеряла, стыдоба королевства? Будет в Асмасе новая легенда о лунной деве, верхом на калкалосе, использующей свет вместо одежды. Уж Харт позаботится. Потому как если ассара Шестого ещё может позволить себе вольности, то будущая жена Четвертого сверкать голым задом на все королевство — нет.

Впрочем, Харт был согласен на любой позор, лишь бы увидеть живой и невредимой, сжать в объятиях, встретить взгляд зеленых глаз, выслушать тысячу и одно возражение, а потом сделать вид, что по ее вине полкоролевства лежит в руинах... А что ещё остается, если сам отдал другому... Только воспитывать, да наблюдать со стороны.

— Почему с вами такиец? — Первый всегда любил точность и конкретику. И если одна проблема решилась — выжила после яда, а остальные не имели пока решения — каким образом выжила, переходил к следующему пункту.

Харт пожал плечами, не желая вдаваться в подробности. Лиестр свел брови, взгляд потяжелел. Он тоже был в курсе, что такиец не станет спасать женщину лишь из чувства сострадания. Особенно если женщина молода и хороша собой.

Пришлось признаться со вздохом:

— Я теперь не уверен, что сказки о ведуньях Такии, такие уж и сказки. Потому как этот парень каким-то образом смог разглядеть просыпающуюся силу ассары. Но мы приняли меры. Не волнуйся. Ассару он не получит.

Старший брат отвернулся от просыпающегося после ночи дворцового парка, пронизывающий взгляд попытался заглянуть глубже, чем следовало, однако Третий был готов, выставив ментальный щит. Лиестр отступил, но успел что-то заподозрить.

— А сам? — спросил.

Харт снова пожал плечами. Сегодня утром это его любимый жест.

— Она сделала выбор.

— И ты ей позволил? — искренне удивился Первый.

Харт мечтательно улыбнулся и посоветовал:

— Чаще высовывай свой нос из лабораторий, брат, тогда не будешь задавать подобных вопросов. Вот познакомишься — и сам все поймешь.

ГЛАВА 19

Фильярг никогда не думал, что переживать за кого-нибудь будет столь больно. Тысячу раз балансировать между отчаянием и надеждой. Находить и терять. Верить и сдаваться. Сердце болело так, словно его истыкали острыми иголками.

Встал у поручня. Сжал холодный металл. Вгляделся в ночную тьму за бортом.

Глубокий вдох, чтобы разогнать туман в голове, отринуть панические мысли. Пусть только выживет. Пусть только попробует не выжить. Как ему тогда жить без нее? Выгоревшей деревяшкой? Самому себе не нужной?

Удушающее чувство вины.

Это он притащил ее в свой мир. Заставил принять ассарство. Хотя и видел сомнения на лице. Ощущал страх перед магией и неуверенность во дворце. Но давил. Настаивал. Лишал воздуха. Был недостаточно внимателен. И столько всего не успел сделать...

— Только выживи, — повторил в сотый раз.

Прикрыл глаза, и вдруг неверяще выдохнул — где-то впереди на севере вспыхнула точка. И магия от этой точки шла такая знакомая...

Корабль развернулся, ложась на новый курс.

— Это не женщина, — Фаррай гневно раздувал щеки, — это...

Осекся, посмотрел виновато на Фильярга, прошипел что-то невнятное сквозь зубы и в который раз приказал сменить курс. Команда с ворчанием подчинилась. Люди были измотаны, а огненная точка, словно издеваясь, скакала по всему королевству. Ветер не помогал. Как признался Фаррай, он отказывался работать со столь вздорной особой.

Фильярг его понимал. Он и сам чувствовал себя ловцом радуги. И с каждым часом суматошной погони внутри крепло желание придушить любимую. Нет, сначала зацеловать, а потом придушить. И ладно бы просто раскатывала на калкалосе, но без одежды! Ни в каком пламени не сгореть.

— Какая женщина! — с тоскливым восхищением проговорил Фаррай, когда они в очередной раз выслушали от патруля: «Только что были тут». И Фильяргу захотелось набить такойцу морду, а еще взять одну особу, вскинуть на плечо и завтра же оттащить в храм. Чтобы у других не было даже надежды прибрать его сокровище к рукам.

Когда рассвет набрал силу, они причалили к пустынному островку.

— Не вспугни, — прошептал Фаррай, карабкаясь следом по скалам. За ними с борта корабля с надеждой следила команда.

Фильярг остановился, сосредоточился. Юля ощущалась слабее, но она точно была здесь.

— Туда, — махнул рукой такиец. Фильярг и сам уже заметил темное пятно пещеры в скале. Подтянулся, переваливаясь через край каменной площадки. Чувствуя себя на боевом задании, прокрался внутрь. Фаррай дышал в спину.

Светляк зажигать не стали. Шли на ощупь и на звук. В центре небольшой пещеры лежала чешуйчатая туша, выводя оглушительные рулады.

«Притомился, жырghхова задница», — с мстительной радостью подумал Фильярг. Нет, калкалосу он был безмерно благодарен за спасение Юли, но под ночной усталостью

благодарность немного притупилась. Очень хотелось разбудить и поинтересоваться: какого всю ночь они творили?

Калкалос услышал их шаги. Туша заворочалась, приподняла голову. Крыло дернулось, расправляясь и являя слабо святящуюся женскую фигуру, обнявшую крылатую конечность.

Затопила радость — жива, а следом Фильярг выругался. Сдернул с себя плащ. Накинул, заворачивая. Поднял на руки, и калкалос с облегчением выдохнул, роняя башку обратно на пол и мгновенно наполняя пространство оглушительным храпом.

Юля не проснулась, пока он нес ее на корабль. Не дернулась, когда прощался с командой и договаривался, чтобы ни слова не вылетело за пределы.

Фаррай, не спуская взгляд с плаща, клятвенно заверил, что его ребята молчаливы, как морское дно. Пусть только Фильярг не забудет взять у Третьего список подозрительных купцов, которые могли согласиться провести контрабанду.

— Решил вернуться? — спросил Фильярг, внезапно ощущая легкую досаду. Точно они что-то не успели сделать вдвоем. Но не будет же он на самом деле скучать по такойцу?!

— Ветер зовет на поиски судьбы, — задорно улыбнулся ему Фаррай, — но я ещё вернусь. Жди и береги свою звезду.

Фильярг крепче прижал к себе ношу. Поклонился, открыл портал в Третий тэорат.

Потом был ещё один переход. Короткое сообщение Первому, и к ним присоединился сонный Альгар. А затем они втроем вывалились в холле квартиры Кайлеса под оглушительный визг одетой в одни лишь кожаные шортики блондинки.

— Глаза прикрой, — приказал, поморщившись, Фильярг Шестому.

Грудастой блондинке же досталось:

— Заткнись!

Девушка задохнулась воздухом и рухнула в обморок.

— Зайчонок, что случилось? — из комнаты с двумя бокалами и плеткой подмышкой вынырнул Кайлес. Оглядел гостей, вздохнул, отпил из бокала и спросил:

— Решил трупы у меня прятать?

Пригляделся к тонкому запястью, выглядывающему из-под ткани, удивленно вскинул брови.

— Женский? Не ожидал. Думал, ты больше по мужским. Ну там... Чтобы увеличить свой шанс, надо уменьшить число претендентов.

— Брат? — вопросительно дернул Альгар за рукав.

— Дядя шутит, — скрипнул зубами Фильярг и проговорил с угрозой: — Лучше девушку свою заberi.

Кайлес безмятежно улыбнулся, не собираясь стесняться красивого женского тела, валяющегося без сознания на полу в гостиной.

Фильярг устало покачал головой, прошел в ботинках по белоснежному с длинным ворсом ковру, бережно положил Юлю на кожаный диван. Откинул плащ с лица. Кайлес присвистнул, отпил из второго бокала и потрясенно спросил:

— Как?

— Нет времени, — ответил Фильярг. С сожалением отступил. С каким удовольствием он остался бы с Юлей, но ловушку, которую он организовал, надо довести до конца.

Двинулся к выходу, на ходу отдавая указания.

— Они здесь до вечера. Шестой расскажет детали. Юлю, когда проснется, накормить, отмыть и приготовить. Платье приличное найдется?

Кайлес кивнул и спросил:

— Что с ней?

— Сейчас уже ничего. Но следи за уровнем магии. Если начнет повышаться — возвращай обратно.

Уже у двери повернулся, проговорил с расстановкой:

— И никаких твоих шуточек. Ее пытались убить. Будь хоть сегодня серьезен!

Кайлес вытянулся, отдал поклон, чудом ухитрившись не пролить вина:

— Корона может на меня положиться.

Проследил за перекосившимся лицом кузена, отпихнул ногой влетевший через портал мусор с дороги, повернулся к Шестому и предложил:

— По тортику?

— А тетя? — Шестой благовоспитанно скосил глаза в другую сторону.

— А тетя... — задумался Кайлес, потом поставил бокалы с вином на столик, небрежно завернул один край ковра, прикрывая тело. Провел рукой над женской головой. Поднялся.

— Пусть поспит, после я ей память подправлю. Сейчас у нас с тобой есть более важные дела. Но сначала устроим нашу ассару.

Перенес девушку в гостевую спальню. Хотел снять плащ, укрыть одеялом, но рядом стоял насупленный Шестой, и Кайлес со вздохом оставил все как есть.

— То есть ты взяла и разнесла башню? — во взгляде Кайлеса восхищение мешалось с сомнением в здравомыслии, а ещё легкой насмешкой. Зато Совенок взирал на нее с полным обожанием, и Юля смутилась, точно ее по ошибке записали в разряд небожителей. Записали по ошибке, а поклонение никто не отменял. Потянулась к бокалу с мартини и соком. Отпила. Кайлес тут же обновил.

Ее спаивали. Незаметно и умело. А ещё профессионально вытягивали информацию.

— Представляю, как тебя проклинали монахи, — хмыкнул мужчина и спросил с прищуром: — Хоть помнишь, зачем это сделала?

Юля вскинулась — все она помнила. И никогда не забудет. Полет в ночи. Переполненность энергией — когда еще чуть-чуть — и через край. Ощущение того, что весь мир как на ладони. Потянись — и он рядом. Дотронься — и отзовется.

Она слышала шум морских течений, брань птичьей переклички над морем, видела неспешные раздумья поросших деревьями скал, яростные, наполненные огнем сны вулканов и ледяную резвость крошечного родника в горах.

К вулканам ума хватило не соваться. Зато мольбы погребенного на морском дне острова уловила. Как и многое, многое другое, что хотелось исправить. Куда тянулась душа. Что посчитала верным и в силах.

— Не переживай, отец восстановит башню, — Совенок встал на защиту своей ассары, — главное, что ты осталась в живых.

— Не поспоришь, — развел руками Кайлис, добавил ещё мартини в бокал и заверил: — Я тоже рад, что ты выжила, драгоценная. Не пойму только, как тебя не разнесло от такой прорвы энергии после озера. Не поделишься рецептом?

Юля покачала головой.

— Прости, братец, это женское. Ты не повторишь.

Кайлес свел брови. Тряхнул головой. И вдруг рассмеялся. Юля с Шестым недоуменно переглянулись. А кузен уже захлебывался от смеха, хлопая себя по коленям.

— Прости, — повинился, вытер несуществующие слезы и пояснил: — Просто

представил лица братьев, когда ты им такое заявишь. Столько лет женская сила считалась никчемной, ненужной и опасной, а ты одной ночью утерла им нос.

Посерьезнел, кивнул на живот.

— Это они, да? — спросил.

— Не знаю я, — занервничала Юля. Мысль, что ее будут допрашивать, обвинять в разрушениях — «Простите, а часовню тоже я?», — стылым облаком спустилась в желудок, и срочно захотелось ее запить. Исключительно для храбрости. Кайлес поощрительно улыбнулся.

— Юля!

Она как раз показывала размеры поднятого острова, а потому излишне резко повернулась на гневный оклик Четвертого. Пол выскользнул из-под ног, голова закружилась. Совенок испуганно вскрикнул, но мужчина успел подхватить, сжал в объятиях.

Юля подняла взгляд на разгневанное лицо любимого. Рука сама потянулась разгладить сведенные брови. Пройтись по сжатым губам.

Фильярг дернулся. Попытался сопротивляться ласке, но сдался. Лицо расслабилось, на губах мелькнула тень улыбки, а вот голос был злым:

— Напоил зачем?

— Исключительно с терапевтической точки зрения. У девочки был стресс.

— Стресс будет у тебя. Дай только закончить с делами, — рыкнул Четвертый.

Поставил Юлю на ноги, отодвинул, оглядел черное кружевное платье, в пол, с открытыми плечами, корсетом, обтягивающим силуэтом и крупными воланами, расходящимися от бедра.

— Это ты называешь приличным платьем? — возмутился.

Кайлес флегматично пожал плечами.

— Лучше, чем то, что на ней было.

Четвертый опасно прищурился, и Юля, ощутив, как сгустился воздух, прижалась сладкой кошкой. И ее обняли, отвлекаясь от вечно нарывающегося кузена. А тот поднялся, снял со спинки дивана черную меховую накидку, подошел и, не обращая внимания на потемневшее от ярости лицо брата, накинул девушке на плечи.

Развернул.

— Не позволяй себя менять, драгоценная, — прошептал. Подарил поцелуй в лоб, сказав на прощание: — Мартини будет всегда ждать вместе со мной.

Юля шла за Четвертым и улыбалась. Виной тому был, конечно, алкоголь, а не притиснувший к себе Фильярг и опалившее щеку его горячее дыхание:

— Как я соскучился.

Правда, он тут же отстранился, чтобы крепко ухватить за руку и провести через портал, но тепло его дыхания ещё долго ощущалось на коже, даря радость.

Дворец встретил затишьем, какое бывает перед бурей. Совенок встревожился. Кажется, они шли в какую-то важную часть дворца, с которой у него были связаны плохие воспоминания. Юля потянулась через связь, успокоила. Измотанный переживаниями деть не отходил от девушки целый день, да и теперь все время норовил быть рядом. И она, ощущая вину, старалась быть внимательной к ребенку.

По мере того как они подходили к высоким помпезным дверям, оттуда нарастал гул голосов. Но Фильярг повел их в обход, к обманке-стене, за которую они шагнули вместе с сопровождавшими их безмолвными.

Огромный зал был заполнен туманом и светом. Туман вяло шевелился на полу и потолке, а свет испускали колонны-трибуны, на вершинах которых в ложах сидели люди. Сотня, не меньше. Перед ними в просторной ложе такой же колонны, возвышаясь, восседал король. За его спиной витязями поддержки стояли сыновья. Юля насчитала четверых.

Они с Фильяргом, незамеченные, остановились позади. Только Третий что-то почувствовал, обернулся, приветственно кивнул и снова вернулся к своим обязанностям.

— Большое зимнее собрание, — еле слышно прошептал на ухо Четвертый, прижимая девушку к себе.

Юля с любопытством крутила головой. У нее была куча догадок, зачем она здесь. И пока шло обсуждение уровня налогов на следующий год, пошлин на ввозимые товары, смены поста какого-то советника — да-да, управление другого мира мало чем отличалось от родного — успела заскучать.

Собравшиеся голосовали колоннами. Да — синий, нет — красный. Желтый — вопрос к его величеству. Воздержавшихся не было — огонь, видимо, не терпел нейтралитета.

И все шло нормально ровно до вопроса:

— Ваше величество, до нас дошли слухи о пропаже госпожи ассары. Это правда?

Шестой напрягся, вцепляясь в Юлю, а вот Четвертый, наоборот, расслабился, словно только и ждал этого вопроса. Юля же занервничала.

— Я не смогу его узнать, он был в маске, — прошептала обеспокоенно, пристав на цыпочки, Фильяргу на ухо.

— Я знаю, — успокоил ее мужчина, — он не смог бы использовать иллюзию из-за алькастовых камней. Маска из нурлема — единственный вариант скрыть свое лицо. Знаешь, какой самый главный недостаток долгожительства?

Спросил и сам же ответил:

— Предсказуемость. Маску из нурлема надевали заговорщики восемьсот лет назад. И до сих пор надевают. Их не смущают остающиеся на лице следы нурлема, которые ничем не смыть. Не беспокоит, что их могут по ним отследить. Нурлем — символ беспристрастности. Отсутствия личной заинтересованности. Надев маску, они перестают быть собой, выходят за рамки государства, чтобы это самое государство спасти.

— Так проверьте всех, — щедро предложила Юля. Ее начало потряхивать. Нахлынули воспоминания. Заныли ладони. А в ушах зазвучал уверенный властный голос. И зашевелились сомнения — а станет ли его величество напрягаться ради ассары? Не поддержит ли он товарищей, желавших вышвырнуть Совенка из дворца?

— Всех, — горько усмехнулся Фильярг, — всех не получится. Пламя доверяет короне. Корона доверяем тем, кто несет в себе пламя. Для проверки нужны основания.

Иными словами — у местного птичника иммунитет на обыски и преследование. И без одобрения короля их и пальцем тронуть не смеют.

— Но мы справимся.

Фильярг почувствовал ее состояние, обнял крепче, прижимая. Погладил по спине.

— Ничего не бойся. Все будет хорошо.

А в зале между тем нарастал гул встревоженных голосов.

— С чего вы взяли, что она пропала? Может, снова удрала из дворца? У девчонки никакого понятия об уважении.

— Пропала, поверьте. Наставники внезапно отменили тренировки. А где это видано, чтобы будущий Столп без причины прогуливал занятия? Безмолвным опять же запретили

покидать дворец.

— И почему среди наследников мы не видим сейчас Шестого и Четвертого?

— Да и Седьмая не выходит из покоев. Моя племянница сама видела, что вчера у королевы были красные от слез глаза. Всем известно, как благосклонна она к ассаре.

— А ещё прошлой ночью патрули были подняты по тревоге. Искали кого-то.

— Так-то лунную деву. Гольшом чародейка по Асмасу рассекала. Стыдоба. До чего дошел мир.

Юля спрятала лицо на груди у Четвертого, ощущая, как горят уши. Как много, оказывается, глаз следит за ней. Ну птичник. Ну, погоди. У кого-то точно мало дел. А еще было стыдно перед ее величеством. Заставила волноваться.

— Если не пропала, а мертва? — веско обронил кто-то.

И Юля замерла. Застыла, ощущая, как кровь обжигает морозная ярость. Да, это был тот самый голос. Похититель не стал изменять его. Да и не мог — камни кроме ментальной связи блокировали и иллюзию. А маску надел, чтобы отдать дань традициям. Сволочь.

— Это он, — прошептала, и Фильярг тут же отреагировал.

— Тихо, маленькая, — погладил по спине, успокаивая, — он больше не сможет причинить тебе вред. Обещаю.

— Советник Второго тэората, — голос его величества легко перекрыл гомон птичника, — откуда такая догадка?

Птичник, ощутив сталь в голосе правителя, замер. На зал опустилась, затыкая говорливые рты, тишина.

— Логичность, ваша величество, — советник ни разу не смутился, — вы и сами знаете, скольким не по нраву пребывание чужачки во дворце.

— И вам в том числе? — с ледяной интонацией уточнил король.

— Я этого никогда не скрывал, — холодно подтвердил советник. Они точно обменивались невидимыми ударами. И тишина в зале стала вымораживающей.

— Тогда вы не станете возражать против проверки на лояльность короне?

Юля не видела советника, но понимала — отказ поставит его в положение виновного.

— Я всегда верен короне, — с достоинством подтвердил мужчина.

Юля повернулась к залу, чтобы успеть заметить, как огненной сеткой летит от королевской ложи заклинание, как ложится на вставшего с места советника, как стекает по фигуре, а на лице серебряными блестками вспыхивают остатки нурлема.

И шепот встревоженной волной прокатывается по залу.

— Арестовать, — прозвучал приказ, а следом: — И чтобы вам было о чем подумать, господин советник, я хочу кое-кого показать.

И Юля, повинувшись движению Фильярга, шагнула к его величеству, встала рядом. Братья потеснились, давая место вновь прибывшим.

На зал навалилась потрясенная тишина. Еще бы... Впервые за сотни лет правления в рядах Столпов стояла женщина. Пусть и в качестве наставника, но одно ее нахождение за тронем вместе с братьями рушило десятки традиций.

Советник, уже взятый в кольцо безмолвными, — Юля снова отчетливо видела стражей — взглянул так, словно не верил своим глазам. И Юля не выдержала:

— Доброго вечера, — поздоровалась, добавляя: — Вот мы и снова встретились, господин советник.

— Как? — только и спросил пораженно, вперя полный ненависти взгляд.

— Его величество прав, вам есть о чем подумать, — склонила голову Юля, скрывая эмоции. Нечего птичнику их читать. Она и так чувствовала себя словно под прицелом папарацци. Н-да, неприятно осознавать, что за ней наблюдали... И наблюдали внимательно. Плевать, пусть развлекаются. Она тоже не против развлечься за их счет.

— Отец скоро подойдет, — Третий отодвинул кресло, приглашающе махнул Юле рукой, — устраивайся.

Гостиная, в которую они отправились после собрания, была вполне себе милой. Уютно потрескивал огонь в камине, мягкие кресла расположились полукругом. На столиках были расставлены бокалы с вином, стояли вазы с десертами и фруктами, кувшины с соком. И все напоминало бы дружескую посиделку, если бы не присутствие его величества, у которого вряд ли было время для простых дружеских посиделок.

Юля нервно сглотнула. Присела на краешек кресла. Кажется, сейчас будет допрос.

Ее успели познакомить с Первым и Пятым высочествами. И если Первый показался серьезным мужчиной, который выглядел гораздо старше своих братьев, то Пятый... Сопляк мазнул по ней невыразительным взглядом и тут же отвернулся, то ли скрывая свое истинное отношение, то ли не отличая ассару от пустого места. Зато Первый не таил своего исследовательского интереса. Засыпал вопросами о Земле, местных технологиях, потом перешел на сложности восприятия магии для землян. Юлю спасло появление его величества.

Все расселись перед камином. Эдакая дружная семейка. Шестеро братьев. Отец. И одна ассара. Седьмую не посчитали нужным позвать.

Юля поерзала в кресле, ощущая себя неуютно под прицелом стольких глаз. И если трое из братьев смотрели тепло и с поддержкой, то Ларс нервировал тяжелым взглядом, видимо все еще переживая, что не удалось заполучить второй женой.

Первый чередовал снобистскую манерность с научным интересом, он ещё не определился с отношением к ассаре. А вот Пятый не стал заморачиваться, приняв сторону матери, — Юля пару раз поймала его презрительно недовольный взгляд.

И сердце кольнуло понимание, что арест советника ничего не исправит. Общество не изменит своего отношения, хоть она им север с югом поменяет. Выдохнула — и ведь поменяет ради Совенка.

— Госпожа ассара, — его величество подбадривающе улыбнулся, лично протянул бокал с вином, — расскажите нам, пожалуйста, все, что вам довелось пережить за прошлый день. И в особенности нас интересует ночь.

Братья подались вперед. Даже Пятый заинтересовался. Юля отметила, какие они все-таки разные и в то же время похожи друг на друга. Пепельно-серые волосы. Желтые совиные глаза. У старших на лицах жесткое властное выражение. Младшие — слишком серьезны для своих лет. Н-да, корона — суровая дама. С ней в детстве не удержишься.

Выдохнула и начала рассказ. Скрывать было нечего. Почти.

— Я посчитала опасным вернуться и потому решила сначала избавиться от излишков энергии. Вот и все, — закруглилась, отпила из бокала. Не обязана она им вечер правды устраивать. Пусть сами додумывают.

Его величество кашлянул. Братья переглянулись, Третий посмотрел с откровенной насмешкой, не оценив скромность.

— Хорошо, остров я могу понять. Патрульные доложили о занятой пещере с алтарем. Похоже, там когда-то был храм огня, но башня монастыря...

И Первый неодобрительно покачал головой.

— Восстановим, — отмахнулся Третий.

— Не нужно, — внезапно не поддержал король, — мне только что прислали донесение, что из-под развалин забил родник. И вода там какая-то целебная. Так что монахи просят оставить все как есть. Только помочь убрать камни, чтобы не мешали воде.

Юля скромно потупилась.

— Хорошо, — как-то не очень хорошо протянул Четвертый, — а на соседнюю территорию тебя зачем понесло?

— Это оттуда прислали новость о спасении шедшего на рифы судна? — заинтересовался Второй. — Мол, калкалос рифы пламенем подсветил, а потом взял — и перенес судно в безопасные воды.

И все посмотрели на Юлю. Ей смотреть было не на кого, потому она пожала плечами и выдала объясняющее:

— Калкалос.

И ведь никто, даже Шестой, не поверил. Зато спрашивать больше не стали, только его величество задумался о чем-то.

— Давно я не слышал, чтобы огонь делился с кем-нибудь своей силой, — вздохнул после паузы, — будем считать это волей огня. Как и все случившееся ночью.

Иными словами, ничего вам, Юлия Андреевна, за ваши сумасбродства не будет. Потому как воля огня священна.

— Но в следующий раз попрошу вас, госпожа ассара, обратиться за помощью к своему покровителю. Мы бы нашли выход.

А вот в следующий раз подобной мягкости не будет. Извольте соблюдать протокол. И нечего чешуйчатыми прикрываться, да гольшом по Асмасу рассекать.

— Меня больше интересует, каким образом наша ассара смогла не просто удержать энергию священного источника, но и использовать ее.

Все снова посмотрели на Юлю. Причем Первый старался больше всех, чуть ли не дырку взглядом провернул. Потом встал, подошел к девушке, опустился на колени и спросил:

— Позволите? — рукой указав на живот.

Упрямыться было глупо, да и не стали бы ей причинять вред в присутствии Четвертого, и потому Юля, поморщившись, — заметил-таки глазастый — согласие дала.

Поднялась с кресла. Первый так и остался на коленях, сканируя взглядом пространство ниже пупка.

Юля не успела заметить, каким образом в руках высочества оказался нож. Блеснуло лезвие, взрезая ткань, холод коснулся обнаженной кожи, и Первый с мрачным удовлетворением уставился на открывшуюся татуировку с камнями.

Юля отшатнулась. Рухнула обратно в кресло, прикрывая ладонью порез. Выдохнула зло:

— С ума сошел?!

Первый разочарованно моргнул. Перевел взгляд на лицо и спросил спокойно у кипящей от ярости девушки:

— Это ведь слезы калкалоса?

— Ты что творишь? — спросил Четвертый у брата, накидывая камзол на Юлю. — Совсем мозги сжег?

— Ничего я ей не сделал, — ответил тот, поднимаясь, — всего лишь убедился, что правильно определил руку Кайлеса. Зато теперё понятно, как она смогла дозваться калкалоса — с таким-то усилителем. Но неясно, почему камни сработали удерживающим

контуром. Никогда о таком не слышал.

И попросил жарким, пугающим шепотом:

— Я могу еще раз посмотреть?

— Нет! — гневно выдохнула девушка.

ГЛАВА 20

— Каждый раз уверен — ты не сможешь меня удивить сильнее, и каждый раз ошибаюсь.

Третий жаловался. Это было столь удивительно, что Юля отвлеклась от любования ледяными статуями. Нашла взглядом Совенка. Деть зачарованно разглядывал полупрозрачную скульптуру калкалоса, державшего в лапах человеческую фигуру. И судя по вольготности, с которой мужчина развалился на чешуйчатых лапах, жрать его точно не собирались.

В голове прозвенел тревожный звонок, и Юля пообещала себе провести сразу две воспитательные беседы. Вряд ли успешные, потому как сама же летала, а другим — нельзя, да? Но можно хотя бы надавить на возраст. Мол, подрастешь и тогда... А с Драго ограничиться угрозой оторвать хвост, если позволит его высочеству сесть на шею.

Тяжело вздохнула — вот она беспощадность воспитательного процесса. Чтобы добиться результата, приходится самой подавать пример, иначе не работает.

— Это был вздох совести? — с надеждой поинтересовался Харт.

Юля мотнула головой, потом вспомнила, с кем говорит, и кивнула. Ей ожидаемо не поверили и наставительно произнесли:

— Госпожа ассара, пора бы начинать привыкать к своему положению. Ты не можешь творить то, что хочешь.

Нахмурилась. Вот как раз творить то, что хочешь, и хотелось больше всего. Особенно теперь, когда наставники единогласно подтвердили, что проблем с контролем энергии у нее нет. На что Третий тут же заметил, что проблемы есть с другим контролем, и свободу госпоже ассаре он все равно не даст. Пусть такойцы и свалили из Асмаса, но всегда могут вернуться, а ловить госпожу ассару по всем морям у него нет ни времени, ни желания.

— Первому отдам, — пригрозил Харт, заметив появившуюся морщинку между бровей, — он мне каждый день пламя в кабинете зажигает. Устал отбиваться.

— Пусть приходит ко мне, — пожалала плечами девушка, останавливаясь у композиции из статуй двух юношей, — сама от него отобьюсь.

Харт тоже остановился. Полюбовался экспозицией, в которой изображалось покорение пламени. Между двух пар ладоней горячим сердцем билось пламя. На контрасте с голубизной льда огонь магнитом притягивал взгляд.

Асмасцы обожали зрелища. И выставку ледяных скульптур ухитрились обставить так, что дух захватывало. В огромном зале живым ковром клубился белый туман, из него на черных постаментах вырастали ледяные скульптуры. Некоторые, как, например, калкалос, впечатляли своей реалистичностью и размерами. Другие притягивали внимание акцентами, как огненное сердце. И, конечно, не обошлось без световых эффектов. То там, то здесь туман взрывался разноцветными красками, клубился алым, синим, зеленым, и цветовые блики разбегались по льду, оживляя застывшие фигуры. И тогда казалось, ещё немного — и калкалос взмахнет крыльями, взлетит с пьедестала, осыпав зрителей ледяной крошкой.

Его высочество одобрительно наклонил голову, признавая величественность замысла художника, потом вспомнил о предмете разговора, насмешливо фыркнул:

— Благодарю за предложение, но сам разберусь. У Фильярга, в отличие от Лиестра, высший балл по боевым искусствам, хотя опыта поменьше будет, — и Харт задумался, прикидывая шансы братьев.

Юля представила, какой поднимется вопль, если братья сцепятся. А ведь сцепятся. Сама слышала, как Фильярг обещал Лиестру засунуть огонь в задницу, если тот подойдет к Юле со своими исследованиями. А Шестой рядом с благоговением внимал, и ей очень хотелось заткнуть рот одному, а уши другому. Тяжела участь ассары, н-да.

В последнее время Юля вообще о многом стала задумываться. Следить за своими словами. Просчитывать шаги. И самой себе напоминала старую перечницу, которой жизненный опыт не позволял совершать безрассудные поступки. Наверное, это старость. Или взрослость. Или страх. А может, опыт?

— Кстати, об академии. Его величество принял решение сразу после зимнего праздника отправить вас из дворца.

Юля непонимающе нахмурилась. С чего вдруг такая спешка? Аль ещё не закончил подготовку. Только-только начало что-то получаться. Да и она сама мало что освоила из требуемого. Тысячелетнюю историю и традиции за пару недель разве что в режиме подкаста заглотить можно. А здесь предпочитали учить основательно, без выжимок.

— Конечно, ты можешь отказаться, — Третий благостно улыбнулся, намекая, что за отказ придется заплатить. Цену, впрочем, тут же озвучил: — И выйти замуж за Фильярга. Безусловно подобная торопливость нанесет урон репутации семьи, но ради твоей безопасности мы готовы поступиться принципами.

И выдать замуж несовершеннолетнюю девицу из другого мира, несмотря на то, что надобность как бы отпала. Но кого это волнует? Весь мир уверен, что мужчины контролируют женщин. И других вариантов быть не может.

— Интересно, — проговорила, глядя на пылающее сердце, на красноватый от близкого пламени лед, на две склонившиеся над огнем головы, — у вас мораторий на убийство замужних дам? Вышла замуж и все? Неопасна для государства? Ассарой-то я быть не перестану.

Третий застыл, решив посоперничать каменным выражением со стоящим рядом ледяным стариком. И неодобрение у обоих на лицах было такое одинаковое, что Юля чуть было не совестилась.

— Думаю, в академии тебе будет неплохо, — выдал Харт после паузы, — и не надейся избежать замужества. Никакие камни не изменят тысячелетней традиции.

Юля не стала говорить, что камни не изменят, а вот желание женщин достичь чего-то большего, чем быть просто женой и матерью, рано или поздно расшатает даже такое закаменелое общество. Не сразу. И не без крови. Но заставит мужчин потесниться на пьедестале власти.

— Вы готовы к сегодняшнему балу? — сменил тему Харт.

Юля припомнила заваленную коробками спальню. Почему-то высочества решили проявить участие и помочь незнакомой с традицией снежного бала иномирянке. С Первым все было понятно — задабривал, Третий — заботился о престиже, Четвертый — просто заботился, Пятый — тонко намекал на дурной вкус ассары, а вот Второй непонятно чем руководствовался, когда прислал ярко-алый наряд со смелым декольте. Еще там была голубая прелесть от Седьмой. Но сердце екнуло, только когда Юля открыла последнюю коробку. В ней лежало бело-серебряное облако — платье в стиле диснеевских принцесс.

Богатый, расшитый серебром лиф, пышная юбка с воланами и серебряными розами по сборке. Завораживающая нежность. Строгость и роскошь. Кузен точно знал, перед чем не сможет устоять ни одна девочка. Вот и она не смогла. Традиции птичника идут лесом. Сегодня вечером Юля будет принцессой с Земли.

Зимний бал завершал праздник Сердца зимы. И праздничная лихорадка витала в воздухе, отражаясь предвкушением на лицах людей. Улыбок сегодня было в разы больше, чем обычно. Как и суеты. Дворец сиял, светился, сочетая белое, голубое и красное. Даже световики обзавелись украшениями, проецируя на стены звезды, снежинки и разноцветные пятна.

Юле не хватало елок. Так и просились сюда пушистые красавицы. Но чего нет, того нет. Зато по коридорам за гостями гонялись снежинки. Размером с ладонь, они цеплялись за одежду, прятались в волосах, а когда их пытались снять, звонко хихикали. Жертва сердилась, снежинки переходили на обиженный визг, окружающие развлекались. Оказывается, птичник мог быть мил.

Юля проводила взглядом сурового старика, на которого налипло десятка два проказниц, и каждый шаг придворного сопровождался мелодичным перезвоном. А сзади, на почтительном расстоянии, крались трое малолетних хулиганов. Один кастовал новую снежинку.

Совенок завистливо вздохнул. Он пока так не мог. Зато Юля могла. Хотя бы попробовать.

— Госпожа ассара, — Первый выбрался из сугроба. Отряхнулся. Спросил раздраженно: — Развлекаемся? Или решили подсократить число высочеств во дворце? Для вас, наверное, нас слишком много.

Юля мысленно поаплодировала. Золотые слова. Но сокращать бесполезно. Седьмой на подходе. Плодятся... как мыши. А живут как филины.

— Что вы, ваше высочество. В самый раз. У нас говорят: братская любовь крепче каменной стены, — блеснула знанием земного фольклора.

Первый смягчился. Одобрительно кивнул. Потом спросил:

— Сколько вы носите мыслевик?

Юля прикинула и ответила:

— Примерно месяц.

— Можете попробовать снять. Язык должен был уже усвоиться. Вы вполне сможете обходиться без перевода.

А вот это отличная новость. Не то чтобы вживленный в висок камень и россыпь мелких в ушной раковине сильно напрягали — привыкла, но без них было бы однозначно лучше. У нее и так вживленных камней хватает.

— Могу помочь, — вкрадчиво предложил Первый. Он не потерял надежды найти подход к ассаре. И Юля, наверное, сдалась бы — ради науки, если бы не пикантность выбранного Кайлесом места. И только бы его высочество не узнал о способе преодолеть застенчивость ассары.

Помотала головой. Отказалась:

— Благодарю, справлюсь.

Первый если и расстроился, виду не подал.

— Слышал, вас завтра отправляют в академию?

Рядом тяжело вздохнул Совенок. Юля его понимала. Это как со школой. С замиранием

сердца ждешь первого сентября, мечтаешь о нем, а когда оно наступает, понимаешь, что лучше бы остался дома.

А уж как орал наставник Ирлан, лучше и не вспоминать. Юля тогда впервые задумалась, а не ошиблась ли она с определением строя? Потому как никакого почтения к монарху в словах наставника не наблюдалось. И никто не стремился отрубать зарвавшемуся подданному голову. Наоборот, безмолвные жались по стеночкам тренировочного зала, потому как виновными наставник объявил всех.

Юле тоже досталось. И за то, что позволила себя похитить. И за то, что сутки где-то пропадала, нарушая учебный процесс. И за то, что не смогла правильно воспользоваться связью с подопечным, потому как алькастовым камням их связь была не по зубам.

— С вами поедем, — внезапно выдал, выдохнувшись, наставник, — все равно до начала учебного года ещё два месяца. Продолжим готовить.

И академия перестала пугать. Да и кто сравнится по художественному ору с мастёром Ирланом?

— Да, завтра отправляемся, — подтвердила Юля. Мысленно перебрала сложенные вещи. Вроде ничего не забыла. Но лучше еще раз проверить. Напрягала казарменность учебного заведения. Зашел, а вышел через год.

Повернулась к Алю и попросила:

— Фиолетовую коробочку, пожалуйста.

Деть с готовностью нырнул в мешок, который с гордостью — успел узнать о деде Морозе — нес на спине. Традиции дарить подарки на Сердце зимы здесь не было. И вот эту вопиющую несправедливость Юля готовилась исправить.

Служанкам достались земные конфеты и шоколад. А вот братьям она приготовила персональные подарки. Часть подарков привез Кайлес, прибывший на праздник. Часть нашлась среди купленных заранее на Земле.

— С Сердцем зимы, — пожелала, передавая упакованную в фиолетовую бумагу коробку в руки высочества, — пусть милость Девятиликого всегда будет с вами.

Первый ошарашенно моргнул. С подозрением воззрился на подарок.

— Вы сами намекали на то, что вас слишком много, — не удержалась от подколки Юля. Деть хихикнул, а его высочество вдруг густо покраснел, принял двумя руками подарок. Поклонился. Пробормотал:

— И вам прохладного лета, Юля, — и удалился нервным шагом. Девушка пожалала плечами вслед — странный какой-то. А они поспешили дальше выполнять роль деда Мороза. Времени до бала осталось немного, дворец большой, а скольких ещё нужно осчастливить!

Седьмая искренне ахала над своим подарком — картиной с номерами. Долго не верила, что у нее получится шедевр, если просто закрашивать маленькие кусочки нужными красками. Разобралась. Порывисто обняла Юлю и пообещала завтра же сесть за работу.

Подарок его величеству Юля скромно — не будешь же отрывать короля от дел — попросила передать Седьмую. Та приняла солидную коробку. Прислушалась к бульканью внутри и понимающе улыбнулась.

— Ему понравится, — пообещала.

Подарок Пятому Юля с запиской оставила у покоев — от греха подальше. Третий со Вторым были удачно отловлены в коридоре. И очень мило смушались, когда исполненный важности Аль вручил подарки братьям. Совсем по-взрослому, заставив Юлю умиляться,

желал обоим щедрот Деятиликого.

Четвертого ждало аж целых два подарка. Один в коробке, второй Юля собралась продемонстрировать на себе. Ночью.

Но больше всех повезло Совенку. Ему вообще много чего перепало. И деть блаженно рылся в коробках, не зная, за что хвататься в первую очередь.

А потом пришла очередь бело-серебристого чуда. И очумелого от восторга Фильярга, узревшего ее в спальне.

— Ты... — потерял дар речи. Нахмурился. Попросил:

— Подожди, — и рванул куда-то с низкого старта.

Когда вернулся, служанка как раз заканчивала прическу, в руках было несколько коробочек.

— Знаю, ты не любишь драгоценности, но сегодня без них нельзя.

Протянул, открывая, первую коробку, и на Юлю обрушился блеск и сияние голубых камней в богатом ожерелье из белого металла.

— Можно? — спросил разрешение, и она позволила. Повернулась, ощутила, как на грудь ложится прохлада. Посмотрела в зеркало — да, это именно то, чего не хватило принцессе.

Следом ей надели серьги и браслет, а волосы украсили крохотные бабочки с голубыми крылышками.

— Вы прямо как снежная дева, — восхитилась Зарьяна.

— Нет, — возразил Фильярг, — она огонь моего сердца. Самый прекрасный и самый любимый.

Праздновать здесь любили, а магия позволяла сделать праздник живым. В воздухе кружилась искусственная метель. Разноцветные снежинки водили хороводы над головами гостей, складывая сердца, круги, ромбы, и даже выложили герб Асмаса.

Внизу, под ногами, клубился туман, изображая сугробы. С потолка свисали ледяные сосули. Внутри каждой горел маленький огонек. В широкие окна заглядывала полная луна. И асмасцы, кивая на желтый круг, уверяли друг друга, что чистое небо на праздник — добрая примета.

В нескольких залах были накрыты столы с закусками и десертами. В огромных хрустальных фонтанах клубилось горячее фруктовое вино. Рядом стояли покрытые тонкой коркой льда сосуды с напитками покрепче.

Народ неспешно дефилировал по залам, демонстрируя себя и оценивая окружающих. Большинство предпочло дополнить платья и костюмы традиционными жилетами, украсив их богатой вышивкой и камнями.

Птичник любовался ледяными скульптурами, гадал, кто станет победителем. Вкушал яства. Отдыхал в цветочных галереях. Молодежь почти весь день провела на залитых льдом прудах.

На госпожу ассару старались не глазеть. Но глазели. Перешептывались. Полуобнаженная спина чесалась от взглядов, и Юля всерьез беспокоилась — не активируется ли темное пламя от такого количества негатива. Но птичник соблюдал дистанцию. Четкие два метра дистанцирования от двух очень серьезных высочеств и одного будущего Столпа.

— Ты сегодня соперничаешь красотой с луной, — проговорил Третий. Наклонился, прикоснулся к ладони поцелуем, чем вызвал волну ахов от двух почтенных дам, стоящих

рядом. Кажется, они дали очередную волну сплетен.

— Не стоит меня столь сильно опекать, — проговорила Юля. Но высочества сделали вид, что не слышали.

Подтянулись остальные. Первый со Вторым представили свои семьи. Юля была очарована милой женой Первого, его серьезным сыном и тремя дочерьми. А вот избранница Второго обожгла горячим ревнивым взглядом, и торопливо уволокла мужа подальше. Потом потянулись матери. Праздник собрал всех. От Первой до Пятой. И только Седьмая имела право находиться рядом с королем. Остальным из клуба бывших жен такой чести не досталось. И все это понимали, кроме Пятой... Вот уж кто смотрел взглядом императрицы, а Юлю демонстративно не замечал.

Когда стемнело, народ высыпал на балконы. Под присмотром луны в небе над парком разыграли световое шоу с калкалосом, прекрасной девой, черным колдуном и красавцем юношей. Калкалос играл роль Серого волка, помогая спасти деву от происков темного мага. И все было прекрасно, но Юле не хватало озвучки, а так вышел бы настоящий спектакль.

А ещё здесь не было речей и поздравлений от короны. И никто в ответ не кричал «Слава его величеству!» или «Долгих лет жизни!». В шумной, веселой толпе не чувствовалось давящей руки власти ровно до того момента, как скромного вида молодой человек подошел к Юле с просьбой проследовать за ним.

Девушка вопросительно обернулась к безмолвным. Те в ответ сначала сокрушенно вздохнули. Кто-то пробормотал, что поспорил сто лашей. Охрана не теряла надежды снова стать невидимой для госпожи ассары, но пока опыты с усилением щитов результата не принесли.

— Все в порядке, госпожа, — успокоил старший из тройки. Наговорил кому-то сообщение на браслете. И двинулся следом.

Рядом возбужденно подпрыгивал Совенок. Юлю несколько беспокоила малая социализация подопечного — друзей своего возраста у него не было, но впереди учеба. Еще найдет, — успокаивала себя.

Вышли на улицу, разгоряченное лицо овеял прохладный воздух. Фильярг снял с себя жилетку, накинул девушке на плечи.

— Еще немного, — извинился сопровождающий, — к сожалению, ее нельзя было привести прямо ко входу.

Юля насторожилась. Но мужчины вели себя расслабленно. Никто не нервничал. Кроме нее. И никого не удивила эта внезапная прогулка вглубь парка.

Юля чертыхнулась — шпильки и дорожки были слабо совместимы, уцепилась за локоть любимого. Тот замедлил шаг.

Дорожка обогнула широкий, украшенный фонариками куст, вильнула в сторону и вывела их на широкую площадку.

— Рад вас видеть, госпожа ассара, — его величество приветственно кивнул, и Юля ответила поклоном. Стоящий рядом вальшгас настороженно принюхался. Повел мордой. Вздрыбил гребень, и король успокоительно похлопал по нему:

— Тише, девочка, тише.

С широкой улыбкой повернулся к Юле и подозвал:

— Подойдите ближе, вас надо познакомить.

Юля сглотнула. Все еще надеясь, что эти лишь знакомство, подошла.

— Протяните руку, не бойтесь, она вас не укусит. Если не будете бояться.

«Прекрасное» дополнение. А ничего, что у твари морда размером с крокодилью? И пасть с зубами. И взгляд крошечных глазок ни разу не дружелюбный.

Но рядом Совенок. И Фильярг. И безмолвные. Все ждут.

Выдохнула. Стиснула зубы. Напомнила себе, что уже каталась на твари. Желудок в ответ выдал позыв к тошноте. Он тоже помнил кульбиты и прыжки по скалам.

Протянула руку, мысленно прощаясь с конечностью.

Вальшгас презрительно фыркнул, ткнулся шершавым носом в протянутую ладонь и тут же отстранился. Еще и отвернулся, падла. Ах нет, простите, отвернулась. Потому как падла была женского рода. И характер, судя по всему, имела сволочной.

— Вы ей понравились, — объявил король, и Юля подарила ему полный сомнения взгляд.

— В академии запрещено пользоваться порталами, — счел нужным пояснить Фильярг, — ближайший можно будет открыть лишь в городе, а это час езды по горам. Единственный способ быстро добраться — вальшгас.

И почему ей все меньше нравится идея отправиться в академию? Вот чем плохо домашнее обучение?

— Я решил, что собственный вальшгас будет гораздо удобнее, чем наемный, — его величество выжидательно посмотрел на Юлю, и до той с опозданием дошло, что за подарок надо поблагодарить. Даже если он зубастый и смотрит на хозяйку как на добычу.

— Вы очень щедры, ваше величество, — от нервов присела в земном реверансе.

— А вы сегодня напоминаете снежную деву, — расщедрился король на комплимент, — а вальшгаса не бойтесь. Они привязчивы. Уверен, вы подружитесь.

Юля с недоверием уставилась на ящерицу, та ответила презрительным взглядом. И вот это ей кормить, ухаживать и содержать?!

— Благодарю за бесценный подарок, — снова чертов реверанс. Нервы. И потряхивать начинает от них же. В предвкушении продолжения знакомства.

Чтобы она ещё раз дарила его величеству подарки и получала ответку?! Ни за что.

И отказаться не получится.

Посмотрела в мелкие глазенки твари. Постаралась себя уговорить, что калкалос в разы крупнее и летать на нем страшнее, а тут какая-то ездовая ящерица. Справится. Должна.

— Харт, я не умею танцевать, — прошипела. Третий ответил милой улыбкой старым гримзам и, не сбавляя скорости, потащил дальше — к месту пытки.

Госпожа ассара, а что это вы не танцуете? Ноги отсохли? Или танцевалка отвалилась? А может, никто не желает вас приглашать?

Конечно, столь прямо никто не выражался. Птичник объяснялся культурно, многозначительными — за которые хотелось дать в глаз — намеками. Поглядывал с желчным высокомерием, но границы не переходил. «В наше время приличные девушки без кавалеров не оставались».

Юля приличной себя не считала. А потому готовилась послать старшее поколение куда-нибудь подальше. Просто и по-земному. Без этикета. Настроение после подарка его величества было как раз подходящее.

И видно, на лице промелькнуло что-то такое, потому как безмолвные миглом притащили Харта, обломав веселье. Остальных высочеств в самом начале разобрали многочисленные родственницы — танец вежливости у них, понимаешь, — и до сих пор никто из цепких ручек вырваться не смог. Юлю в принципе это устраивало. Глядя на местные танцевальные

заморочки, хотелось заплакать и пожалеть танцоров.

— Харт, что ты делаешь? — попробовала возвать к совести Третьего. Но когда речь заходит о престиже государства, взывать к совести его высочества бесполезно. Полено и то отзывчивее будет. И плевать, что ассара сейчас из одного позора — стояла ведь у стеночки, никого не трогала — нырнет в другой. Лучше бы и дальше наслаждалась видом из окна, легким вином и десертом из замороженных фруктов, а потом тихо свалила к ушедшему спать Совенку. Если бы знала, что у них здесь пунктик по поводу танцев: не танцуешь — либо больная, либо дурная — не пошла бы вовсе.

Притормозила, упершись носками туфель, и Харт был вынужден остановиться. Повернулся. Поймал взгляд.

— Ты мне веришь? — спросил проникновенно. Юля нерешительно замерла.

Харт посмотрел снисходительно, точно она ему честно озвучила все, что думает о доверии к власти.

— Будет миньера. Ты справишься.

Она-то справится. Наверное. Но в ответ хотелось заставить его высочество протанцевать макарену. Пусть немного растрясет с себя властность. А то достал с приказами.

— Верни меня Фильяргу, — потребовала.

— Обязательно, — Харт потянул дальше, — будет Фильярг. Через одну фигуру. И танцам тебя обязательно научат. В академии. Как и ездить на вальсгасе.

Точно, без макарены не обойтись.

— Не злись, — прозвучало примиряюще, — один танец. Все будет хорошо.

Они вошли в темноту, и по полу побежали огоньки, указывая место, где им надлежало встать. Неспроста, — прозудело внутри.

— Миньера — танец королевской семьи, — еле слышным шепотом пояснил Харт, — неженатые танцуют его с матерями.

— А ты? — так же шепотом спросила Юля.

— А моя мать никогда не была сторонницей правил, и потому сейчас с мужем, а не со мной.

Ничего себе, — удивилась Юля. Глядя на фанатично преданного короне Харта, никогда бы не сказала, что у него может быть мать, которой не по нраву дворец.

Харт обнял за талию, прижал крепче. Наклонился. И Юля ощутила теплое дыхание на волосах.

Темнота. Тишина. Мужчина. Горячие ладони на талии. Бьющее по нервам ожидание музыки. И ни разу это не похоже на семейный танец.

— Смотри, — шепот заставил вынырнуть из анализа.

Первая пара подсвечивается алым. Из пола вылазят и словно обнимают их языки пламени. И люди оказываются стоящими прямо в костре.

Пахнуло горячим. Твою же... Это на самом деле костер. Да они здесь все чокнутые.

Стиснула ладони на плечах Харта. В голове хаотично бились мысли о дурацких обычаях. На Земле в таких кострах сжигали, а тут... Вытанцовывают.

Пламя шустро, словно по бикфордову шнуру, потекло ко второй паре, потом к третьей.

— Не бойся, — успокаивающе погладил по спине Харт. Юля стиснула зубы, чтобы не выругаться. А ещё не оттолкнуть и трусливо удрать. И как-то стало понятно, что фигура танца здесь вообще не важна. Не сгореть бы — вот что главное. Как там свято верят местные? Огонь любит сильных, а трусов не уважает.

Прикрыла глаза, запрещая себе бояться. Вокруг полыхнуло красно-желтым. Кажется, пахнуло паленым. Принюхалась — нет, показалось.

Приоткрыла один глаз, потом второй. Пламя билось под ногами. Языками лизало подол платья. Грело, не обжигая.

— Дыши, — с насмешкой посоветовал Харт.

— Предупредить не мог? — разозлилась девушка.

— А ты? Когда рванула разносить добро по всему королевству? — отбил зло. И Юля промолчала.

Полилась музыка. Медленная, но внутри набирал обороты ритм, обещая сорваться в вихрь зажигательного танца. Что-то отдающее горячей Африкой, песками и плясками у костра.

— Слушай пламя, — посоветовал Харт, крепче прижимая.

Языки действительно задвигались. Заиграли, вытанцовывая ритм. И Юля расслабилась, отдаваясь во власть движений. Ее закружили. Не отпуская далеко. И даже поднимая в воздух, все равно прижимали к себе.

Остановка. Короткое от Харта:

— Смена.

Взлет в воздух в облаке огненных искр. Испуганное «ох». И ее принимают крепкие надежные руки.

— Я соскучился, — признание Фильярга дарит тепло. А Юля уже прониклась танцем. Впитала в себя ритм. Загорелась.

— Зажжем? — предложила.

Уже ночью, лежа в постели, в объятии теплых рук слышала:

— Это была самая лучшая миньера в моей жизни.

Улыбнулась. Птичник точно был шоке. Но в миньере нет правил. Ее танцуют так, как подсказывает пламя. Что касается остального... Каждый видит то, что ему хочется.

— Знаешь, — мужская ладонь медленно заскользила по обнаженной спине, — я готов перебраться по камушку все королевство, найти и наказать убийц. Я готов на все, чтобы ты жила здесь спокойно без страха. Обещай лишь одно — не ищи никого сама. Я не переживу, если с тобой что-нибудь случится.

ГЛАВА 21

— Ишь забегали, — лениво протянул Драго. Зевнул. Повернулся, устраиваясь удобнее на крыше. Вскрапнул, и девушку шикнула — демаскирует ведь.

Перегнулась через парапет. Искали активно. Правда, своими силами, не поднимая шум — воспитанники-то спят. Проверила Аля — действительно спит.

Шли пятые сутки ада. Пять дней трепки нервной системы. Чем не повод отпраздновать?

И потому: ночь, крыша, звезды. Калкалос под боком и бутылочка ягодной наливки, которую пила с горла. И с каждым глотком отпускало. Спускалось спокойствие. И не хотелось уже никого убить. Вот ведь местный пейзаж как благотворно влияет. Горы — это сила. Следующий раз надо будет где-нибудь на склоне устроиться. Когда крышу рассекретят.

Алкоголь она позаимствовала из запасов ректора. Собственные успокоительные ресурсы с ухмылочками были экспропрированы в пользу нуждающихся. Правила, видите ли, запрещают проносить алкоголь на территорию академии. Курсантам, ага. Только вот с чьей-то руки госпожу ассару записали в курсанты. Особым приказом. С индивидуальной программой обучения. Но КУРСАНТОМ!

— Узнаю кто — расстреляю, — мрачно пообещала Юля, глядя на возвышающуюся башню академии. За ней черной стеной вставала горная гряда, с другой стороны обрываясь крутым уступом с видом на морское побережье.

Королевская академия Асмаса, она же академия Пламени, занимала огромную территорию, располагаясь на горном плато в часе езды на вальшгасе от побережья. И была, по сути, единственным заведением подобного масштаба в стране. Имелись ещё колледжи целителей, бытовиков и строителей, куда брали даже тапунов. Отдельно стоял колледж искусств. Но только об академии говорили с придыханием. Лишь там могли учиться члены королевской семьи. И это было единственным местом, где гарантировали, что ребенок справится с непрым даром огня. Если доживет до выпуска.

— Сволочи они, — пожаловалась калкалосу. Тот согласно всхрапнул.

— Фашисты. Сталина на них нет.

Сделала глоток. Полегчало.

Те, у кого огонь не был основным даром, уезжали учиться на материк. Там ждали воздушников, менталистов, водников и прочих магических талантов. Здесь же ковали огневиков и ковали железными рукавицами. Без скидок на возраст.

Юле в первый день и одного вальшгаса хватило. Деть отправился с наставником, а она... Нет, сначала тварь послушно шла за проводником, а потом ей на глаза попался куст с красными ягодами. Метра три над тропой. Вредную скотину высота не остановила, как и окрик хозяйки. Юлю она в игнор поставила. Ори, пинай или поводья натягивай... Никакой реакции. Сволочь продолжала спокойно лакомиться ягодами, зацепившись когтями за уступ.

Юля решила проявить терпение — куст небольшой, скоро закончится. Закончился и ящерица двинулась дальше. Выше по склону до следующего куста.

Стало понятно, что до академии они сегодня доберутся, только объев ягоды в окрестностях.

— Прожорливая скотина, — выругалась. И вальшгас с визгом шарахнулся от вспыхнувшего перед мордой куста. Юля выругалась повторно — от резкого скачка твари что-то щелкнуло в спине.

Ящерица задумалась. Попятилась от пылающего куста. Но на тропу не вернулась. Полезла напрямки. Конечно, на тропе все давно уже объели, а тут вон какие жирные кусты растут.

— Давай-давай, — подбодрила ее девушка, держа пламя наготове.

Так и двигались. От одного сожженного куста к другому. Зато обратно дорогу легко будет найти, — философски решила девушка. По горелым пятнам-то.

В академии они появились на час позже. Еще и с другой стороны. Чем заработали многозначительные взгляды и снисходительное:

— Верховую езду вам придется подтянуть, госпожа ассара.

А дальше начался сплошной триндец.

— Ты представляешь, здесь нет ни одной женщины! — горестно выдохнула Юля, запивая горе настойкой. — Учителя, прачки, повара, уборщики и садовник — мужики. Все до единого.

И ведь знали. Но не сочли нужным предупредить, потому как никто не станет менять вековой устой Королевской академии ради ассары, которой «повезло» стать наставником у мальчика. Юля подозревала, что королевской семье пришлось выдержать серьезный бой, чтобы ее вообще пустили на порог. Потому как встретили ее.... Ну точно падчерицу,

вернувшуюся из леса от деда Мороза с богатым приданным. Или как Украину в Евросоюзе. Прохладно. Открыто никто не хамил, но и радушия проявлять не спешил.

— У нас, госпожа ассара, правила едины для всех курсантов.

Ректор сильно смахивал на полковника российской армии. Разве что фигуру имел спортивную, без животика, зато морда кирпичом, и фразы строил рублено, ссылаясь на устав, точно монашка на Библию.

Правила Юля, естественно, изучить не успела. Рассчитывала, что они ее не коснутся, а для Совенка просмотрит на месте. И вот теперь пожинала плоды.

Первый месяц никакой связи с родными.

— А потому сдайте браслет связи, госпожа ассара.

Передачи запрещены. Но ей сделают исключение. Правда, почта доставляется с побережья раз в три дня. И отправляется с тем же интервалом. И чтобы ее получить нужно идти на поклон к ректору, потому как:

— Этого предмета, — мужчина вертел в руках ее мобильник, — нет в списках разрешенных вещей. Я не могу вам его отдать.

Вдох. Выдох. Успокоиться. Как же повезло ректору, что она взяла пламя под контроль. А то не было бы больше ректорского кабинета. Хотя жаль, что взяла. Сейчас бы маленький пожарчик... Прямо бальзамом на сердце.

— Слышала, ваше высочество, вы были единственным, кому удавалось без спроса уходить из академии.

Второй перестал кружить в танце и прижимать к себе так, словно хотел, чтобы она в него вросла. Задумался. Посмотрел внимательно и предупредил:

— У тебя не получится, крошка-ассара. Годика через два... быть может. Но совет дам. Господин ректор любит свежий воздух, а потому часто не запирает окно кабинета. А там, знаешь ли, много всего полезного можно найти. Например...

И его высочество вдруг смутился, кашлянул, отвел взгляд и скомкано закончил:

— На месте разберешься.

Вот она и разбиралась на месте. Месяц запрета на связь с королевской семьей — обидно, но не смертельно. Хватит времени, чтобы остыть. Потому как она сильно зла на всех высочеств.

А вот месяц без связи с мамой... Беспредел.

— Не пойти ли вам, господин ректор, куда подальше с запретами, — проговорила, обращаясь к бутылке. Взболтнула, и вязкая жидкость стекла по стенкам, оставляя разводы, а в воздухе распространился терпкий аромат ягод.

— Надеетесь, что попрошусь обратно? Перестану нарушать ваш покой? И будоражить курсантов единственной юбкой в древних стенах? Так вы сами запретили надевать штаны. Шовинист.

Глотнула. Салютнула бутылкой звездам. И проговорила со злостью:

— А вот хрен вам, господин ректор, а не спокойствие. Ради Совенка я останусь, но терпеть издевательства не стану.

А ведь был вариант ужиться мирно. На него и рассчитывала, как на поддержку наставников. Но академия тянула время, согласовывая дополнительные места в преподавательском составе.

Вдобавок: «Мы не ожидали вас так скоро, госпожа ассара. Не скрою, у нас нет опыта в обучении иномирян из немагического мира. Нам потребуется время, чтобы подготовить для

вас программу обучения. Альгар пока присоединится к младшей группе, а через два месяца начнется его первый курс».

— Пустить на свою территорию королевских наставников с готовой программой обучения они не хотят, а свою предоставить не могут, — пожаловалась калкалосу, и тот сочувственно всхрапнул.

Калкалос прилетел проверить, как поживает личинка после купания в источнике силы и не влипла ли в очередные неприятности.

Это был как раз вечер пятого дня. Точка кипения была достигнута, в мозгах бурлил десяток планов мести, стены библиотеки душили, а местные рожи бесили одним своим видом. Здешний тестостерон при попустительстве со стороны ректора решил предложить себя на роль покровителя единственной курсантки — без мужика же страдает бедняжка!

Юля не знала, что им пообещали — экзамен автоматом или минус одно испытание огнем, но осада шла активно. И никого не смущало, что у ассары уже есть покровитель. Похоже, многие наивно думали, что дворец далеко, Четвертого на территорию академии не поустят, а экзамены совсем близко — через пару недель. Выбор очевиден.

А уж как использует ситуацию с соблазнением ректор... Юля выяснять не собиралась.

Сильнее всех усердствовали старшие курсы, у них экзамены сложнее. В игру «Соблазни ассару» включились и некоторые преподаватели. Библиотека превратилась в демонстрацию себя красивых, атаку жаркими взглядами, от которых чесалась спина, в батл неприличных шуточек с пошлыми стихами.

В иной ситуации Юлю бы это позабавило, но ей требовались тишина и покой. Наставников не станет волновать, что ее вытаскивали из зоны комфорта, для них будет важно, сколько она прочитала по истории, что усвоила из обычаев и традиции и не забыла ли названия вулканов.

Пришлось отправить всех желающих размяться.

— Огонь ведь любит сильных? — проговорила с намеком. Товарищи намек приняли с душой, и библиотека мгновенно опустела.

Выяснение заняло дня два. А потом Юля, глядя в подбитый глаз самого сильного, сказала с насмешкой:

— Огонь любит не только сильных, но и умных.

Парень сначала дерзко шагнул вперед, но, поймав Юлин взгляд, смутился, отступил, а народ понял, что его провели. Кто-то ещё пытался совместить два в одном, но сдался перед Юлиным:

— Еще скромных и понятливых.

Зато следующей ночью ей пришлось спать в загоне с Дерезой. Глаза у вальшгаса были совершенно круглыми, когда она вломила к ней глубокой ночью злая, как сотня разбуженных пчел.

Рявкнула:

— Только ты еще попробуй что-нибудь скажи!

Ящерица благоразумно подвинулась, убрав длинный хвост.

Юля бросила одеяло в угол на солому. Рухнула. Застонала:

— Чтоб у них там всё отсохло!

И почему традиции петь хриплыми голосами серенады, шептать глупости под дверью или кидать в окна букеты свеженадранных в саду цветов не обошли этот мир?! И откуда у местных столь сильное стремление к самоубийству? Четвертый просто так эти шуточки не

оставит. Еще этот странный набор: серенады, стихи, цветы...

Вопрос оставался открытым ровно до того, как в разговоре за соседним столом в столовой слишком громко прозвучало имя «Кайлес». Похоже, кузена здесь знали, как и знали его увлечение Землей. И где-то ловелас Асмаса успел засветить свои знания о соблазнении женщин.

Утром прокралась к себе. Приняла душ, переоделась, выдвинулась в столовую.

Деть порадовал бодрым видом. Пока ему было все в новинку: и количество сверстников, и строгость режима, и ночные разговоры, подбивания на шалости, проверки на слабо. Все «прелести» сугубо мужского коллектива.

— У тебя все в порядке? — обеспокоенно спросил, когда они выходили из столовой.

Юля проверила блокировку связи и соврала с чистым сердцем:

— Конечно, не переживай. Есть мелочи, но я все решу.

Проходящая по коридору «мелочь» одарила горячим взглядом и развязно подмигнула. Аль проследил, нахмурился.

— Если будут приставать — дай знать. Я с ними разберусь.

Юля улыбнулась — защитник растет, ласково взъерошила жесткие волосы.

— Глупый, кто ко мне осмелится приставать? Ты же меня знаешь — я быстро с ними разберусь. А если нет — твой брат им ноги повыдергивает. Лучше беги, учись. И не забивай себе голову глупостями.

Глупость глупостью, но раздражает как.

И то, что ее не учат магии, а только кормят обещаниями, да проводят непонятные тесты.

И то, что спит в загоне. Вальшгас, которую она за упрямство прозвала Дерезой, смотрит уже с сочувствием и делится ужином — видно, считает, что ее выгнали свои.

И учиться должна сама.

А внутри грызет обида за то, что ее бросили. Отправили в академию — и «Выживай, Юлечка, как хочешь».

Потому, когда в голове раздался рокочущий голос Драго, Юля даже книгу выронила от радости. И вывалила на калкалоса все беды, не стесняясь в выражениях. Драго шквал эмоций оценил, предложив запалить большой костер. Как минимум в покоях преподавателей.

Юля подумала и согласилась на кабинет ректора — наведаться.

Сговорились на полночь.

Разбуженный вальшгас недовольно поднял голову, подозрительно прищурился, и Юля со вздохом попросила:

— Спи. Буду к утру. Не переживай. Все в порядке.

С Дерезой у них установилось перемирие. Ящерица взяла над ней что-то вроде опеки как над больной, которую своя стая выгнала на улицу. И слушалась исключительно из жалости. И своей едой подкармливать пыталась под смешки зрителей.

Дракон приземлился во дворе за загоном. Юля с чувством обняла колючую шею, прижалась щекой к чешуе.

— Ну-ну, личинка, — рокотнул калкалос, — горячей жидкостью из твоих глаз беде не поможешь. Надо действовать.

И они пошли. Точнее, полетели. Второй не обманул — окно было открыто. Более того, без защиты. Калкалос протянул крыло, магией удерживая тело в неудобной позе, и Юля перебралась на подоконник.

— Закончишь, позови.

Крылатая тень отвалила от окна.

В планах у Юли было забрать мобильник. Поискать компромат. Что-нибудь сломать. И кровью оставить послание на стене «Мне нужен труп — я выбрал вас».

Шкаф был закрыт, но кочерга — прекрасный инструмент для взламывания. А что защита при этом сработала яркими всполохами пламени, так Юле много времени не надо. Ну а пламя с некоторых пор ей не помеха.

Мобильник лежал сверху, а чуть ниже... Рука сама потянулась за бутылкой. Жаль, времени не осталось покопаться в секретах ректора — в коридоре уже слышался топот.

Драго ждал снаружи. Праздновать устроились на крыше.

— Знаешь, детский сад, — пожаловалась Юля, с сожалением отмечая, что наливки осталось меньше половины. Зато суеты во дворе прибавилось. Никак старшие курсы подняли.

— Вместо того чтобы договориться, они решили объявить войну. Причем так, чтобы я сама ушла. Потому как выдворить меня, им договоренность с короной мешает.

Еще и Пятый. Не вмешивался. Делал вид, что ее нет. Смотрел, как на пустое место Либо кривился, точно Малфой при виде грязнокровки. И желание искать у такого родственничка защиту... Нет, спасибо.

Вдохнула. Патовая ситуация. Либо она переломит упрямство ректора, либо... Думать о плохом не хотелось. Хорошая все-таки настойка. И компания отличная. И погода... свежая, да. Но если привалиться к теплему боку, то не холодно.

Внезапно нагрелся браслет, который Фильярг подарил ей на следующий день после похищения. Юля насторожилась. Что это? Кто-то решил напасть?

Калкалос поднял башку, зевнул и предупредил:

— Лезут двое. Сжечь?

Со стороны выхода на крышу раздался мужской голос:

— А ты переживал, что мы ее не найдем. Только непонятно, что она на крыше забыла.

Ответить второй ему не успел.

— Пли! — скомандовала Юля, поддавшись боевому настроению — хороша наливка! — и калкалос ударил предупреждающим — чтоб не лезли.

Но гости оказались непонятливыми. Вместо того, чтобы нырнуть обратно, они перекатом ушли в разные стороны. Стеклой пленкой заблестели щиты.

— Жыргхвова задница! — выругались справа. — Ассара, ты совсем озверела?

— Юля? — встревоженно спросили слева таким знакомым голосом.

— Четвертый, — прошептала девушка, опускаясь без сил на крышу. Калкалос вопросительно повернул морду, и Юля поспешно отменила боевую операцию:

— Свои, — всхлипнула.

Через секунду Фильярг уже нежно прижимал к груди, и слезы сами собой потекли по щекам.

— Не понял, ассара, что за прием? — со злостью спросил Второй, нарисовываясь рядом. — Меня хуже только племя амазонок встречало.

Юля не ответила. Рыдания душили, и сил хватало лишь на то, чтобы их сдерживать. Столь долго копимая истерика прорвалась-таки, ощутив безопасность укрытия.

Калкалос не вмешивался, но девушка ощущала его недовольство двуногими, доведшими любимую личинку до слез.

— Тише, милая, тише, — Четвертый обеспокоено погладил по спине. — Отсвети, не

видишь, что с ней? — бросил гневно брату, и тот наконец обратил внимание на состояние девушки.

— Все так плохо? — поинтересовался. Заметил бутылку. Поднял. Понюхал. Расплылся в блаженной улыбке, сделал щедрый глоток.

— Вижу, сестренка, ты времени зря не теряла.

Причмокнул.

— Хорошо-то как. Вкус такой, словно в детство вернулся. А ты давай заканчивай воздух мокрить. Скоро здесь будетлюдно. А ещё шумно. Наш ректор любит, знаешь ли, поорать. Впрочем, о чем это я. Пятый день... Ты ставишь рекорды, сестренка. Сам-то я в ректорский кабинет только через восемь лет смог залезть. А с твоими талантами... Орать на тебя будут много и часто. Так по существу, что-нибудь будет? Или мы зря через полстраны сюда мотались?

— Будет, — глухо пообещала девушка. Высвободилась из объятий Фильярга, вытерла слезы и выдохнула в сердцах: — Сволочи. Все.

— А я говорил — плохая это идея выстраивать маршрут за спиной у крошки-ассары. Она не одобрит, — одобрительно салютнул ей бутылкой Второй и шепнул: — Пару слов могу подсказать. Покрепче.

— Ларс, — настойчиво попросил Четвертый. Брат недовольно скривился, проворчал:

— Только из-за наливки. Слабость у меня к ней, — и неспешно направился к выходу на крышу, где уже слышался топот, привлеченных вспышкой пламени, преподавателей.

Фильярг снова привлек к себе, уткнулся лицом в волосы.

— Я так соскучился, — и с сожалением добавил: — Времени у нас немного.

Со стороны двери раздалось шипение, полетели искры.

— Расплавленный металл их остановит, но ненадолго. Если меня здесь обнаружат, тебя потребуют удалить из академии.

Что-то такое Юля и подозревала, Фильярг лишь подкрепил догадки:

— Прости, это была единственная возможность заставить их принять женщину.

— Королевская семья не должна вмешиваться? — спросила тихо, и Фильярг стиснул так, что затрещали ребра.

— Да, — подтвердил с болью, — но я решу этот вопрос. Обещаю. А пока держи, — и он протянул ей мобильник. — Уверен, твой они отобрали.

— Не совсем, — смутилась Юля. Достала из кармана ещё один, украденный из кабинета.

— Держи, я уже надиктовала письмо. Собиралась на рассвете слетать в город и оставить у пункта отправки.

Фильярг забрал. Снова прижал к себе.

— Не могу тобой надыхаться, — признался, — дворец без тебя пустой. Тоскливо и скучно.

Зато в академии теперь весело. И главное, первыми начали. Она честно хотела только учиться и воспитывать Совенка. Ничего больше.

— Тебя здесь не обижают? — спросил, с тревогой заглядывая в лицо.

— О чем ты, братец? — желчно поинтересовался брат, вернувшись от заваренной двери. — Девица от хорошей жизни вызвала калкалоса, пробралась в ректорский кабинет, потом забралась на крышу, чтобы там выпить в одиночестве. На самом деле я тобой горжусь, ассара. Знал, что ты не пропадешь. Ректор на своем месте уже лет сорок, так что мы

все представляли, что тебя ждет. Но кое-кто решил не пугать раньше времени. Рассчитывал, что наставники прикроют.

А тех не пустили. Понятно все.

— Коробочку свою через два дня оставишь на старом складе. За третьим корпусом. Слева увидишь разохшуюся бочку. За ней в стене дырка. Туда положишь, я заберу. До чего дожил, — сокрушенно заметил Второй, отпивая из бутылки, — посыльным у ассары работаю.

— Как ты проникаешь сюда? — спросила Юля, и Второй посмотрел на нее с насмешкой.

— Ты, конечно, умна, но не сравнивай себя и сына воздух. Да и зачем тебе это, когда калкалос под боком?

— Нет, — помотала головой. Драго друг, а не летательное средство. Но если сильно припрет... Она думала о таком варианте, только побег — именно то, что от нее все ждут. И обратно не пустят. А без Совенка... какая жизнь?

— Не бойся, все наладится, — пообещал Фильярг.

— Верь этому упрямцу, сестренка, — поддержал брата Ларс, — об его упрямую голову многие себе неприятности нажили. И маленький совет — в здешних местах ценят силу. Помни об этом.

Иными словами, нагибают — не гнись, а гнешься — не ломайся. И не давай никому спуска.

Ни одни перемены не происходят мгновенно. Академии нужно время, чтобы смириться с присутствием ассары. В конце концов, им ещё столько лет вместе быть...

— Продержись немного, — попросил Фильярг.

Продержаться, когда знаешь, что есть поддержка? Легко.

— Не переживай, со мной все будет хорошо, я справлюсь, — с мрачной решимостью пообещала Юля, чувствуя себя как минимум солдатом Джейн*.

* Солдат Джейн — героиня одноименного фильма о женщине в американской армии.

ГЛАВА 22

Штурмующий крышу народ был занят дверью и штурмом, а потому на скользнувшие вниз, а потом за стену тени внимания не обратил. В загон Юля вернулась незамеченной. Устало рухнула на одеяло.

Дереза сонно моргнула, зевнула, принялась и вдруг подползла ближе, положила голову на колени. Еще и мордой ткнулась в ладонь — чеши мол.

— Ты что это, подруга? — удивилась девушка. Никак запах калкалоса учуяла? И зауважала?

Так и сидели. Юля, слушая сообщения от родных и друзей. Вальшгас, довольно щуря крохотные глазки от почесываний вдоль гребня.

На мобильнике обнаружилось и послание от Кайлеса.

«Дражайшая наша ассара. Свет и надежда королевского двора. Погибель мужских сердец. Причина моих бессонных ночей. Дошли до меня слухи о твоём изгнании в обитель суровости и самодурства. Как ты там, моя птичка? Не думай, я беспокоюсь не о тебе, хотя о тебе тоже, но больше о наших ученых мужах, которым еще воспитывать следующие поколения асмасцев. А это непросто будет делать после нанесенных тобой душевных травм. Не верю, но надеюсь на твое почтение к возрасту и заслугам господина ректора. Пожалей старика, поганка.

Что касается твоего скромного слуги, то у меня все хорошо. Приходил Первый. Когда он появился на пороге моей квартиры, я сначала подумал, что вчерашний абсент был лишним. И если ваши здесь допиваются до белочки, до почему бы мне не допиться до Первого высочества. Присутствие с ним девушки несколько примирило меня с алкогольным бредом.

Если тебе кто-то скажет, что наша семейка отличается добротой, не верь. Не думай, я не жалею, хотя предпочел, чтобы мне налили опохмелиться, а не совали под ледяную воду. Но это мелочи.

Когда мы с тобой затевали наш маленький эксперимент, моя прелесть, я не думал, что он пойдет столь далеко и проникнет на самый верх. Но Первый был настроен серьезно. Еще и девицу на испытания притащил. Пришлось самому набивать татуировку. Что самое обидное — мне подставили плечо. А это, знаешь ли, не столь привлекательное место... Так что я собираюсь запатентовать тату на животе, дабы получать не только оплеухи, но и эстетическое удовольствие.

Передаю еще один телефон. Если потребуется что-то, например, для успокоения нервов, — дай знать. С радостью исполню любое пожелание.

Я тут недавно ознакомился с вашей сказкой про джина. В бутылку не помещусь, а вот исполнять желания — с удовольствием.

Передавай привет господину ректору. Долгих лет ему жизни и крепких нервов.

Твой всегда верный слуга и соратник, а также личный джин».

Юля выключила мобильник. Откинулась на стенку загона. Прикрыла глаза. Навалилась усталость. Кураж сменился опустошенностью. Хмель ушел ещё на крыше, когда поняла, что едва не спалила Фильярга.

Судя по стилю наговоренного послания, Кайлес начитался не только восточных сказок, но еще и русского восемнадцатого века. Впрочем, слушать его мягкий баритон было приятно — словно домой, на Землю, заглянула.

Как она и думала, Первый не успокоился. Это и хорошо. Есть шанс придать их шалости научную направленность.

Софрана, однако... Не ожидала Юля такой активности от девушки. В памяти всплыл разговор на балу.

— Слышала, тебя завтра в академию отправляют, — проговорила Софрана, не сумев подавить завистливый вздох, — а мне вчера брат заявил, что я уже выросла для родственного покровительства и надо присмотреть себе мужчину.

«Родственное покровительство», вот оно, значит, как. Это когда кто-то из родственников мужского пола контролирует магические выбросы. Но не вечно. И к тридцати годам девушке начинают присматривать покровителя. И если потенциалы совпадут, то и свадьбу сыграют.

Юля посмотрела на мрачное лицо подруги и осторожно спросила:

— А тебе нравится кто-то?

Софрана огорченно покачала головой. Снова вздохнула и призналась:

— Он откажет. Он всем отказывает. Если только остаться при дворце... Доказать, что я ему нужна. Но отец сказал, что надо укреплять отношения с соседним тэоратом. А у них сыновей... Как углей в костре. Кто-нибудь да обязательно подойдет.

И она, кусая губы, опустила голову.

Юля призадумалась. Софрану было жаль. Нормальная девчонка. И что замуж сразу не хочет — тоже нормально. Да и догадывалась она, ради кого та хочет задержаться во дворце.

— Есть одна мысль, — прошлась оценивающим взглядом по девушке, — если смелости хватит. Но придется идти против общества. Готова?

Софрана замялась. Было видно, что и хочется, и страшно. Потом решительно кивнула и спросила:

— Что надо делать?

— А вот это не ко мне, а к Первому. Если я права, ему потребуется доброволец для одного эксперимента. Убедишь, что ты подходишь — будет шанс. Нет — поедешь домой.

И если верить словам Кайлеса, Софрана своего добила. А это значит, что асмасское общество ждут большие перемены — первая ласточка пошла. И женщины получают-таки шанс на нормальную жизнь и личный выбор без обязательного покровительства. Не все, конечно. Кто-то захочет оставить все как есть. Ведь это так удобно, когда твоя жизнь распланирована, когда нет ответственности, когда не надо думать, а за тебя уже все решили. Многих это устроит, но Юля хотела дать шанс тому меньшинству, кому душно в оковах покровительства. Кто хочет сам чего-то добиться в жизни. Выбор должен быть у каждого.

Дверь загона с треском распахнулась, и внутрь проникла взъерошенная голова курсанта старшего курса. Увидев Юлю, он застыл с распахнутым ртом, потом обвинительно выдохнул:

— Ты!

— Я, — согласилась девушка, снова прикрывая глаза. Спать хотелось невероятно. Ее сейчас даже ректор не разбудит.

— Мы же здесь проверяли, тебя тут не было.

Вот привязался, — подумала с раздражением.

— Было не было, какая разница, — зевнула.

— Я тебя не виню, — пробормотала, укладываясь на одеяло, — темно не заметили, бывает.

— Ах ты! — задохнулся парень и исчез.

Ненадолго. Юля едва успела задремать, как в загон ввалилась целая толпа. Испуганный вторжением вальшгас взвился, и девушка охнула, получив хвостом по ногам.

— Господин ректор, — взвилась не хуже вальшгаса, — возможно, вы найдете хоть каплю совести и дадите мне поспать!

Мужчина потер лоб, и от пальцев на коже остались черные разводы сажи. Устало вздохнул, повернулся к остальным:

— Раз с госпожой ассарой все в порядке, полагаю, нам можно разойтись. Всем спокойной ночи.

И с намеком:

— До завтра, Юлия Андреевна.

Народ дисциплинированно потянулся на выход. За закрывшейся дверью послышалось тихое:

— Может, нам покараулить? Чтобы снова не бегать по всей территории.

— Не стоит, курсант Шаттер. И кстати, весь тринадцатый курс получает незачет. Будете пересдавать мне поиск живых объектов.

Юля переглянулась с Дерезой. А вот ничего, что сами наставники не справились? Еще бы им взломать маскировку калкалоса... Не по зубам. Четвертый и тот лишь по наводке браслета нашел. Удружил ректор... Теперь ходить с оглядкой на весь тринадцатый курс. Хорошо, что у четырнадцатого и пятнадцатого выпускная практика, а то недовольных было

бы в три раза больше.

— Справимся, — похлопала, успокаивая ящерицу по спине, и завалилась спать.

Утро выдалось тяжелым. Давила совесть. По крайней мере так казалось. Открыла глаза. Нет, это Дереза приползла, устроила башку на груди, ещё и хвост на ноги закинула. Совсем оборзела — использовать хозяйку в качестве подушки.

Спихнула. Села. Потерла виски. Поморщилась — голова болела. Рот стянуло так, что язык прилип к небу. И вообще... Хорошая наливка у ректора, но похмелье после нее...

Отряхнула платье от соломы. Насколько возможно. Расчесала пятерней волосы и собрала в хвост. Вряд ли удастся стать похожей на человека, но хотя бы не испугает.

Приотворила дверь, двор порадовал пустотой. Крадучись, вышла наружу и подпрыгнула, услышав за спиной:

— Доброе утро, Юлия Андреевна.

Твою же... Оглянулась. Трое в сером. Судя на вышитым кострам на груди: четверем большим и одному поменьше, товарищи с тринадцатого курса.

В академии курсантов делили по ступеням от первой до пятой — выпускной. Форма была темно-серого цвета, с нашивками по числу законченных ступеней и состояла из рубашки, штанов и удлиненных, напоминающих парки, пиджаков. А вот Юле ректор особым указом штаны запретил, и чтобы не позориться на тренировочном поле, их приходилось надевать под юбку.

— Д-доброе, — согласилась девушка, настороженно недоумевая, что привело к загону парней. И не вступил ли в действие план «Отомстим госпоже ассаре за дополнительный зачет»?

— Вы к себе? — вперед шагнул парень с серебряными волосами. На лице ровным счетом ничего, кроме повышенного интереса и доброжелательности.

Юля кивнула, приготовившись отступить. А там Дереза прикроет. Вероятно.

— Мы вас проводим, — безапелляционно с заботой в голосе заявил второй.

— Не стоит, — помотала головой, делая осторожный шаг в сторону.

— Нам не сложно, — настойчиво проговорил последний курсант, и в глазах промелькнуло что-то такое... умоляющее.

— Хорошо.

Конвой, так конвой. Если это заставит их забыть о дурацком состязании, она согласна.

— А вы с какого факультета? — спросила, стряхивая солому с рукава. Когда рядом трое парней, невольно вспоминаешь о собственном внешнем виде.

— Боевой, госпожа ассара.

Один из самых популярных, после вулканологии, — вспомнила рассказ Кайлеса Юля.

— Выбрали уже куда на практику?

— Хотим проситься в пограничные войска, — и большой такой намек в голосе. Неужели она им подпортила репутацию вчерашней попойкой? Точно. Для погранца не найти спрятавшийся живой объект настоящий провал.

Довели до комнаты. Напомнили:

— Вас ждет господин ректор. Не задерживайтесь.

«Не задерживайтесь», — передразнила. Она бы с удовольствием в академии не задержалась, но во-первых, надо учиться овладевать магией — огненные шарики полезно, но не серьезно, а во-вторых, Совенка не бросишь. Ему без академии нельзя.

Приняла душ. Комнату ей выделили отдельную в преподавательском корпусе и даже с

удобствами, дабы не разгуливала в полотенце по этажу. Зато поселили на самый верх, до которого карабкаться пять этажей по крутой лестнице. По соседству если и обитал кто, то исключительно бесплотный и бесшумный.

Обстановка в комнате была проста, как в хостеле. После дворца смотрелось удручающе, но Юля не протестовала. Она сюда за знаниями, а не за роскошью пришла.

Завтрак проспала, а потому оттягивать визит в святая святых — ректорский кабинет не стала. Голодная — злая. Подходящий настрой.

Конвой никуда не делся. Исправно подпирал стены. Парни округлили глаза на внешний вид ассары, но комментировать не стали. Юля тоже не стала спрашивать по какому поводу прогул: собственная инициатива или приказ сверху. Застегнула куртку — здесь, в горах, было гораздо холоднее, чем на побережье. И приходилось утепляться. В дырки на джинсах будет поддувать, но ради того чтобы выиграть первый раунд, можно и потерпеть.

Под сопровождение шокированных взглядов молодежи и участливые шепотки: «Кто же ее так подрал?» добрались до центрального корпуса.

— Юлия Андреевна, прохладного вам... — господин Сэльс оборвал фразу, вздернул брови, помрачнел и хмуро указал на посетительский стул: — Присаживайтесь.

— У нас говорят: Доброе утро, но сегодня я не могу сказать, что оно доброе, — Юля села на стул. Выпрямила спину. Приготовилась к бою.

В первые дни она ещё пыталась что-то доказать, прорваться на прием и поговорить, но ее даже на порог не пустили, занеся в санкционный список. Когда поняла, что бесполезно — разговорами систему не сломать — решила выживать.

В кабинете повисла напряженная тишина. Ректор побарабанил пальцами по столу. Поправил ворот рубашки. Кашлянул.

— Признайтесь, это вы вчера были у меня в кабинете? — спросил прямо.

— Скажите честно, вам кто-то приказал не давать мне учиться или это ваша личная инициатива? — перенаправила «мяч» Юля.

Сэльс поморщился. Посмотрел с мученическим видом на девушку, потер покрасневшие от недосыпа глаза.

— Как вам удалось укрыться от моих людей? И кто вам помогал?

Диалога явно не получалось. Что же... Придется поносить джинсы подольше. Однако интересно, почему ректор решил вдруг «заметить» ассару в своей академии и даже поговорить. Неужели вчера произошло что-то еще?

— Покровительство тоже ваша идея? Думаете, его высочество не узнает? И не примет мер?

Ректор явно почувствовал себя неудобно. Отвернулся к окну. Потом встал. Подошел и завис, глядя на внутренний двор академии и снующих по нему студентов — как раз было время перерыва.

Юля тоже подошла, встала рядом.

Академия завораживала. Башни, корпуса. Точно на одной территории собрали с десятков средневековых замков. Все из серого камня с красными рамами окон. Серый и красный — фирменные цвета. Огонь и пепел, который после него остается.

— Вам здесь не место, — глухо прозвучало сбоку.

Но если она уйдет, Совенку тоже места не останется. Юля давно бы сорвалась, нагрубил, останавливала лишь просьба Кайлеса проявить уважение. К тому же ректор явно любил свое детище.

— Дайте мне три месяца. Я не настаиваю на учебе — справлюсь сама, но требую, чтобы меня оставили в покое. Никаких конвоев, приставаний или дурацких требований. Никаких запретов на встречи с Альгаром или на передачу мне почты. Три месяца — и мы решим, сможем ли ужиться.

Молчание длилось долго. Решение было непростым, но что-то изменилось, потому как ректор подтвердил:

— Три месяца, — добавляя сурово: — Никаких проникновений в мой кабинет или несогласованных уходов с территории. Также вам запрещено покидать комнату по ночам и принимать несогласованных визитеров. Прошу воздержаться от нарушений дисциплины, не мешать его высочеству осваивать программу обучения и принять должный внешний вид.

Юля хмыкнула. Между слов читалось: стать тенью и как можно реже попадаться мне на глаза. И не доставлять проблем.

— Я согласна со всем, кроме внешнего вида. Вы не выдали мне форму, не собираетесь ничему учить, я здесь на позиции гостыи и как гость имею право носить то, что пожелаю.

Кажется, со стороны ректора донесся зубовой скрежет.

— Хорошо, — выдохнул, посмотрел с ненавистью. Потом, видно, напомнил себе про три месяца, расслабился.

— Договорились, — кивнул.

В коридоре ждали все те же, а ещё Совенок.

— Юля! — бросился обнимать ее мальчишка.

Сердце девушки болезненно сжалось. Деть высох. Подтянулся. И было чувство, что остались только глаза, настолько замучили.

Как ей объяснили, первый курс готовили исключительно к принятию огня. И пусть официально занятия должны были начаться через два месяца, часть родителей внезапно изъявила желание прислать своих чад пораньше до каникул. Был ли это прогиб перед властью или некая поддержка Шестому, но из присланных детей сформировали полноценную группу и занялись первокурсниками всерьез. Минимум теории и много-много практики. Физической. Ведь огонь любит сильных.

— Ты почему не на занятиях? — встревожилась девушка, судорожно глядя деля по волосам и давя подступившие слезы. К опозданиям или пропускам здесь относились как к преступлению. И наказывали соответственно.

— Так перерыв же.

Ах да. Перерыв. И можно позволить себе слабость, пока никто не видит. Троица старшекурсников не в счет.

— Люблю тебя, — обняла крепче, прижимая к себе. И верю, и знаю — все получится.

— У тебя все хорошо? — дель требовательно заглянул в глаза. Юля не рассказывала, но Аль не слепой. Сам видел.

— Да, — улыбнулась, — меня оставили с испытательным сроком. Им непросто. Сам знаешь, здесь даже женских туалетов нет.

— Ты — лучшая, а они идиоты, раз этого не понимают, — безапелляционно заявил Аль. Со стороны старшекурсников донеслись сдавленные смешки.

Низкий вибрирующий гудок прокатился по территории, и Совенок умчался на занятия. Юля тоже двинулась к тренировочным полям. В библиотеку сегодня не хотелось. Боевой настрой требовал движения.

— Не переживайте, — произнес один из парней, — мы все проходили через это. Он

справится. Дальше будет легче.

Юля вздохнула — как будто знание позволяет меньше переживать. Еще и эта троица со слишком внимательными взглядами и хорошими способностями к анализу.

— Осторожнее, — Юлю подхватили, удерживая от падения на крутой ступеньке. И что-то это напомнило...

Остановилась. Повернулась к парням.

— Щиты невидимости уже прошли? — спросила наугад.

— Нет, спецкурс в следующем году, — ответил курсант, осекся, виновато посмотрел на девушку.

— Вы ведь не в пограничники готовитесь, — кивнула своим мыслям Юля.

Парни опустили глаза. Девушка покачала головой — любят здесь интриги. Прямо жить без них не могут.

— Признавайтесь, в безмолвные хотите податься? А я ваша практика?

Логичная теория. Объясняет все. И тройку. И заботу. И нахождение при объекте.

— Нам нельзя было говорить, — пояснил один из парней, — но вы и сами догадались.

И во взглядах появилось уважение. Точно к внезапно заговорившей панде.

— Тогда знакомимся. Меня зовут Юля. Хватит уже «госпожа ассары», тем более что вы меня старше.

На один год, но все же... Парни представились.

— А чем плохи пограничники? — полюбопытствовала Юля.

Старший из тройки, назвавшийся Бульцем, пояснил:

— Мы все из Четвертого тэората, а в пограничники предпочитают брать своих, тех, кто знает местность. Да и скучно там, как без огня. Контрабандистов почти не осталось, пираты редкость. Сиди и жди, когда какой-нибудь идиот решит нарушить границу.

Юля припомнила карту. Четвертый тэорат находился внутри страны, а еще здесь располагалась академия, которую, похоже, построили в глубине из соображений безопасности. Что же логика в словах парней есть. Но какой ректор... предприимчивый. Решил использовать ее в качестве практики для будущих безмолвных.

— Ваш покровитель его высочество Четвертый?

У парней тоже имелись вопросы. А ещё море тщательно скрываемого обожания к наследнику.

— Он ведь до сих пор считается самым сильным. Ни одного проигрыша в личных боях. А ещё его команда забрала все награды в Большой игре.

— А вы слышали, как он справился с лихтами? Нет? Эту историю даже внесли в учебники. Лихты — водники. Ритуал дает им возможность дышать под водой. Еды на их крошечных каменистых островах почти нет, вот и живут пиратством. Скрытные сволочи, напускают туман и под его покровом грабят. А когда их корабль берут на abordаж — удирают под воду.

— А сжечь?

— Дерево заговорено от огня и железа. Хитрая магия. Не взять. Единственный вариант — застать врасплох, но по воде нельзя — засекут. Так Четвертый полетел в когтях чаркса. Зацепился за мачту, спустился вниз и взял всех тепленькими.

Юля поймала себя на том, что слышать о подвигах Фильярга было приятно. Повезло ей с мужчиной. Сильный, смелый, а что не романтичный, так все достигается обучением. Надо лишь набраться терпения.

— Госпожа ассара, — замялся Бульц.

— Юля, — поправила его девушка.

— Юлия Андреевна, — не согласился с ней парень, — ваша одежда, эм, она несколько не в порядке.

— В порядке. Просто у нас разногласия с господином ректором. А это способ их решить.

Больше парни с вопросами не лезли.

Когда они подошли к северному полигону, там тренировался четвертый курс. Задача у курсантов — выпустить маленький сгусток огня, расширив его в процессе полета до огненного пятна примерно метр в диаметре. Со стороны казалось просто, да и детишки справлялись хорошо. Огонь легко и послушно менял форму, пока ученики не заметили Юлю и не начали сбиваться, косясь на порваные джинсы.

Юля решила не мешать и отправилась на свободный участок. Тренироваться самой.

Запустила с десятков огненных сгустков. Красивых. Ярких. Мощных. Но совершенно одинаковых.

— Вы не учитываете вектор силы. Точнее, вы его не применяете.

От ограды к ним шел один из преподавателей. Высокий, худощавый, с темно-серыми волосами и карими глазами. Юля припомнила, что встречала его на территории. Как и все преподаватели он шарахался от нее как от чумы.

— Исчезните, — скомандовал курсантам, троица дисциплинированно удалилась.

— Мастер Штэль, — представился мужчина, — а вы — оскорбление традиций и возмущение умов. Вам известно, Юлия Андреевна, сколько споров из-за вас чуть не дошло до драки? Большинство требует, чтобы вас вышвырнули из академии. Уверены, что они справятся с воспитанием Шестого и без вашей помощи.

— А вы? — прямо спросила Юля. Мастер Штэль ей нравился. В нем явно чувствовалось природное обаяние.

— А я считаю, что это место давно пора встряхнуть, — улыбнулся мужчина, и в его глазах заплясали смешинки, — а вы как нельзя лучше подходите на эту роль. Но я здесь не для того, чтобы призвать вас перебраться академию по камушкам. Вы справитесь с этим и без меня. Дело в том, что его высочество Четвертый попросил меня стать вашим наставником. Когда-то я был его учителем и очень горжусь столь сильным учеником. Пару лет назад моя семья попала в шторм, когда возвращалась из Северных земель. Отряд его высочества пришел на помощь. Я его должник, но возьмусь за ваше обучение не только из-за долга. Знаете ли вы, что по всему миру женщины все больше вовлекаются в мужскую жизнь? Получают образование. Работают. Но огонь так и остается самой сложной для контроля стихией. Однако сейчас у меня есть шанс стать наставником у первой магини огня.

И мастер Штэль отвесил ей поклон. Чутьочку шутовской, но, черт возьми, это был первый преподавательский поклон в академии. Юле бы загордиться. Обрадоваться. Но подозрительность не отступала.

— Почему сейчас? — спросила, прищурившись.

Нет, правда. Где он был эти пять дней? Почему подошел только сегодня?

— Я тоже подвержен стереотипам, — пожал плечами мужчина, — признаю, вначале мне хотелось убедиться, что вы действительно хотите учиться.

Понятно. Мастер Штэль не верил, что ассару интересуют не только платья, украшения и мужчины.

— И что изменилось? — спросила с иронией.

— Не смог пройти мимо ваших близнецов, — улыбнулся наставник. Разровнял ногой песок, взял в руки ветку.

— Смотрите сюда, — и принялся чертить схемы прямо на песке.

ГЛАВА 23

Тренировкой они увлеклись настолько, что едва не пропустили обед. Спыхватились, только когда над полем прозвучал густой звук гудка.

— Заканчиваем, — скомандовал мастер и похвалил: — А вы делаете успехи. Заметно, конечно, что магия для вас незнакома, но вы не сдаётесь и ищете собственный подход. Знаете, в чем-то я готов у вас поучиться. Ваш подход к дублированию векторов... Я должен его обдумать.

Юля гордо расправила плечи. Потерла ноющие виски. Голова напоминала сосуд, в котором перекачивались металлические шары. Импульсы здесь формировались ментально, а на Земле ментальную энергию использовали разве что для посылки кого-нибудь подальше. Вот и перенапрягла непривычный к нагрузкам ментал.

— Мастер Штэль, — спросила, отряхивая колени от песка — в конце тренировки, когда ноги уже не держали, запускать шары с колен оказалось удобнее, — поясните, зачем господин ректор приставил ко мне курсантов. Не только же из-за практики?

Мужчина не торопился с ответом. Достал из кармана перчатки, надел и только потом ответил:

— Здесь нет секрета ни для кого, кроме вас. В соглашении, которое вынудили подписать Четвертого, сказано, что королевская семья не имеет права вмешиваться в процесс обучения. Им даже запрещено вас навещать на протяжении всего первого курса. Но мой бывший ученик потребовал в ответ, чтобы академия несла ответственность за вашу жизнь и здоровье. Иными словами, если с вами что-то произойдет, ректору придется сжечь собственные волосы.

Так вот почему товарищ озаботился охраной, — догадалась Юля, — потребовал, чтобы она не покидала вечером комнату. До вчерашней ночи он считал ассару обычной женщиной: в меру избалованной, истеричной, но не способной проникнуть в ректорский кабинет, украсть наливку и распивать ее на крыше в компании с калкалосом. А когда оценил масштаб проблемы, испугался. Знала бы раньше такие подробности, залезла бы на крышу в первый день.

— Скажите, — поинтересовалась, когда они шли в столовую, — вы говорили, ваша семья плыла на корабле, а почему они не воспользовались порталами?

Мастер Штэль остановился, посмотрел на нее осуждающе.

— У вас чудовищные пробелы в образовании. Я выдам вам список того, что требуется прочитать в первую очередь. Что касается порталов... Не в каждое место их можно проложить. Более того, есть природные аномалии, которые влияют на перемещение, и вы рискуете прибыть в место назначения по частям. Например, извержение вулканов вызывает серьезные нарушения в пространстве. Да что там говорить. Резкое изменение давления, землетрясения, движения плит... Вы не поверите, но порой отправиться в другой мир проще, чем попасть на материк. Если вы заметили, подобная аномалия существует и вокруг академии.

Юля вздернула брови. Даже так? А она думала, что академию специально заблокировали, чтобы предотвратить побеги учеников, а это всего лишь природная

аномалия.

— Для перемещений используются проверенные направления. Вдобавок из-за воздействий сворачивающегося пространства на здоровье и психику не рекомендуется больше трех прыжков на длинные расстояния и десяти на короткие в день. Потому мы все еще используем корабли на воде, а вальшгасов на суше. Ну и есть народности, например, такийцы, для которых корабль — предмет поклонения. Такие будут ходить, даже если снимут все ограничения.

Ясно. Это как с самолетами. Полеты безопасны, но стюардессы выходят на пенсию в сорок пять.

На прощанье наставник посоветовал:

— Не забывайте медитировать. Это поможет вам развить ментал. Я перенес свои занятия на день и вечер, так что завтра утром жду вас на полигоне.

Юля была только за. Вопрос лишь в том, не будет ли у наставника проблем из-за новой ученицы. Эти сомнения она и озвучила мастеру Штэлю.

Тот хмыкнул, хитро улыбнулся и заверил, что не все так уж и плохо. Есть поддержка. Пусть немногочисленная, но кое-кто не возражает против присутствия женщины в священных стенах. А что касается занятий...

— Мое личное время и частные уроки никого не касаются. И даже если мне попробуют запретить... Знаете, вы очень напоминаете мне мою младшую сестру. Она так же обожала задавать вопросы, а ещё учиться. Делала это тайком от родителей.

Замолчал, задумчиво изучая пространство за спиной у девушки. В глазах застыла боль воспоминаний.

— А потом? — подтолкнула его к продолжению.

— Потом вышла замуж и родила двух детей, — сухо закончил. Поджал губы, все ещё переживая тот период.

Юля не удержалась.

— Возможно, я забегаю вперед, — сказала, подбирая слова, — но есть большая вероятность того, что скоро женщин в академии станет больше, чем одна.

Развернулась, шагнула к двери, бросив через плечо:

— Приятного аппетита и до завтра, наставник.

Мастер Штэль остался стоять.

В столовой к ней присоединилась уже знакомая троица. Села за стол к Шестому. Альгар удивленно вскинул брови. Вопросительно посмотрел на Юлю.

— Тренируются, — пояснила, — хотят стать безмолвными.

— Повезло вам с Юлей, — веско обронил будущий Столп.

Пришла очередь парней вскидывать брови. Совенок невозмутимо отправил в рот ложку с очень полезной, но совершенно безвкусной мешанкой, прожевал и пояснил:

— После такой тренировки вам работа легче легкого покажется.

Ему не поверили. А зря.

После обеда Юля направилась в библиотеку. Ректор обещание сдержал. Никто больше не набивался в покровители. Да и к ней попривыкли. Опять же экзамены, не до ассары.

— Не понимаю, — Юля хлопнула ладонью по столу. Парни вопросительно наклонились над книгой. Девушка ткнула пальцем в кусок текста:

— Чем этот тип извержения отличается от вот этого?

В лекциях наставника Шакара все было понятно, а сейчас, когда разбиралась сама, не

всегда улавливался смысл текста.

— Все просто, — заверил ее Бульц и принялся объяснять.

Жизнь вошла в рутину. Утром — практическое овладение огнем, после обеда — сидение в библиотеке, вечером медитация. С Алем она виделась в столовой. Ночевал деть вместе со всеми в общей комнате. Здесь не делали различий в положении. Единственное, что отличало учебный процесс наследника — более высокие, чем к остальным, требования. Потом добавят спецкурсы по управлению государством.

Ректор все же сдался и на следующий день прислал три комплекта формы, сшитой по ее размеру. Джинсы были отправлены в шкаф.

К сопровождению Юля привыкла — парни менялись по очереди, но первую тройку она выделяла больше всех. Курсанты старались держаться в стороне и не мозолить глаза, но не отказывали, если девушка просила помочь с учебой.

И все шло хорошо, если бы не тайник с мобильником...

— Слушай сюда, — стиснула в ладонях морду Дерезы, заглянула в крошечные глазки, — ты их отвлекаешь. Я беру мобильник. Поняла?

Вальшгас потянулся лизнуть в лицо.

— Тьфу, — Юля вытерла мокрую щеку.

Скотина озабоченно обнюхала хозяйку, притащила откуда-то кусок мяса. Бросила к ногам. Подтолкнула когтем, мол, ешь. Юля стиснула зубы — тупая живность не желала отказываться от привычки подкармливать хозяйку.

— Ладно, идем гулять.

Вышли. Прошлись по территории. Юля, вальшгас и тройка будущих безмолвных.

Когда подошли к нужному сараю, Дереза удачно рванула в кусты, где ее догнал крошечный огонек пламени. Ящерица обиженно взревела, а после ломанулась, куда глаза глядят.

— Ой, ловите! Держите! — закричала девушка, имитируя испуг.

Парни ломанулись следом, а Юля задержалась. Ровно настолько, чтобы забрать мобильник из тайника и положить на его место другой из кармана.

Посмотрела, как парни активно загоняют одуревшего вальшгаса, покачала головой — про нее-то забыли! Настоящие безмолвные так бы не поступили.

Неделя пронеслась быстро. Занятия съедали почти все время. Деть радовал тем, что перестал напоминать ходячий труп. Исчезли синяки под глазами. Кожа сделалась свежей. И руки больше не тряслись, когда подносил ложку ко рту.

А к выходным в гости в академию пожаловал правитель четвертого тэората. Юля обратила внимание на визит, лишь заметив суету во дворе. А потом глаз зацепился за знакомую фигуру — Фильярг.

— Юля! — его высочество утянул за угол, сжал в объятиях, набросился с голодным поцелуем.

— Откуда ты здесь? — спросила, когда отдышалась. Голова кружилась, в груди пекло от счастья, а губы растягивались в улыбке. Как же она соскучилась!

— А, — отмахнулся мужчина, — лучше скажи, как ты? Не обижают? Цела? Здорова?

— И цела, и здорова, — закивала девушка, кратко отчиталась, потом поинтересовалась с тревогой:

— Но как тебе разрешили здесь находиться?

— Я принял решение покинуть службу во дворце и взять управление тэоратом, —

пояснил Фильярг, — все равно скоро женюсь, так что отец не стал возражать, когда я попросился сюда принимать управление. Ну а уговорить дядю наведаться с проверкой в академию было несложно. Формально академия независима от короны, но теорат ее содержит, а потому может потребовать проверку расходовемых средств.

— И как часто будут проверки? — спросила Юля, и его высочество снова потянулся за поцелуем. Горячим, страстным, от которого слабели ноги, а в животе разгорался пожар.

— Очень часто, — заверил, когда они смогли оторваться друг от друга.

— Считаешь, у тебя когда-нибудь получится стать равной нам? — с холодком осведомилась сбоку. Юля повернула голову. Пятое высочество. Приперся. А так день хорошо начинался!

С утра у нее получилось-таки заставить пламя принять нужную форму, потом за обедом деть похвастался лучшим результатом по скоростному прохождению полосы препятствий, и она умилилась успехам подопечного. Фильярг обещал, что дождет академию либо допустить наставников на территорию, либо начать обучение ассары. А ещё калкалос намекал на прогулку «Сколько можно торчать в стенах? Ты скоро корни пустишь, личинка!». И так хотелось слинять вечером, встретиться с Фильяргом, прогуляться по улочкам приморского городка, насладиться нормальной жизнью, в которой нет формы, гудков по любому поводу, топота несущихся на построение курсантов и команд. Больше всего жалко было малышей, которые путались в ногах, когда их заставляли маршировать до столовой. Понятно, что пробуждение огня требовало присмотра наставников, но муштры можно было сделать и поменьше.

Впрочем, это было ворчание. На самом деле Юля уже привыкла к ранним подъемам, еде по расписанию, занятиям и присмотру товарищей безмолвных. Мозги все лучше усваивали информацию, а тело легче переносило физические нагрузки.

Три недели она адаптировалась к местным условиям, совершенно не страдая от отсутствия внимания со стороны Пятого высочества. И тут вдруг до нее решили снизойти.

— А кто сказал, что я стремлюсь стать равной вам? — искренне удивилась Юля.

Они стояли на открытой галерее, откуда открывался вид на полигон, где проходили занятия первого курса.

Юля отвлеклась от Совенка, который закончил свою часть упражнений, повернулась к парню. Его высочество скривил губы в презрительной ухмылке:

— Думаешь, я поверю, будто тебе все равно, что к тебе относятся, как к испражнению вальшгаса?

О. Даже так. Кто-то нарывается. И отчаянно завидует. Юля вспомнила мамочку Пятого, передернула плечами. Родителей не выбирают, это правда, но не хотелось бы ей иметь такую родительницу. Там же одни амбиции. И любовь к ребенку длится ровно до того момента, пока не разочаровал.

И вот что делать с Пятым? Пожалеть бы... Так взрослый детинушка, старше ее на один год, выше на голову. Жалость лишь оскорбит.

Посмотрела внимательно. И ведь реально хочется пригладить колючки. Не парень, а злобный еж, но где-то внутри живет маленький мальчик, который мечтает о любви.

— Не знаю, что там тебе наговорили, но мне действительно все равно, что обо мне думают. Невозможно нравиться всем, да и не хочется. Вот смотри, — кивнула на Шестого, — это моя жизнь. Он и Фильярг — моя семья. Все твои братья, Седьмая, егс величество. Мне приятно с ними общаться. Мы разные, и это тоже правда. Но разве плохо

быть другим? Разве это делает меня хуже?

Она говорила прописные истины. То, к чему давно уже пришли на Земле. Там существовали библиотеки реальных историй, в которых иммигранты, беженцы или бомжи рассказывали о себе. Доказывали, что они тоже люди, просто попавшие в трудную жизненную ситуацию.

Но Пятый — наследник. Будущий король с вероятностью один к восьми. Привыкший к подчинению подданных. К избранности. А тут какая-то девица из третьесортного мира претендует на равенство как минимум его матери. Задевает? Еще как.

— Это не делает тебя лучше, — процедил сквозь зубы Пятый. Намек на то, что рыпаться бесполезно. Испражнениям вальшгаса никогда не стать самим вальшгасом. Удобная позиция. И доказывать, что она за эти два месяца достигла большего, чем его высочество за годы учебы — бесполезно.

— Зато это делает лучше его, — кивнула на Шестого. Улыбнулась. И лицо Пятого перекосило. Сама того не желая, она крепко потопталась по больному месту наследника. Ну и пусть. Главное, чтобы яд сплевывал в сторону. А там... может, поумнеет, а может, и нет. В любом варианте воспитанием заниматься поздно.

Посмотрела на напрягшееся сопровождение. Заставила себя улыбнуться, сделать поклон:

— Всего наилучшего, — и оставила за спиной заледеневшего от ярости «ежика».

— Вы поосторожней с ним, Юлия, — предупредил один из стажеров, как девушка называла будущих безмолвных. И так как учились они на одном курсе, это были не просто слова.

— Юля, — Совенок выглядел встревоженным и в то же время смущенным, точно никак не мог решиться на что-то.

— Ты можешь мне довериться, если хочешь, — наклонила голову к детю, а в мыслях уже крутился тысяча и один вариант не озвученной проблемы: буллинг, здоровье, плохие результаты, первая любовь. Тьфу, какая первая любовь? Здесь же нет ни одной девочки. А другие варианты вроде не распространены. И три раза постучать, чтоб не сглазить.

Деть хмуро покачал головой, все ещё сомневаясь.

— Ты говорила, что рассказывать о других нехорошо. Особенно взрослым.

Юля тяжело вздохнула. Понятно. Аль столкнулся с коллективом и с вечной проблемой, что делать, если товарищи собираются поступить плохо, а рассказать об этом взрослым будет предательством. И все зависит от стольких «если», что верного решения порой и не существует.

— Давай так. Речь о твоих одноклассниках?

— Нет, — помотал головой Аль.

— Тогда о каком курсе?

Деть потупился и еле слышно пробормотал:

— Тринадцатом, — и тут же вскинулся с жаром: — Я не хотел, честное слово. Случайно услышал.

Тринадцатый. Наверняка стажеры проболтались, не озаботившись о приватности.

— Тише, — шикнула, оглядываясь. За столом они были одни. Троица отошла пообщаться со своими, бдительно не выпуская Юлю из вида. Теперь они охраняли ее не просто по указке ректора или ради оценки, а как будущую жену Четвертого. Их тайные встречи во время проверок академии не стали для стажеров секретом. А еще Юля

подозревала, что Фильярг, узнав об охране, провел беседу с парнями. Те и принялись отрабатывать охрану объекта всерьез. Еще и нервно реагируя на любое женское недомогание — а не беременность ли это?

И что делать с подслушанным разговором? Видно, как Совенка распирает от тайны. Не поделится с ней — проболтается другим.

— Они старше меня, поэтому формально ты рассказываешь не взрослому, — решила прибегнуть к софистике. Деть задумался, посмотрел с сомнением, но все же решился.

Твою же... Вежливых слов после рассказа Аля не осталось. Очень хотелось выломать хворостину и вправить парням мозги. Почти взрослые, ха! Детство все ещё играет. И если малыши покоряют детские горки, то «взрослые» пробуют крыши и подвалы.

У местных же забавы были поинтереснее. Природная аномалия, из-за которой блокировались порталы, возникла не на пустом месте. Под землей располагался источник огня, оставшийся от потухшего вулкана. Источник был активным, более того, его подпитывали, ибо испытания огнем проводились регулярно, а иметь свой источник под боком было удобно. Но существовала одна особенность.

— Неужели никому не страшно, что вот это находится под нами? — спросила, рассматривая иллюстрацию в книге. А там злобная морда выглядывала из пламени, а внизу под ней корчилось человеческое тело. И стояла оценка агрессивности: восемь из десяти. Десять, как помнила Юля, присваивалось лаве в извергающемся вулкане. А тут дети... Испытания... И восемь из десяти.

Трое курсантов, сегодня это была троица Бульца, пожали плечами.

— Опасен лишь исток, но доступ туда закрыт. Испытания проходят в центральной части, где степень агрессивности понижается до трех.

Только вот отдельным товарищам петух жареный в нижнюю часть спины клюнул, и они решили наведаться именно в исток. Естественно, без уведомления наставников. Логично, что тайком и ночью. И кончиться это может очень и очень плохо... Причем для всех.

Юля открыла ещё одну книгу. Содрогнулась. Жертвоприношения. Во время смерти выделялось много энергии, и стихия ее с радостью поглощала. Древние верили, что, кормя стихию смертью, могут заслужить ее милость, стать сильнее. Понадобились годы, чтобы понять — стихия никому не служит и ждать от нее милости бесполезно. Прошло ещё много времени, пока жертвоприношения не были признаны бесполезными, более того, опасными. Резкий вброс энергии распатывал источники и мог привести к дестабилизации. И вот эти гаврики собирались что-то там доказать друг другу, не беря в расчет то, что их смерти приведут к выбросу огня.

Юля потеряла лоб. Она не знает участников. Совенок слышал лишь то, что все планируется сегодня ночью. Как назло, мастер Штэль отбыл по делам в столицу и вернется через два дня. Ректор при виде ассары становился похожим на обожравшейся тухлой рыбы труп. Остальные в упор не замечали.

— Ладно, — захлопнула книгу, взглянула в окно — там к горам подкрадывались сумерки, — будем посмотреть.

Смотреть решила через час после отбоя. Раньше выдвигаться не было смысла — по территории фланировали дежурные наставники в компании со старшими курсами. Попадаться же было нельзя, а то во всех новостях: «Ассара Шестого высочества злостно нарушает распорядок академии. Какой пример она подает наследнику?».

Достала стеклянный шарик, покрутила в пальцах, вспоминая слова Четвертого:

«Браслет деактивирует любые следящие или охранные заклинания. Вряд ли на дверь навесят что-то по-настоящему мощное. Что касается твоей охраны — раздави шар и они уснут». Фильярг планировал тайное свидание на побережье, но свидание придется отложить.

Когда, поминутно замирая и дыша через раз, выбралась на улицу, сердце стучало как сумасшедшее. И обругать себя Юля успела уже раз сто. За глупый авантюризм, за влезание в чужие дела, за безголовость.

Застыла у стены, вдыхая морозный воздух. Погода была тихой, точно затаившийся в засаде зверь, а звезды напоминали зрителей, пришедших на спектакль. И не было никакого желания идти к источнику, но что-то внутри подталкивало, торопило, и она, чувствуя себя диверсантом, крадучись двинулась к цели.

Источник располагался в пещере. Ничего особенного не указывало на важность сего места. Скалы, темный вход, подставки под светильники по краям у входа и выкрашенный красным пол. Световых шаров не было, только один какой-то инвалидный грустно висел у прохода. Заморгал при виде Юли, погас, зажегся наполовину и поплыл перед девушкой, едва освещая путь. А тот был оставлен в первоизданном виде. Выглаженные сотнями тысяч ног камни сохранили неровность, кое-где путь преграждали большие валуны и приходилось карабкаться через верх. Ну да, трудности закаляют, а огонь любит сильных.

Чем ближе Юля подходила к центру пещеры, тем сильнее ощущалось пребывание огня. Она уже стянула черную шапку, в которой проделала отверстия для глаз и рта, дабы не светить белым лицом в темноте, расстегнула спортивную куртку, стащила перчатки. Разгоряченный воздух обжигал легкие еще на подходе. Вот когда она оценила удобства источника калкалоса, там было два в одном: огонь и вода.

Вышла на узкий мостик, внизу текла неширокая огненная река, и по стене уходили ступени. Ей явно было туда, но животный страх — мамочка, столько огня! — сковал ноги.

И тут тряхнуло. От неожиданности Юля упала на колени. Мост задрожал. Посыпались камни. Один больно ударил по плечу. Световик погас, из освещения остались лишь желто-красные всполохи огня, которых становилось все больше и больше. Откуда-то нарастал гул, а потом раздался крик боли.

Юля выругалась. Полегчало. Заставила себя двинуться дальше. Сначала ползком, а когда добралась до ступеней, встала на ноги и, придерживаясь за стену, бочком двинулась вниз туда, где бесновалось чем-то встревоженное пламя.

— Ты сможешь, — уговаривала себя, — ты в пламени купалась и ничего, жива. А тут какой-то ручеек. Переплюнуть можно.

Переплюнуть, конечно, не получится — слюна испарится еще на подходе, но уговоры помогли преодолеть страх.

— Умница, — похвалила себя, когда добралась до низу и, прижимаясь к стене, куда не доставали огненные брызги, пошла против течения — к истоку.

А там были ещё одни ступени, вскрытая дверь, узкий проход в скале над источником. Пол пару раз ходил ходуном. Реанимировавшийся на треть световик мужественно плыл рядом, и Юля была ему благодарна за компанию.

Когда они вдвоем вывалились в еще один зал, действие было в самом разгаре. Три фигуры бились в огненных жгутах и держались лишь за счет щитов. Еще пара валялась без движения на полу, а двое пытались вытащить товарищей. В одном из них Юля с удивлением опознала Пятого. Выругалась. Подумала о том, что надо вернуться за помощью. Вот только времени почти нет. Щиты таяли на глазах. Еще немного — и троицу поглотит пламя, тут же

перекинувшись на остальных. Не уйдет никто.

Спустилась, почти сползла по ступеням — ноги ослабли. Было страшно, но не за себя. Внутри она была уверена, что пламя не причинит ей вред, а вот парням...

Подошла. Пятый заметил, дернулся как от удара, но концентрацию не потерял.

А Юля, не останавливаясь, двинулась дальше, прямо к пламени. Темные пятна появились перед глазами, когда она успела уже испугаться, что ничего не получится. Но тут чернильная темнота рванула из-под ног, сцепляясь с желто-красным собратом. Огонь обиженно взревел, ослабляя хватку на жертвах.

— Быстрее, — крикнула Юля, застывшим парням. Те отмерли, один, похоже, воздушник, подтянул к себе товарищей петлей из воздуха. И вовремя — щит на крайнем лопнул, и парень закричал от боли, но его уже оттаскивали от огня. А черное пламя верно определило угрозу, давя алого собрата. И стало понятно — ещё чуть-чуть и Юля лишит академию источника. Этого ректор ей точно не простит.

— Уходим, — крикнула, подхватывая одного из парней. Бывшие жертвы, шатаясь, поползли сами, а лежавших без сознания понесли.

ГЛАВА 24

Когда шли, пол трясся, не переставая. Потолок бомбардировал камнями. Источник мстил за вторжение.

Вывалились наружу. Парни попадали на землю. Юля стерла бегущую по лицу кровь — рикошетом зацепило бровь. Убедилась, что темное пламя ушло, как только исчезла угроза.

Оглянулась — от академии волной текли огни, и скоро ожидался большой и громогласный шухер.

— Идем, — дернула, стоявшего, уперев ладони в колени и дышавшего как астматик Пятого.

— Что? — парень посмотрел на нее мутным взглядом.

— Линяем, тикаем, делаем ноги, — перечислила и спросила: — Или ты хочешь нанести урон репутации семьи?

Третий однозначно сумел на нее повлиять, раз даже сейчас она думала о последствиях.

До Пятого наконец дошло. Заторможенно кивнул, оглянулся на парней.

— Она права, — подтвердил ближний к ним, — уходите. Мы прикроем.

— Если сильно прижмут, — предложила девушка, — дайте знать, поможем.

От нее отмахнулись — мол, без женской помощи обойдемся.

Домой возвращались обходным путем. Шли медленно. Пятый тормозил, качался, как обкуренный. Юля не выдержала, подхватила, обнимая. Парень возражать не стал, оперся.

До корпуса тринадцатого курса добрались незамеченные. Все заинтересованные лица сейчас были у источника.

— У тебя кровь, — сказал Пятый, когда они остановились под окнами.

— Заживет, — пожала плечами Юля, — а вот у тебя проблемы. С мозгами. И это, увы, не лечится.

Парень поморщился, однако спорить не стал. Видно было, что держался на одной силе воли.

— Может, в лечебницу? — предложила. Если он сейчас тут окочурится... Труп спрятать не проблема, проблемы будут потом.

Дернул уголками губ. Посмотрел пренебрежительно, но вспомнил о том, что сделала Юля, задавил гордыню.

— Справлюсь.

Развернулся и пошатался к себе.

— Пожалуйста, — бросила в спину. Надела шапку с маскировкой. Ее ждала теплая постель, а уж как Юля о ней мечтала и говорить не стоило.

Три пары суровых взглядов встретили на подходе.

— Уже проснулись? — удивилась девушка, прикусила язык, но было поздно.

Вздохнула, сняла шапку. Вот она расплата.

— Вы ранены? — встревожился Бульц.

— Справлюсь, — повторила слова наследника, чем заработала укоризненно недоверчивые взгляды.

— А давайте мы все же проверим, что с вами все в порядке, — предложил Бульц, и ее буквально внесли в комнату. Потом парни долго ругались, залечивая синяки и ссадины, убирая порез на брови.

— Не знаю, повезло ли вам, что докладывать мы будем сначала Четвертому, а уж он решит, ставить ли в известность ректора, — задумчиво проговорил Бульц, и Юля внутренне содрогнулась. Любимый будет лютовать.

Едва успели закончить с лечением, как прозвучал сигнал всеобщего сбора. Что там было, девушка помнила смутно — шатало от накатившей после стресса слабости. Кажется, ректор был в ярости и говорил много правильных слов. О безголовости и безответственности. О вреде, нанесенном источнику. О риске для всех курсантов. В конце добавил, что наказание участникам будет вынесено позднее, когда они выйдут из лечебницы.

Юля хотела найти Пятого, но стажеры не позволили. Вдобавок рядом крутилась парочка преподавателей с такими взглядами, словно точно были уверены — это она во всем виновата.

Утром последовал вызов к начальству. Юля морально приготовилась отбиваться, но господин Сэльс удивил. Пригласил в кресло у камина, сам сел напротив. Посмотрел устало.

— Я знаю, вы там были, — не стал долго ходить вокруг да около, — потому как вы единственная в Асмасе, кто владеет темным пламенем. И совершенно ясно, что вы защищали не только себя. Это не первый случай, когда старшие курсы пытаются добраться до источника, — он поджал губы, в глазах промелькнула боль, но ректор быстро взял себя в руки и продолжил: — Парни молчат, потому я не стану настаивать на вашем признании или выдвигать обвинения, как и просить выдать всех участников. Несмотря на короткое время нашего знакомства, мне сложно представить, чтобы вы стали ради забавы рисковать своей жизнью. Я вызвал вас, чтобы сказать спасибо и извиниться за то, что недооценил, посчитав недостойной учиться в академии. На самом деле вы достойнее многих. Не каждый осмелится рисковать собой ради другого.

Помолчал. Вздохнул, смиряясь с уже принятым решением.

— Мы начнем формировать вашу программу обучения уже завтра. Готов услышать любые пожелания.

— Спасибо, — отмерла от удивления Юля, — но у меня уже есть наставник.

— Я в курсе, — кивнул ректор, — однако вам требуются преподаватели по истории, вулканологии, этикету и ещё многому другому. Вы ведь хотите передать ваши умения Шестому? Мы поможем. И еще. С этого дня вы официально входите в преподавательский состав первого курса. Не обещаю, что ваши рекомендации будут приняты полностью, но мы

к ним прислушаемся.

Вот это была по-настоящему суперская новость. Юле давали право корректировать обучение Совенка. И тут такой простор открывался — аж дух захватывало. Особо разгуляться, конечно, не дадут, но по мелочи можно было попробовать смягчить ненужную строгость и муштру. Добавить выходных к одному в месяц. Больше сконцентрироваться на поощрении, чем наказании. И вообще, детей надо любить, а не только третировать и воспитывать. А с любовью здесь были большие проблемы...

Вечером ей передали тяжелую шкатулку. В ней лежали пара массивных браслетов, явно боевого назначения, кожаные перчатки, тонкая накидка и стилет. А ещё короткая записка «Спасибо за сына». И это означало, что у Пятого хватило смелости признаться отцу и его величеству в курсе ситуации и выражает свою благодарность. А наказание сыну вынесет сам.

Утром около столовой она столкнулась с Пятым. Похоже, ее специально караулили, но сделали вид, что мимо проходили.

— Прохладного утра, — поклонился парень. Стажеры посмотрели недобро, однако отгонять высочество не стали.

— Как ты? — спросила Юля. Выглядел Пятый все еще нездорово, но хотя бы не шатался.

— Нормально, — кивнул, замялся и выдавил нехотя: — Спасибо.

Юля ухмыльнулась — неисправим. Снобизм бежит впереди хозяина.

— Просто думай следующий раз не только о славе, — посоветовала. Пятый скривился, но спорить не стал. На том и разошлись.

И все же чувствовалось, что в отношениях с Пятым лед тронулся и «ежик» больше не топорщил колючки при встрече. Еще бы пережить гнев Четвертого...

Днем прислали сообщение, что Совенок в лечебнице.

Юля не помнила, как добежала. Как на ходу восстанавливала связь. Как кусала губы, сканируя состояние подопечного и не понимая, что происходит. Как умирала от страха, осознав, что деть горит от высокой температуры.

— Что с ним? — ворвалась в палату.

Пожилой мужчина удивленно вскинул брови на вторжение, потом заметил панику на Юлином лице и успокоил:

— Все в порядке, не переживайте. Пламя, конечно, просыпается раньше обычного, но так бывает. К тому же, у нас нестандартный случай.

Юля осела. Ее подхватили, посадили на стул. Заварили успокаивающего чая. Через пару часов появился Четвертый в компании с Третьим.

— Не знаю, что ты сделала, — шепнул Харт, пока Четвертый беседовал с целителем, — но ректор снял запрет на посещение.

Склонился над братом, положил ладонь на лоб, проверил состояние.

— Очень быстро, — покачал головой и повернулся к Юле: — Что ты чувствуешь?

— Словно его пожирает пламя, — пожаловалась девушка, — и я не знаю, чем помочь.

Харт вздохнул.

— У него сильный дар. Этого хорошо, но опасно. Альгар может не справиться, и ему точно нужна твоя помощь. Помнишь, ты рассказывала об источнике, где исцелилась? Калкалос ничего не делает просто так. Думаю, там не зря была вода, есть шанс, что у тебя две стихии. Если у нас получится, вода уравновесит огонь, но ее надо пробудить.

— Он прав, целитель говорит, что ощущает присутствие не только огня, — подтвердил подошедший Фильярг. Посмотрел строго на Юлю, покачал головой, пообещал: — Мы поговорим позже.

Харт заинтриговано вскинул брови, прищурился, но его посвящать в недавние события никто не стал. Сам потом выяснит по своим каналам.

Юля рвано выдохнула, начиная паниковать. Сначала огонь, а теперь вода? Пусть слабее, на втором плане, но все же стихия...

— И что мне делать? — спросила у братьев.

На пустынном песчаном берегу было холодно. Дул пронизывающий ветер. Сыпал крупной мелкий снег, тут же тая на песке. Море хмуро перекачивало серо-зеленые волны с белым шапками пены. Над берегом под темными тучами с резкими криками носились птицы.

— Мне точно надо туда? — уточнила. Пятый поежился, посмотрел сочувственно. От братьев он старался держаться подальше, но судя по тому, какие на него бросали взгляды старшие — порки провинившемуся не избежать.

Из портала шагнул Первый, следом появился Второй. Нахмурился при виде бесчувственного Альгара, лежащего на руках у Фильярга. Подошел ближе, протянул ладонь, сканируя.

— Сильный огонь, — проговорил, — но есть что-то еще.

— Мы решили, это вода, — подтвердил Харт.

Рядом встал Первый. Хмуро покачал головой.

— Мутно все. Слишком сильное пламя. Забывает. Да и не время для пробуждения второй стихии.

— Хотим попробовать уравновесить пламя, — проговорил Фильярг.

Первый с сомнением пожевал губы.

— Попробуем, но сначала она, — и все посмотрели на Юлю. Та нервно сглотнула, снова посмотрела на студеную воду. По связи с Совенком постоянно прокатывались волны жара, и в растянутой форме было не холодно, но все же неуютно купаться под снегом.

— Раздевайся, — приказал Ларс, ещё и подмигнул, засранец.

Юля не сдвинулась с места. Раздеваться при честном народе? А не пойти ли товарищам... куда подальше?

— Юля, поверь, вода не переносит ничего лишнего.

И она припомнила, в каком виде вынырнула из источника. Согласилась, попросив:

— Отвернитесь.

— Ох, уж эта скромность, — проворчал Второй.

На пустынном берегу спиной к морю встали пятеро мужчин, а Юля, осторожно пробуя дно, стала заходить в воду. Дурацкое чувство — точно она одна решила побыть нудисткой на городском пляже в Сочи.

Холод сначала обжигал, потом стало терпимо. На третьем шаге вокруг закрутились злые волны, норовя сбить с ног. Юля вскрикнула, упала, ее потащило по песку, причем на глубину.

За руку ухватили, дернули обратно.

— Держись, — приказал Фильярг. Рядом, преодолевая буйство воды, входили в воду остальные братья. Ларс довольно ухмыльнулся:

— И стоило скромничать?

Он был прав. Набрасывающиеся волны скрывали обнаженное тело на короткое время, отходя, чтобы наброситься вновь. При этом братья были в одежде, только Аля раздели.

Юля сплюнула соленую воду. Дурацкие ритуалы. Не нужна ей вода. И это чувство, похоже, взаимно, но ради Совенка придется пересилить себя.

— Объединяемся, — приказал Первый, беря командование, — Юля впереди.

Какое, к черту, впереди, когда ее мотает по волнам? И она едва стоит на ногах?

Но братья образовали полукруг, лицом к воде, и в нем вода стала спокойнее, и соленые плюхи больше не прилетали, залепляя глаза.

— Расслабься, — посоветовал Харт, — вода сама все сделает.

Легко сказать. Как тут расслабиться, когда перед ней набирает обороты шторм, за спиной пятеро мужиков глазают на обнаженный филей, а ещё деть горит без сознания, и тревога за него душит, не отпуская?

— Вспомни, что было в источнике, — последовал совет от Пятого.

В источнике не было волн. И там легко было покориться, позволить стихии овладеть собой. Достичь соглашения.

Выдохнула. Заставила расслабиться. Смахнула снежинку с кончика носа. Ноги начали леденеть, а нужное чувство все не находилось.

Прикрыла глаза. Шагнула вперед. Ей нужна прохлада, чтобы загасить пламя, сжигающее детя. Но она не станет требовать или просить. Отдаст себя взамен. Ведь стихия внутри — это тоже вода. Еще один сосуд. Подчинить. Позволить овладеть собой, чтобы потом управлять. Найти равновесие.

Холод поднялся по ногам, достиг сердца. Покатился дальше по связи, неся с собой такую нужную прохладу.

— Все, ты молодец, — на плечи легли теплые руки, — открывай глаза.

— Только не ори, — посоветовал Второй.

— А-а-а! — задохнулась Юля.

За спиной укоризненно вздохнули, как будто нависшая над головами серо-зеленая гигантская волна каждый день приходит в гости ко Второму выпить кофе. А Юля на ровном месте истерики закатывает.

— Лучше портал открой, она совсем замерзла, — зло бросил Фильярг брату, прижимая к себе.

На площадь городка они вывалились вместе с пару сотней литров воды. Четвертый содрал с себя промокший пиджак, накинул Юле на плечи. Окружающие реагировали со сдержанным любопытством, явно видя и не такое с академией под боком.

— Госпожа.

Кто-то уже передал сухой плащ, в который закутали Аля. Кто-то советовал лучшие комнаты и предлагал кружку горячего вина. И через несколько минут компания сидела у ярко растопленного камина. Юлю отвела наверх хозяйка таверны переодеться. Когда она уходила, деть крепко спал здоровым сном. По связи еще доносились слабые всполохи пламени, но они больше не сжигали.

— И как тебе быть водником? — поинтересовался Второй, когда она вернулась.

Харт протянул бокал с вином. Фильярг подвинул стул ближе к камину.

— Не поняла еще, — честно призналась Юля.

— Вода, она такая, — многозначительно проговорил Первый, — не любит себя проявлять, но приходит тогда, когда надо.

— У нас теперь в семье два водника и один воздушник, — подвел итог Пятый.

— Три водника, — не согласился Харт, — у Шестого ещё все впереди.

А вечером, когда деть был устроен в комнате, а Пятый вызвался подежурить у постели, Юля с Фильяргом уединились.

После всех потрясений это была наполненная нежностью ночь. И Юля тонула в ней, упивалась любовью, а сильные руки дарили чувство защищенности, прогоняя страх.

— Знаешь, мне мало наших встреч, — проговорил его высочество, когда они насытились друг другом, — не устраивают тайные свидания. Не хочу украдкой срывать твои поцелуи. Хочу, чтобы ты была рядом.

Разнеженная, залюбленная и зацелованная Юля была согласна на все. Только как совместить академию, Четвертый тэорат и обязанности высочества перед короной?

— Как думаешь, ректор не откажет лучшему бойцу академии в должности инструктора?

Юля представила лицо Сэльса и заверила:

— Если ты прекратишь донимать его проверками, он будет готов на все.

— Так и сделаем, — и его высочество нежно притянул к себе, — утром буду тренировать оболтусов, после обеда принимать дела у дядюшки, а вечера проводить с тобой и братом. И чтобы никаких больше спасательных операций без меня, поняла? — спросил строго.

— Есть, мой командир! — без тени сомнений подтвердила Юля. И вообще, лично она никогда не ищет неприятности, они сами ее находят.

— А меня тренировать будешь? — поинтересовалась.

— Со всей строгостью, — заверил Фильярг, — чтобы сил на глупости не оставалось.

Два месяца спустя.

— Юлия Андреевна, не соблаговолите ли пояснить, что это такое? — ректор с красным от гнева лицом потряс стопкой бумаг.

— Не могу знать, — пожала плечами девушка.

— Ах, не можете? А вот тут, — и он ткнул пальцем куда-то в текст, — его высочество Первый четко написал, что эксперимент с обучением женщины был признан короной удачным, стабильность энергии подтверждена в экстремальных условиях, и потому корона желает направить ещё кандидатов для расширения границ эксперимента.

— Если корона желает... — философски отреагировала Юля, мол, смысл сотрясать воздух, когда наверху уже все решили.

— Признайтесь честно, — ректор сменил тон на любезно-масляный, — вам скучно без женского общества? Так я позволю завести служанку, компаньонку, кого угодно, только убедите Первого, что мы не сможем учить женщин.

— Но меня вы ведь учите? — вздернула брови Юля. — И простите, при всем уважении, переубедить Первого я не в силах. Вы и сами знаете, если что-то взбрело в голову его высочеству...

— Наливки презентую. Ящик, нет, два.

Юля помотала головой, тихонько отступая.

— Калкалосу вашему дам разрешение прилетать.

Как будто оно ему нужно, — подумала Юля, упираясь спиной в дверь.

— Бал устрою, — ректор перешел на бред, — штаны ваши дырявые позволю носить.

— Простите, ничем не могу помочь, — и Юля выскользнула за дверь. Выдохнула. Встретилась взглядом с Совенком.

— Ну как? — деть подпрыгнул от нетерпения.

— Все хорошо, солнце, — потрепала Аля по голове, — мы победили. Будет у нас первый женский факультет.

Эпилог

Ректор похудел, спал с лица, и Юле было бы его жаль, если бы не желание переложить ответственность на хрупкие плечи.

— Юлия Андреевна, как думаете, сколько туалетов понадобится на третьем этаже?

— А в раздевалках нужны зеркала? Одно или пять?

— Может, нам разнообразить меню десертами? Женщины ведь любят сладкое?

И так раз пятнадцать на дню к ней прибегали порученцы с вопросами, как будто Юлия одновременно стала мировым экспертом по женским вопросам.

Академия гудела. Академию потряхивало. Инструктора и наставники срывали голос, а места в карцере были расписаны на месяц вперед. Все строили предположения о возрасте новеньких. Кто-то считал, что наберут детей. Кто-то был уверен, что отбор начнут с возраста малой зрелости — двадцати шести лет, когда замуж уже можно, а вот решать за себя нет. Кто-то с пеной у рта утверждал, что девушки придут в поисках мужей, мол, корона решила совместить приятное с полезным: и выучить, и пристроить.

Лихорадка из академии расползлась по стране, матери бились в истериках, отцы прятали дочерей — прошел слух, что набирать в обязательном порядке будут всех от двадцати до тридцати лет. Незамужних. Прокатился вал свадеб и заключенных покровительств.

Шепотом передавались новости о сбегающих под покровом ночи девах, о собирающихся в Первом тэорате женщинах, о совершаемом над ними чудовищном обряде, который делает безбрачной, бездетной, зато контролирующей магию.

Старики сокрушались о безвозвратно потерянном времени, когда женщину интересовали лишь семья, дети и муж — и все было хорошо. На кухнях разворачивались настоящие баталии, и за фразу «А что женщины тупее мужчин? Почему им нельзя учиться?» можно было отхватить тяжелый родительский подзатыльник.

Корона выдерживала паузу, собирая материал. Наверху готовились задавить вопли доказательной базой. Больше всего было слышно мужчин, почему-то они решили, что власть покушается на святое — спальню.

— Вот пойдет учиться, а потом работать захочет и что? Мужа забудет? Детей побоку?

— Или вообще замуж не выйдет, а кто детей рожать будет? Тапуны?

— И что вперлось в академию-то идти? Ну нашли способ контролировать пламя, так и оставьте все как есть. Покровительство чем плохо? Удобно же.

— Все им мало. Разводы разрешили, покровителей менять тоже. Нет, нейдет же...

— Все она... ассара Шестого. Появилась и наводит собственные порядки.

— Тише. За решетку захотел? Четвертый шутить не любит.

— И что же вам нейдет-то, Юлия Андреевна? — Третий растер лицо усталым жестом. Выглядел он сейчас не лучше ректора: синяки под глазами, усталый взгляд. И было понятно, кто принял основной удар на себя. Направлять недовольных в нужное русло — для этого особый талант нужен, а ещё стальные нервы.

Они стояли на открытой галереи академии. Внизу было пусто — народ заседал в классах, и казалось, что пространство вымерло, но прогудит гудок, и все наполнится людьми в серой форме.

— Еще скажи, что короне это невыгодно? — фыркнула девушка. В последнее время она приобрела иммунитет в решении жестких вопросов и простой укоризной ее было не взять. — Признайся, что меня использовали?

Харт развел руками, соглашаясь:

— Мы давно искали способ облегчить женщинам контроль над стихией. Ты не знаешь, но на материке женщин учат уже лет тридцать наравне с мужчинами. Воздушниц, водниц, менталисток — для них нашли способ удерживать магию под контролем... К сожалению, огню их способ не подходит. Но на последних всемирных играх именно женщина заняла третье место в зачете по защитным заклинаниям. Пусть это случилось впервые, уверен, эта «случайность» повторится. #289164025 / 02-сен-2022 И что делать нам, если у нас подавляющее большинство с даром огня? Продолжать удерживать дома? А в это время соседи получают новые ресурсы, новые кадры и новые звезды магических наук? Через сколько времени мы начнем отставать? Поверь, очень скоро. Признаюсь честно, мы уже отстаем. Так что, Юля, учеба женщин — это не только социальный вопрос, но и политический. И то, что сейчас происходит — прорыв. Не скрою, мы готовили его давно, пробовали разные варианты, но твой оказался изящнее, хоть и дороже.

Харт поморщился. Юля даже знала, что именно вызвало токсичную реакцию — переговоры с калкалосами о праве добывать слезы на их территории. Ящерицы проявили чешуйчатое упрямство, заломили цены и вдоволь поиздевались над двуногими личинками.

Драго пылал от восторга, когда рассказывал о переговорах, а его хвост дотанцовывал то, что не могли выразить слова. Но в итоге обе стороны пришли к соглашению. И поставки слез калкалоса должны были начаться на днях.

У этой лихорадки был ещё один весомый плюс: все дружно забыли о слабости Шестого. А сдаваемые на высший балл тесты убедили наставников и сокурсников, что не так слаб наследник, как о нем ходят слухи. Что касается дворца и остальной страны — им было теперь не до Шестого.

— А меня не растерзают, если я выйду за ворота? — поинтересовалась Юля.

Ей, конечно, ничего особо не рассказывали, но и обрывков слухов было достаточно, чтобы вообразить картину происходящего.

— И хватило же совести прикрываться мной, — пробурчала.

Третий соорудил милейшую улыбку.

— Как можно прикрываться столь замечательной особой. Умной. Целеустремленной.

— Не подлизывайся.

— А что касается настроения толпы... Это сейчас они недовольны, а лет через десять, поверь, будут преклоняться.

— Мне бы еще дожить до этого времени.

— Ты сомневаешься в наших способностях тебя защитить? — вскинул бровь Третий.

— Я сомневаюсь в своих способностях сдержаться и не придушить кого-нибудь при встрече. И даже не надейся запрягать меня в этих стенах лет на десять. Не получится. Мама уже намекает на приезд в отпуск. Да и Фильярга рано или поздно нужно будет познакомить с семьей.

— Решим, Юлечка, все решим, — заверил Харт, — пройдем острый период, все убедятся, что в академии дев не жрут, и будет тебе свободный выезд домой.

— Дев здесь не сожрут, конечно, но к рукам прибрать могут, — словно невзначай заметила Юля и уловила тень недовольства, промелькнувшую на лице Третьего. Неужели

кое-кому удалось пробить брешь в сердце «железного канцлера»? И в голове тут же сложился план... А вот нечего прикрывать государственные реформы ассарой.

Девы прибыли через неделю. Все было готово. Полы блестели, территория вылизана, в корпусе, который им выделили, произведен ремонт. И даже женские туалеты появились на каждом этаже. Да и курсанты стали лучше следить за внешним видом. И Юля подумала, что наличие противоположного пола стимулирует к порядку лучше командирского пинка.

— Юля! — Софрана кинулась обниматься, как только сошла с вальшгаса.

— У нас там такое... — закатила глаза, потом спохватилась, повернулась к мявшимися за ее спиной девушкам. Скомандовала:

— Построились, — и разрозненная группа выстроилась в ровную цепочку. Сразу видно — тренировались. Знали, на что идут.

Юля проверила — одиннадцать. Не густо, но для начала нормально.

Потом было знакомство. Благодаря информации от Третьего, она успела изучить дело каждой. Знала, что трое хотят быть артефакторами, пятеро — традиционно целителями, а ещё двое мечтают стать архитекторами и мастерами-оформителями, и только одна указала боевое направление... Бедный ректор аж подавился, когда прочитал такую наглость.

Юля приветливо кивала первопроходцам, пионерам магической академии. Девочки бледнели, краснели, робели, но держались неплохо. С вбитым с детства достоинством.

Сама Софрана изменилась. Взгляд сделался строже, повзрослела, похорошела и прибавила уверенности. Вместо девочки-одуванчика — леди с явными признаками стали в характере. И надо будет не забывать при каждой встрече намекать Третьему о внимании к девушке со стороны сильного пола. Ревность... она как ржавчина. Потихоньку разъедает возведенную из упрямства броню.

— Предлагаю всем пройти к себе, разложить вещи, потом я проведу вас по территории, расскажу что и как. Затем у вас вводная лекция от ректора, тестирование и... — запнулась. Они так и не пришли к решению: будет ли это отдельный женский факультет или девушек включают в состав действующих групп. Ректор был за первый вариант, Юля настаивала на втором — консенсус достигнут не был.

Махнула рукой — тестирование покажет. Если уровень разный, пихать всех в одну группу бессмысленно. Опять же, что делать со специализацией? Допустим, про боевой факультет речи пока нет, но не отправлять же всех на целительский?

— Будем посмотреть, — закончила бодро и улыбнулась.

— Ты не представляешь, что сейчас творится во дворце, — непринужденно болтала Софрана, сидя на кровати и заедая стресс ею же подаренным пирожным, — сначала все были против. Большое собрание требовали провести. Брат со мной перестал разговаривать. Отец хотел от дома отказать, но потом передумал. Наверное, все ещё надеется, что я вернусь. А меня Первый лично натаскивал, чтобы сдала экзамены за шестой общеобразовательный курс. Потом Третий подключился.

Тут девушка покраснела, смутилась и попыталась оправдаться:

— У Первого другие испытуемые появились, а я ещё не готова, поручить же чужому Первый не мог. Пятый учится, Четвертый здесь, а Второй расследование заканчивает.

— Какое расследование? — насторожилась Юля.

— Ой, — хлопнула себя по губам Софрана, — сожри меня пламя, проговорила. Третий просил ничего не говорить, пока результата не будет.

— Ладно, не говори, — разрешила Юля, пообещав себе вечером прибегнуть к пыткам

одного скрытного высочества. Не может быть, чтобы Четвертый не был в курсе.

— И как сдала?

— На высший бал, — с гордостью заявила девушка, — меня семь дней мучили, держали под контролем, проверяли магию на стабильность. Но ни крохотной нестабильности не нашли!

Юля поймала себя на зависти. Все-таки есть большая разница между ней и теми, кто рожден с магией. Им дай контур устойчивости — и сплошная стабильность. А она до сих пор ловит себя на желании вспылить и поджечь ректорскую шевелюру.

Кстати, о ректоре.

— Мне нужна твоя помощь. Кто-нибудь из вас умеет готовить?

— А надо? — насторожилась Софрана.

— Очень. Две вещи, к которым имеет слабость ректор — это наливки и сладкие пироги. Наливка у него своя, а вот пироги нужны. Время на операцию — неделя. Будем налаживать контакт и смягчать кризис.

Рецепты искали везде. Кое-чем поделилась Юлина мама. Что-то нашли сами девушки. Как ни странно, в операцию активно включилась жена Первого. Она же предложила устроить большой праздник для всех. Никогда еще день рождения ректора не готовили с таким размахом. Даже Седьмая присоединилась, внеся свою лепту.

Одуряюще пахнувший груз из Первого и Третьего тэоратов тайком проносили старшие курсы. И ведь не попался никто!

Кухню экспроприировали с вечера. Готовили ночью. Прикрывали все те же старшие курсы, заодно перезнакомились и подружились.

Почти в полночь вывалились наружу. Ярко светила луна, было тепло и все ощутимее становилось приближение весны, и настроение было... Довольное.

Рядом мрачной тенью встал Пятый, и народ понятливо разошелся, оставив их одних. Юля напряглась. За это время она научилась распознавать беду и теперь чуяла, что та мерзлой глыбой застыла за спиной высочества.

— Мать связалась со мной. Просит о помощи, — проговорил принц равнодушно. Но Юля была уверена — равнодушие напускное, и Пятого сейчас съедает боль, — ее обвиняют в травле Альгара.

Сердце болезненно сжалось. И что тут сказать. Только:

— Прости.

Пятый хмыкнул. Мотнул головой.

— Это был ее выбор. Ей было мало стать королевой и матерью, еще и кузину мечтала сделать такой же, чтобы две королевы из одной семьи.

— Кузину? — вскинула брови Юля.

— Бывшую восьмью невесту, — подтвердил Пятый, — зажгли пожар ближайшие родственники, обиженные тем, что девушку лишили короны, а мать поддержала. Братья скрывали правду даже от меня, но когда Шестого попытались убить... Правду пришлось предать огласке.

Юля вспомнила представленную ей на балу девушку. Хрупкого эльфа с медовыми глазами, нежным голосом и неземной добротой во взгляде. Глядя на такое чудо, внутреннее чутье отказывалось верить, что она может быть причастна.

— А бывшая невеста? — спросила, дрогнувшим голосом.

Лицо Пятого вдруг осветила нежная улыбка. Всего на доли секунды, но Юле хватило,

чтобы ее поймать и сделать выводы. Ничего удивительного в том, что такая искренняя доброта нашла путь даже к сердцу «колючего ежика».

— Ее невиновность подтверждена. Знаешь, я даже рад, что у матери ничего не вышло.

И с плеч точно мешок сняли. Но надо ведь что-то делать, показать цель, дать мотивационного пинка. Не хорошо, когда высочество страдает из-за амбиционной матери. Какая-никакая, а все-таки мать...

— Бедняжка, — вздохнула искренне, и Пятый подобрался, — заклевали, наверное, дома. Сначала не смогла выйти замуж за короля, а когда все вокруг старались ради нее, ничего делать не стала.

Его высочество нахмурился.

— Спорим, сделают ее виновной во всем? Сами себя до суда довели, а винить будут ее.

На лице Пятого заиграли желваки.

— Помочь бы... Только чем? — спросила у луны, краем глаза наблюдая, как на лице высочества появляется выражение глубокой задумчивости.

Все. Наживка заброшена. Дальше пусть сам деву спасает.

— Что это вы тут делаете? — спросил знакомый голос, и Фильярг обнял со спины, прижался. — Про завтрашний сюрприз я в курсе, вся академия слюной захлебывается, я про разговор с братом.

Юля посмотрела туда, где скрылся Пятый за пару минут до появления Фильярга.

— Обсуждали родственные неурядицы.

— Ты про его мать? — напрягся любимый.

— И про нее, — кивнула Юля, повернулась, обвиняюще ткнула кулаком в грудь: — Мог бы и рассказать.

— Прости, — повинился, — дело щекотливое. Второй просил хранить все в тайне, да у тебя и так дел невпроворот. Лучше скажи, мне стоит завтра обедать или место для ваших шедевров оставить?

— Оставь, — улыбнулась Юля.

— Знаешь, — ее нежно поцеловали в лоб, — после ритуала в море, мы с братьями по-настоящему стали близки. Раньше родство воспринималось мною как данность, я его никогда не ценил, а вот когда чуть не потерял Шестого и тебя... Многое переменялось.

Многое действительно переменялось. Братья стали больше времени проводить во дворце, и выяснилось, что есть множество дел, которые лучше делать вместе.

С его величеством у Юли установились странные отношения. Они продолжали обмениваться подарками, и король уже стал обладателем алкошашек, кубинских сигар и ручки паркер. Юле в ответ переслали световой шар, которые пускал звезды по потолку, металлические когти для лазанья по стенам и тонкий плащ от дождя, ткань которого меняла цвет в зависимости от освещения. Это был практически поединок технологий миров.

А вот для Седьмой девушка готовила особые подарки на рождение малыша. Пусть ее заранее простят блюстители импорта из чужих миров, но памперсы там точно будут.

— Мам, — раскрыла руки, принимая в объятия. Год дома не была, а такое чувство, что вечность. Сердце защемило, слезы сами потекли по щекам. Нет, с учетом ее положения слезы норма, да и повод какой!

— Юля! Юлечка! — ее затискали, прижали крепко, потом заметили округлившийся живот, стоявшего за спиной Фильярга, охнули. И началось. Ахи, охи и тысяча вопросов.

Юля только успевала отбиваться:

— Да, поженились.

Скромно, без толпы. Исключительно своим немаленьким семейством. Обстановка в стране все ещё оставалась напряженной, хотя общественное мнение уже признавало необходимость женского образования, но ассаре ее вмешательство не забыли.

— Прости, не сказала. Хотела сюрприз сделать.

— Да, здесь тоже отпразднуем. Обязательно. Только, мам, я должна признаться — не было никакой Новой Зеландии. Все это время я работала в другом мире.

Сначала был шок, потом повалил вал вопросов, пока отец не скомандовал:

— Все, хватит пол топтать в коридоре. Мать, накрывай на стол. Там и обсудим.

Младший братец разминал пальцы, не выдержал, вытянул Фильярга «поговорить» во двор. Чем дело закончилось, Юля не знала, но вернулись оба довольные, а братец показал большой палец, мол, стоящий мужик — одобряю.

Потом был кораблик с рестораном. Кайлес разошелся — если дома не дали отпраздновать, то здесь ты меня не удержишь. Были тамада, диджей, пара модных певцов. Для Шестого специально пригласили клоунов. И платье Юля сшила ало-золотое, потому что пламя сыграло не последнюю роль в ее жизни. И торт был пятиэтажный. Все как положено на свадьбе-мечте.

— Знаешь, — задумчиво проговорил Фильярг, когда они остались одни в номере люкс пятизвездочного отеля, — мне кажется, что праздник был больше всего нужен кузену, а не нам.

Юля хихикнула и подтвердила:

— Да, я тоже это заметила. Но он заслужил, — вступилась за Кайлеса. Прижалась, нежно улыбаясь. Как же хорошо быть рядом с тем, кого любишь!

.... надцать лет спустя.

— Ну что ты волнуешься, — Фильярг сжал Юлины пальцы, прижал к губам, нежно поцеловал и заверил: — Все будет хорошо.

— А если нет? — ворчливо осведомилась Юля. — Если пламя выберет тебя, и ты станешь королем? И мне придется убить всех этих со второй по восьмую?

— Не выберет, — покачал головой, улыбаясь Фильярг, — у нас полно достойных кандидатов. Первый, Третий, Пятый. Про Шестого молчу. Наша гордость. Затмил всех.

— Прямо уж затмил, — притворно не поверила Юля, хоть на душе стало радостно от похвалы. Она не уставала гордиться успехами подопечного. Пусть он и вырос — на голову выше ее, так что воспитательный подзатыльник только в прыжке отвесить можно, женился, но для нее оставался все тем же милым Совенком.

— Я почти уверен, — теплые губы коснулись лба, потом спустились ниже, прошлись цепочкой по лицу, — что это будет самый достойный выбор со времен основателя. Посуди сама: сильный огонь, пламя, темный дар, но главное — ты сумела воспитать из него достойного асмасца. Третий делал секретный доклад его величеству, в котором прямо сказано, что если пламя не выберет Шестого, вероятность бунта — семьдесят процентов из ста. Народ любит его уже сейчас. Так и называют: высочество Золотое сердце.

Да уж, сердце у Совенка оказалось и прям золотым. В нем хватало любви для всех подданных, любви сильного к слабым.

— Проследи за ним, — попросила по привычке, потому что все равно боялась и переживала. Ритуалы пугали до сих пор, хотя она и прошла парочку — в основном, чтобы доказать ректору свою правоту и поддержать Совенка. А этот ритуал в огненных пещерах

был самым сложным из всех.

— Обещаю, любимая.

Она не спала до рассвета. Ждала и дождалась.

— Он прошел! Его выбрали! — донесся мысленный возглас калкалоса. Драго хоть и ворчал, и делал вид, что ему плевать на корону, но за Совенка тоже переживал и ждал результата. И первым поспешил сообщить новость.

И дальше уже по нарастающей:

— Шестой — выбран. Пламя выбрало Шестого. Да здравствует король! Слава ассаре! Слава королю! Да здравствует ассара!

Асмас вступал в новую эпоху правления следующей ветви.

Конец.

Больше книг на сайте - Knigoed.net